

ХАНС РУСЕНФЕЛЬДТ
МИКАЭЛЬ ЮРТ

18+

УЧЕНИК

От создателя сериала «Мост»

Annotation

В Стокгольме жестоко убиты несколько женщин. Государственная комиссия по расследованию убийств под управлением Торкеля Хёглунда зашла в тупик.

Эти убийства идентичны тем, которые совершал Эдвард Хинде, серийный убийца, пятнадцать лет тому назад посаженный за решетку полицейским психологом Себастианом Бергманом. Там, в тюрьме строго режима «Лёвхага», Хинде и пребывает.

Себастиан больше не работает в полиции, но требует, чтобы его допустили к расследованию. Вскоре он понимает, что убийства связаны друг с другом так, как он и представить себе не мог.

Ханс Русенфельдт, Микаэль Юрт

Ученик

Роман

Michael Hjorth & Hans Rosenfeldt

Lärjungar

© Michael Hjorth & Hans Rosenfeldt, 2011

© Савицкая А., перевод, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Когда около половины восьмого вечера такси сворачивало на Толлэнс-вэг, Рикард Гранлунд думал, что все самое худшее в этот день уже случилось. Четыре дня в Мюнхене с окрестностями. Командировка. Немцы работали в июле более или менее как обычно. С утра до вечера встречи с клиентами. Фабрики, комнаты для переговоров и бесконечное количество чашек кофе. Он устал, но был доволен. Ленточные транспортеры — возможно, не самое увлекательное, чем можно заниматься, его работа редко вызывала любопытство и никогда не становилась естественной темой бесед на ужинах и встречах, но продавались они хорошо. Транспортеры. Продавались действительно хорошо.

По расписанию самолет из Мюнхена вылетал в 9:05. Рикард должен был прибыть в Стокгольм в двадцать минут двенадцатого. Затем ненадолго заскочить в офис. Для контроля. Около часа оказаться дома. Пообедать с Катариной и вместе с ней посвятить остаток дня саду. Таков был план.

До того как он узнал, что рейс на Стокгольм в 9:05 отменен. Встал в очередь к стойке «Люфтганзы», и ему перебронировали билет на 13:05. Еще четыре часа в Мюнхенском аэропорту имени Франца-Йозефа Штрауса. Не смешно. Огорченно вздохнув, он вытащил телефон и написал смс Катарине. Обедать ей придется без него. Но можно надеяться, что им все-таки удастся провести несколько часов в саду. Как погода? Может, вечером выпьем по коктейлю на террасе? Раз у него теперь есть время, он может что-нибудь прикупить.

Катарина сразу ответила. Жалко, что он задерживается. Она соскучилась. Погода в Стокгольме потрясающая, поэтому коктейль — прекрасная идея. Жду сюрприза. Целую.

Рикард зашел в один из магазинов, по-прежнему привлекавших такс-фри, хотя, по его убеждению, для абсолютного большинства пассажиров это уже утратило актуальность. Он нашел полку с готовыми коктейлями и взял знакомую ему по телевизионной рекламе бутылку «Мохито-классик».

По пути в магазинчик с прессой он сверился с табло вылетов. Выход 26. Он прикинул, что доберется туда за десять минут.

Рикард уселся с чашкой кофе и бутербродом и стал перелистывать только что купленный номер журнала «Гарденс иллюстрейтед». Время тянулось. Он немного побегал глазами по витринам магазинов аэропорта, купил еще один журнал, на этот раз по электронике, зашел в другое кафе и выпил бутылку минеральной воды. После посещения туалета, наконец, настало время идти к выходу на посадку. Тут его ждал следующий сюрприз. Рейс в 13:05 задерживается. Новое время посадки 13:40. Предполагаемое время вылета 14:00. Рикард снова достал телефон. Проинформировал Катарину о новой задержке и выразил негодование

по поводу самолетов вообще и «Люфтганзы» в частности. Затем нашел свободный стул и сел. Ответа на смс не последовало.

Он позвонил.

Ему не ответили.

Возможно, она нашла себе компанию и обедает не дома. Убрав телефон, он закрыл глаза. Какой смысл нервничать по поводу положения дел, сделать ведь он все равно ничего не может.

Без четверти два молодая женщина за стойкой, извинившись за опоздание, пригласила их на посадку. Когда они разместились в самолете и персонал привычно провел инструктаж по мерам безопасности, который никто все равно не слушал, к ним обратился капитан. У них одна лампа указывает на какую-то неисправность. Вероятно, неисправна сама лампа, но рисковать они не хотят. К ним уже направляется механик, для проверки. Капитан попросил извинения и выразил надежду на понимание. В самолете быстро стало жарко. Рикард чувствовал, как его готовность к пониманию и относительно хорошее настроение улетучиваются с той же скоростью, с какой его рубашка увлажняется на спине и под мышками. Вновь послышался голос капитана. Хорошие новости. Неисправность устранена. Новости чуть похуже. Они пропустили свое время вылета, и, похоже, на данный момент перед ними должны взлететь девять самолетов, но как только подойдет их очередь, они сразу начнут выполнять рейс в Стокгольм.

Он попросил извинения.

В Стокгольмском аэропорту они приземлились в 17:20.

С опозданием на два часа десять минут.

Или на шесть часов.

Зависит, как посмотреть.

На пути к месту выдачи багажа Рикард снова позвонил домой. Ему не ответили. Он позвонил Катарине на мобильный. После пяти гудков включился автоответчик. Наверное, она в саду и не слышит звонка. Рикард вышел в большой зал с багажными транспортерами. На мониторе над транспортером номер три значилось, что багаж с рейса LN2416 поступит через восемь минут.

Поступил он через двенадцать.

Прошло еще четверть часа, прежде чем Рикард понял, что его чемодана нет.

Новое ожидание в новой очереди, чтобы заявить о пропаже в сервисном окне «Люфтганзы». Оставив багажную квитанцию, свой адрес и максимально подробное описание чемодана, Рикард вышел в зал прибытия и отправился на поиски такси. Когда он проходил через вращающиеся двери, его буквально обдало жаром. Настоящее лето. У них будет прекрасный вечер. При мысли о коктейле на террасе в лучах вечернего солнца Рикард почувствовал, как к нему понемногу возвращается хорошее настроение. Он встал в очередь на такси: «Стокгольмское такси», «Курьер» или 020. Когда они выезжали из аэропорта Арланда, шофер сообщил ему, что в Стокгольме сегодня были совершенно безумные пробки. Совершенно безумные. Он тут же сбросил скорость до 50 километров в час и очутился в бесконечной на вид очереди машин, движущихся по шоссе E4 в южном направлении.

Поэтому, когда такси, наконец, свернуло на Толлэнс-вэг, Рикард Гранлунд думал, что все самое худшее в этот день уже случилось.

Он расплатился картой и через цветущий, ухоженный сад направился к дому. Войдя, он поставил на пол портфель и пластиковый пакет.

— Ау!

Ответа не последовало. Рикард снял обувь и прошел в кухню. Бросил взгляд в окно, чтобы посмотреть, не на улице ли Катарина, но там было пусто. На кухне тоже. Никакой записки на том месте, где жена могла бы ее оставить. Рикард достал телефон и проверил. Никаких пропущенных звонков или смс. В доме было душно. Солнце жарило вовсю. Маркизы Катарина не опустила. Рикард отпер и распахнул дверь на террасу. Потом поднялся на второй этаж. Надо было принять душ и переодеться. Он чувствовал, что весь пропотел, вплоть до трусов. Еще на лестнице он стянул галстук и начал расстегивать рубашку, но, войдя в спальню, застыл на месте. Первое, что бросилось ему в глаза, — Катарина лежит на кровати. Затем быстро пришло понимание трех вещей.

Она лежит на животе.

Она связана.

Она мертва.

* * *

При торможении поезд метро тряхнуло. Мама с коляской перед Себастианом Бергманом чуть крепче ухватилась за стальную стойку и нервно огляделась по сторонам. Она была очень напряжена, уже когда вошла в вагон на станции «Сант-Эриксплан», и хотя ее плачущий сынишка через пару остановок уснул, похоже, так и не успокоилась. Ей совершенно очевидно не нравилось находиться в окружении толпы незнакомых людей. Себастиан видел несколько признаков этого. Явные попытки сохранять в неприкосновенности свое минимальное личное пространство путем непрерывного передвижения ног, чтобы ни с кем не сталкиваться. Чуть влажная верхняя губа. Ни на чем не задерживающийся настороженный взгляд. Себастиан попытался успокаивающе улыбнуться ей, но она в ответ поспешно отвела взгляд, продолжая сканировать окружение бдительно и напряженно. Себастиан стал оглядывать переполненный вагон, который, едва миновав станцию «Хётorget», с металлическим скрежетом вновь остановился в туннеле. После нескольких минут стояния в темноте поезд медленно продолжил движение и начал приближаться к «Т-Сентрален». Обычно Себастиан на метро не ездил и уж точно не пользовался им в часы пик или во время туристского сезона. Слишком неудобно и суматошно. Он никак не мог свыкнуться с коллективным вариантом человечества со всеми его звуками и запахами. Обычно он ходил пешком или ездил на такси. Держал дистанцию от людей. Сторонился их. Так бывало всегда. Но теперь все было не так, как обычно.

Все.

Себастиан прислонился к дверям в конце вагона и посмотрел в следующий вагон. Через небольшое окно она была ему хорошо видна. Светлые волосы, склоненное над сегодняшней газетой лицо. Глядя на нее, он осознал, что улыбается про себя.

Она, как всегда, пересаживалась на «Т-Сентрален». Быстрым шагом спускалась по каменной лестнице к красной линии. Следовать за ней ему не составляло труда. Если держать дистанцию, его скроют потоки прибывающих пассажиров и изучающих карты туристов.

Он держал дистанцию.

Не хотел потерять ее.

Но обнаруживать себя было нельзя.

Задача не из простых, но он уже хорошо наловчился.

Когда двенадцатью минутами позже поезд красной линии остановился на станции «Гэрдет», Себастиан чуть-чуть повременил выходить из голубого вагона. Здесь приходилось проявлять бóльшую осторожность. По перрону передвигалось меньше людей, большинство пассажиров вышли на предыдущей остановке. Себастиан выбрал вагон, шедший перед ее вагоном, чтобы при выходе она оказалась к нему спиной. Она развила приличную скорость и была уже на полпути к эскалатору, когда он ее высмотрел. Женщина с коляской тоже явно ехала до «Гэрдет», и Себастиан предпочел держаться за ней на случай, если та, за кем он следовал, почему-либо обернется. Женщина неспешно катила коляску за устремившимися к эскалатору людьми, вероятно, надеясь избежать толкотни впереди. Идя позади матери с коляской, Себастиан сообразил, насколько они похожи.

Два человека, которым всегда требуется держать дистанцию.

* * *

Женщина.

Убита.

У себя дома.

Обычно в таких ситуациях никакой причины вызывать комиссию Государственного полицейского управления и команду Торкеля Хёглунда не было.

В большинстве случаев это являлось трагическим финалом семейной ссоры, тяжбы об опеке, драмы, вызванной ревностью, изобиловавшей спиртным вечеринки в обществе, как выяснилось, неподходящей компании.

Все сотрудники полиции знали, что, если женщин убивают в собственном доме, преступник чаще всего обнаруживается в ближайшем окружении. Поэтому не удивительно, что, принимая звонок на номер 112 сразу после половины восьмого, Стина Каупин воображала, будто разговаривает с убийцей.

— СОС 112, что произошло?

— Моя жена мертва.

Дальнейшие слова мужчины разобрать было трудно. От горя и шока он говорил невнятно, временами замолкая так надолго, что Стина думала, что он положил трубку. Затем она услышала, как он пытается нормализовать дыхание. Ей пришлось бороться, чтобы заполучить адрес. Мужчина в трубке лишь повторял, что его жена мертва и что вокруг много крови. Кровь повсюду. Могут ли они приехать? Пожалуйста! У Стины возник образ мужчины средних лет с окровавленными руками, который медленно, но верно понимает, что он натворил. Под конец ей все-таки удалось узнать адрес в городке Тумба^[1]. Она попросила заявителя — и вероятного убийцу — никуда не уходить и ни к чему в доме не прикасаться. Она направит на место происшествия полицейских и «скорую помощь». Положив трубку, Стина переадресовала дело в полицию района Сёдертёрн, которая, в свою очередь, проследила за тем, чтобы на место происшествия выехала патрульная машина.

Когда Эрик Линдман и Фабиан Хольст получили приказ отправляться на Толлэнс-вэг номер 19, они как раз заканчивали в полицейской машине несколько запоздалый ужин-

перекус.

Десятью минутами позже они прибыли на место. Выйдя из машины, они взглянули в сторону дома. Никого из них садоводство особенно не интересовало, но они поняли, что кто-то потратил изрядное количество часов и крон, чтобы создать окружающее желтый деревянный дом почти идеальное разноцветное великолепие.

Когда они прошли полпути по садовой дорожке, дверь в дом открылась. У обоих руки машинально потянулись к висящей на правом бедре кобуре. Мужчина в дверях стоял в расстегнутой рубашке и смотрел на полицейских почти отсутствующим взглядом.

— «Скорой» не требуется.

Полицейские быстро переглянулись. Мужчина в дверях явно пребывал в шоке. В шоковом состоянии люди действуют по собственным правилам. Непредсказуемо. Нелогично. Конечно, мужчина казался довольно обессиленным и подавленным, но рисковать они не собирались. Линдман двинулся дальше, а Хольст замедлил шаг, продолжая держать руку поблизости от табельного оружия.

— Рикард Гранлунд? — спросил Линдман, делая последние шаги к мужчине, который неотрывно смотрел куда-то в сторону, позади него.

— «Скорой» не требуется, — снова произнес мужчина глухим голосом. — Женщина, с которой я разговаривал, сказала, что придет «скорую помощь». Этого не требуется. Я забыл ей сказать...

Линдман достиг мужчины. Дотронулся до его руки. При физическом контакте мужчина в дверях вздрогнул и повернулся к нему. Посмотрел на него с изумлением, будто видит полицейского впервые и удивляется, как тому удалось подойти настолько близко.

«Никакой крови на руках и одежде», — отметил Линдман.

— Рикард Гранлунд?

Мужчина кивнул.

— Я приехал домой, а она лежит там...

— Приехали откуда?

— Что?

— Приехали откуда? Где вы были?

Возможно, время для расспросов человека, явно находящегося в шоковом состоянии, было выбрано неудачно, но сведения, полученные при первом контакте, могли пригодиться для сопоставления с тем, что выявится в случае последующего допроса.

— В Германии. Я работал. Мой самолет опоздал. Или... сперва его отменили, а потом он вылетел позже, и я еще задержался, поскольку мой багаж...

Мужчина умолк. Казалось, ему в голову пришла какая-то мысль или до него что-то дошло. Он впервые посмотрел на Линдмана с ясностью в глазах.

— Я мог ее спасти? Если бы я прибыл вовремя, она бы осталась жива?

При смертных случаях предположения из серии «а что, если бы» естественны. Линдману много раз доводилось их слышать. Он неоднократно участвовал в расследовании дел, когда люди умирали из-за того, что оказывались в неправильном месте в неправильное время. Они переходили улицу как раз в тот момент, когда вылетала машина с пьяным водителем. Спали в жилом автоприцепе именно в ту ночь, когда баллон с газом давал течь. Перебегали пути как раз, когда появлялся поезд. Падающие провода, возбужденные агрессивные мужчины, вылетающие на встречную полосу машины. Разные случайности. Забытые ключи могли задержать человека ровно на те секунды, которые требовались для

того, чтобы он не успел пересечь пути на нерегулируемом железнодорожном переезде. Задержка рейса могла оставить жену в одиночестве достаточно долго для того, чтобы убийца успел нанести удар. Предположения из серии «а что, если бы».

Обычные при смертных случаях.

Не имеющие ответа.

— Где ваша жена, Рикард? — спросил Линдман спокойным голосом.

Мужчина в дверях, казалось, размышлял над вопросом. Его вынуждали переключиться с воспоминаний о поездке домой и внезапно навалившегося ощущения возможной вины на происходившее здесь и сейчас. На ужас.

На то, чему он не смог воспрепятствовать.

Под конец он попал в точку.

— Наверху.

Рикард указал рукой назад и заплакал. Линдман кивнул коллеге, чтобы тот шел наверх, а сам повел плачущего мужчину в дом. Наверняка, конечно, сказать нельзя, никогда не следует быть уверенным, но у Линдмана возникло твердое ощущение, что человек, которого он, приобняв за плечи, сопровождает на кухню, не убийца.

У подножия лестницы Хольст вытащил пистолет и, поднимаясь, прижимал его к ноге. Если раздавленный горем мужчина, которым занимается коллега, не убийца, то существовал небольшой риск, что он или она, хотя это значительно более необычно, по-прежнему находится в доме. Над лестницей виднелась небольшая комната. Потолочное окно. Двухместный диван, телевизор и Blu-Ray проигрыватель. На стенах полки с книгами и фильмами. Четыре двери. Две открыты, две закрыты. С последней ступеньки лестницы Хольст увидел в спальне ноги убитой женщины. На кровати. «Это означает, что надо проинформировать Государственное полицейское управление», — подумал он, быстро заходя во вторую комнату с открытой дверью, в кабинет. Пусто. Две закрытые двери вели в туалет и гардеробную. Оба помещения оказались пусты. Хольст убрал пистолет и приблизился к спальне. В дверях он остановился.

Уже с неделю у них циркулировало обращение комиссии Государственного полицейского управления по расследованию убийств. Комиссию следовало информировать о смертных случаях, отвечавших определенным критериям.

Если жертву нашли в спальне.

Если жертва связана.

Если у жертвы перерезано горло.

* * *

Мобильный телефон зазвонил у Торкеля посреди последней строфы поздравительной песни, и тот ответил на звонок, выходя на кухню. На заднем плане раздавалось четырехкратное «ура».

День рождения Вильмы.

Тринадцать.

Тинейджер.

Сам день рождения был в прошлую пятницу, но тогда приглашали на ужин девочек и показывали фильм. Старшим, более скучным родственникам, типа ее отца, пришлось

собраться в будний день. Торкель вместе с Ивонн купил дочери мобильный телефон. Новый. Собственный. До этого Вильме доставались старые телефоны старшей сестры или его и Ивонн, когда им на работе выдавали новые. Теперь же она получила новенький. Андроид — Торкелю помнилось, что Билли назвал телефон именно так, когда он попросил его помочь выбрать модель и марку. Ивонн сказала, что Вильма, начиная с пятницы, даже спит, практически не выпуская телефона из рук.

Кухонный стол на этот вечер превратили в стол для подарков. Старшая сестра купила тушь для ресниц, тени, блеск для губ и тональную основу для макияжа. Вильма получила все это в пятницу, но выложила снова, чтобы продемонстрировать весь урожай подарков. Принимая информацию, Торкель взял тушь, обещавшую увеличение длины ресниц вплоть до десятикратного.

Убийство. В городке Тумба. Связанная женщина с перерезанным горлом, в спальне.

Торкель считал, что Вильме слишком рано краситься, но ему объяснили, что во всем шестом классе не красится только она, а в седьмом классе приходиться в школу без макияжа просто невыносимо. Протестовал Торкель не особенно долго. Времена меняются, он знал, что должен быть благодарен за то, что ему не пришлось вести подобную дискуссию, когда Вильма пошла в четвертый класс. Некоторым родителям из ее школы пришлось. И они явно уступили.

Все указывало на то, что это — третья жертва.

Закончив разговор, Торкель положил тушь обратно на стол и вернулся в гостиную.

Он подозвал Вильму, которая разговаривала с бабушкой и дедушкой. Похоже, она не слишком расстроилась оттого, что у нее появился предлог прервать беседу с пожилыми родственниками. Она подошла к Торкелю с некоторым ожиданием во взгляде, словно думала, что он ходил на кухню, чтобы устроить какой-нибудь сюрприз.

— Я должен ехать, дружочек.

— Это из-за Кристофера?

Торкелю потребовалось несколько секунд, чтобы понять вопрос. Кристофер был новым мужчиной Ивонн. Они встречались уже несколько месяцев — по его сведениям. Торкель познакомился с ним только этим вечером. Учитель гимназии. Около пятидесяти. Разведен, имеет детей. Производит приятное впечатление. Торкелю даже в голову не приходило, что их встреча может восприниматься как напряженная, неловкая или вообще создавать какую-либо проблему, поэтому он не смог сразу уловить в вопросе дочери связь. Вильма явно расценила недолгое замешательство как-то, что попала в точку.

— Я говорила, чтобы она его не приглашала, — продолжила она с недовольным видом.

Торкеля охватила нежность к дочери. Она хотела защитить его. Ей тринадцать лет, а она хотела уберечь его от душевной раны. В ее мире подобная ситуация, очевидно, представляется крайне неловкой. Ей наверняка не хотелось бы встретить своего бывшего парня в компании с кем-то другим. Если у нее вообще был парень. Точно Торкель не знал. Он нежно погладил ее по щеке.

— Мне надо работать. Это не имеет никакого отношения к Кристоферу.

— Точно?

— Совершенно точно. Мне пришлось бы уехать, даже если бы мы с тобой сидели вдвоем. Ты же знаешь, как бывает.

Вильма кивнула. Она прожила вместе с ним достаточно долго для того, чтобы знать: он исчезает, когда должен, и отсутствует столько, сколько требуется.

— Кого-то убили?

— Да.

Ничего больше Торкель рассказывать не собирался. Он давно решил, что не станет завоевывать внимание детей рассказами о волнующих и жутких подробностях своей работы. Вильма это знала. Поэтому она не продолжила расспрашивать, а только снова кивнула. Торкель посмотрел на нее серьезно.

— Я считаю, это хорошо, что мама кого-то встретила.

— Почему же?

— Почему бы и нет? Ей ведь незачем оставаться в одиночестве только потому, что она не со мной.

— А ты кого-нибудь встретил?

Торкель немного посомневался. Встретил ли он кого-то? На протяжении долгого времени он состоял в своего рода отношениях с Урсолой, замужней коллегой, но они никогда всерьез не определяли, что это за отношения. Они спали вместе, когда работали на выезде. В Стокгольме — никогда. Никаких совместных ужинов или будничных разговоров на личные темы. Секс и болтовня о работе. Вот и все. А теперь не было даже этого. Несколько месяцев назад он подключил к расследованию бывшего коллегу Себастиана Бергмана, и с тех пор они с Урсолой вместе только работали. Торкелю это не давало покоя. Больше, чем ему хотелось признавать. Не то, что их отношения, или что там у них было, столь откровенно подчинялись ее условиям, с этим он мог жить, но ему ее не хватало. Больше, чем он предполагал. Это его раздражало. В довершение всего она, похоже, снова сблизилась с мужем, с Микке. Они даже несколько недель назад съездили на выходные в Париж.

Так встретил ли он кого-нибудь?

Вероятно, нет, а объяснять сложности своих отношений дочери, которой едва исполнилось тринадцать, он в любом случае не собирался.

— Нет, — ответил он, — я никого не встретил. Но теперь мне действительно надо ехать.

Торкель обнял ее. Крепко.

— Поздравляю с днем рождения, — прошептал он. — Я тебя люблю.

— Я тоже люблю тебя, — ответила дочка, — и мой телефон.

Она прижалась намазанными новым блеском губами к его щеке.

Когда Торкель ехал в машине в городок Тумба, на его лице по-прежнему сияла улыбка.

Он позвонил Урсуле.

Она уже выехала.

В машине Торкель поймал себя на мысли, что надеется, что это окажется нечто другое. Кто-то другой. Что связи с остальными убитыми женщинами не обнаружится. Окажется, что этот случай первый. Но нет. Торкель понял это, как только заглянул в спальню.

Нейлоновые чулки. Ночная рубашка. Расположение.

Третий.

Для описания огромной раны на горле «от уха до уха» было не достаточно. Скорее, от одной стороны позвоночника до другой. Как, когда открывают консервную банку и оставляют маленький кусочек, чтобы иметь возможность отогнуть крышку назад. Горло женщины было практически полностью перерезано. Для нанесения ей подобных ран требовалась изрядная сила. Кровь была повсюду: высоко на стенах и по всему полу.

Урсула уже всю фотографировала. Она аккуратно ходила по комнате, стараясь не наступать на кровь. Всегда первая на месте, если только могла. Она подняла взгляд, кивнула

в знак приветствия и продолжила снимать. Торкель задал вопрос, ответ на который уже знал.

— Такое же?

— Абсолютно.

— Я по пути сюда позвонил в «Лёвхагу»^[2]. Он сидит, как сидел.

— Это нам вроде и так известно?

Торкель кивнул. «Не нравится мне это дело», — думал он, стоя в дверях спальни и глядя на убитую женщину. Ему уже доводилось стоять в дверях других спален и смотреть на других женщин в ночных рубашках, со связанными нейлоновыми чулками руками и ногами, изнасилованных и с перерезанным горлом. Первую они нашли в 1995 году. Затем последовали еще три, прежде чем им в конце весны 96-го удалось схватить убийцу.

Хинде приговорили к пожизненному пребыванию в «Лёвхаге».

Он даже не обжаловал.

И по-прежнему сидит там.

Однако новые жертвы были идентичными копиями его жертв. Руки и ноги связаны таким же образом. Перерезанное горло. Даже голубой оттенок белых ночных рубашек точно такой же. Это означало, что человек, которого они ищут, не только серийный убийца, но и сорусат^[3]. Некто, по какой-то причине копирующий убийства пятнадцатилетней давности. Торкель посмотрел в свою записную книжку и снова обратился к Урсуле. Она принимала участие в тот раз, в девяностые годы. Она, Себастиан и Тролле Херманссон, которого потом в принудительном порядке отправили на пенсию.

— Муж сообщил, что около девяти утра получил ответ на смс, а в час дня нет, — сказал он.

— Может соответствовать. Она мертва уже более пяти часов, но меньше пятнадцати.

Торкель лишь кивнул. Он знал, что Урсула права. Если бы он спросил, она бы указала на то, что *rigor* еще не достиг ног, *autolys* недостаточно выражен, начали образовываться *tache poire*^[4] и прочее на судебно-медицинском жаргоне, который он, невзирая на долгие годы в полиции, так и не позаботился освоить. Если спрашиваешь, тебе отвечают на нормальном шведском языке.

Урсула вытерла тыльной стороной ладони пот со лба. На втором этаже было жарче, чем на первом. Июльское солнце палило весь день. В комнате жужжали мухи, привлеченные кровью и пока еще не заметным глазу, но уже начавшимся разложением.

— Ночная рубашка? — поинтересовался Торкель, в последний раз взглянув на кровать.

— Что с ней такого? — Урсула опустила камеру и присмотрелась к старомодной хлопчатой рубашке.

— Она одернута.

— Возможно, муж. Чтобы ее немного прикрыть.

— Я спрошу его, прикасался ли он к ней.

Торкель покинул дверной проем. Вернулся на кухню, к безутешному мужу. Это дело ему очень не нравилось.

* * *

Высокий мужчина проспал несколько часов. Придя домой, он рухнул в постель. Так он

поступал всегда. Ритуалы. В крови у него бурлил адреналин. Он толком не знал, что происходило, но задним числом казалось, будто за то короткое время, что он активно действовал, растрачивался недельный запас энергии. Но вот он очнулся. Часы прозвонили. Настала пора быть эффективным. Снова. Он вылез из постели. Так много еще нужно сделать. И все надо непременно выполнять правильно. В нужное время. В правильном порядке.

Ритуалы.

Без них все превратилось бы в хаос. Хаос и страх. Ритуалы создавали контроль. Делали зло меньшим. Боль менее болезненной. Ритуалы не подпускали тьму.

Мужчина присоединил фотоаппарат «Никон» к компьютеру и быстро и привычно закачал туда 36 снимков.

Первый — когда женщина, плача и скрестив руки на груди, стояла в ожидании, пока он даст ей ночную рубашку. Кровь из одной ноздри стекала на нижнюю губу. Две капли по пути на пол задели ее правую грудь, оставив красные следы, точно дождь на оконном стекле. Раздеваться она поначалу отказывалась. Думала, что одежда ее, возможно, защитит. Спасет ее.

На тридцать шестом, последнем снимке, ее безжизненный взгляд устремлен прямо в камеру. Он тогда присел возле кровати на корточки и наклонился поближе, так близко, что чувствовал тепло крови, которая все сочилась и сочилась из зияющей дыры в горле. Большая часть крови к тому времени уже покинула тело и более или менее впиталась в простыни и матрас.

Попутно он быстро проверял фотографии. Ночная рубашка надета. Нейлоновые чулки. Узлы. Труссы сняты. До содеянного. После. Нож в работе.

Страх.

Осознание.

Результат.

Все выглядело хорошо. Все 36 пригодны для использования. Отлично. Несмотря на почти неограниченную мощность цифрового аппарата, ему хотелось держаться в рамках старой пленки. 36 снимков. Не больше и не меньше.

Ритуалы.

* * *

Когда Торкель спустился с лестницы, Билли стоял на коленях возле входной двери.

— Насколько я вижу, на двери никаких повреждений нет, — сообщил он своему начальнику. — Похоже, его впустили.

— Когда мы приехали, была открыта дверь на террасу, — уточнил Торкель.

— Ее открыл муж, когда пришел, — согласно кивнул Билли. — Она, по его словам, была заперта.

— А он уверен? Он, казалось, плохо соображал от шока.

— Говорил он довольно уверенно...

— Я спрошу его еще раз. Где Ванья?

— Снаружи. Она только что приехала.

— Наверху, в кабинете, стоит компьютер, — Торкель кивнул в сторону лестницы, с которой только что спустился. — Возьми его с собой и посмотри, не найдется ли там чего-

нибудь. Желательно такого, что связывает ее с остальными.

— Значит, она третья?

— Многое указывает на то, что да.

— Мы будем кого-нибудь подключать или...?

Билли не договорил. Торкель понял, что он, собственно, имел в виду: «Будем ли мы подключать Себастиана Бергмана?» Торкель уже сам подумывал об этом, но сразу отбросил эту мысль. Минусы казались очевидными и значительно перевешивали плюсы, но так было до сегодняшнего вечера.

До третьей.

— Посмотрим.

— Я хочу сказать, учитывая то, кого он копирует...

— Я говорю, посмотрим.

По его тону Билли сообразил, что продолжать расспросы не следует. Он кивнул и встал. Раздраженность Торкеля Билли понимал. У них не было никаких следов или, вернее, их имелось много. Отпечатки обуви и пальцев, сперма и волосы, но тем не менее они ни на йоту не приблизились к поимке преступника по сравнению с тем, что было двадцать девять дней назад, когда нашли первую женщину, связанную и убитую таким же образом. Небрежность, с какой преступник оставлял после себя технические доказательства, указывала на то, что этот человек знает, что не присутствует ни в одном регистре. Он проявлял слишком большую организованность для того, чтобы просто допускать небрежность. Значит, ранее не наказывался, во всяком случае, за сколько-нибудь серьезные правонарушения. Но стремился рисковать. Или был вынужден. Обе возможности вызвали тревогу. Это означало, что он с большой долей вероятности совершит новое преступление.

— Захвати Ваню, возвращайтесь в офис и проверьте все еще раз.

Если бы им только удалось обнаружить связь между жертвами, это дало бы им очень многое. Тогда можно было бы кое-что узнать о преступнике и начать его вычислять. Самое худшее, если убийца выбирает жертв наобум. Видит кого-то в городе, направляется следом, проводит рекогносцировку, планирует и выжидает удобного случая. Если это так, если он выбирает жертв таким образом, то им не схватить его, пока он не совершит ошибку. А до сих пор он ни одной не совершил.

* * *

Билли в несколько прыжков преодолел лестницу, бросил беглый взгляд в спальню, где по-прежнему работала Урсула, и зашел в кабинет. Очень маленький. От силы шесть квадратных метров. В углу письменный стол, перед ним компьютерное кресло. Под ним лист плексигласа, чтобы не царапать колесами паркет. Низкий столик с принтером — современным, с роутером, бумагой, папками и канцелярскими принадлежностями. На стенке над письменным столом висела длинная рамка для восьми фотографий. Жертва — Катарина, если Билли правильно запомнил ее имя, — одна на снимке, улыбается на камеру перед яблоней, соломенная шляпа поверх темных волос, белое летнее платье. Прямо реклама шведского лета. Например, в Эстерлене^[5]. Муж — Рикард — тоже один на одном из снимков. На корме яхты. Солнцезащитные очки, загорелый, сосредоточенный. На остальных шести снимках они вместе. Рядышком, в обнимку, улыбающиеся. Похоже, они много

путешествовали. Одна из фотографий снята на белоснежном песчаном пляже с пальмами на заднем плане, а на двух других Билли узнал Нью-Йорк и Куала-Лумпур. Детей, очевидно, нет.

Значит, в этот раз никто, по крайней мере, не лишился мамы.

Он задержался перед фотографиями, вглядываясь в нежные улыбки супругов. На всех снимках они обнимают друг друга. Возможно, так они всегда позировали перед камерой. Может, это просто игра, чтобы показать окружающим, как им хорошо вместе. Однако тут этого не видно, оба выглядят действительно влюбленными. Билли никак не мог оторваться от фотографий этих мужчины и женщины. Что-то в их счастье его поражало. Они выглядят такими радостными. Такими влюбленными. Такими живыми. Обычно Билли это так сильно не трогало. Он мог без труда сохранять профессиональную дистанцию между жертвами и собой. Это, разумеется, всегда оказывало воздействие, он сопереживал родственникам, но горе обычно не пронзало его так глубоко. Он точно знал, почему в этот раз все по-другому. Совсем недавно он встретил кое-кого, чей веселый взгляд и располагающая улыбка напоминали женщину на снимках. От этого трагедия становилась многоплановой и реальной. Он думал о Мю. Как она сегодня утром натягивала одеяло и сонно обнимала его. Как пыталась заставить его остаться у нее еще немного и еще чуть-чуть, и еще чуть-чуть, пока все утро не пошло прахом. Образ улыбающейся Мю хорошо сочетался с романтическими фотографиями перед ним, но никак не вязался с жутко извернувшейся, связанной и изнасилованной женщиной в соседней комнате. И тем не менее это та же женщина. На мгновение Билли представил себе, что это Мю лежит, уткнувшись в огромную лужу крови. Он тут же отвернулся и закрыл глаза. Такой страх его еще не посещал.

Никогда.

И нельзя вновь подпускать его к себе. Билли это знал. Нельзя впускать в душу насилие и боязнь, позволять им себя отравить. Это разрушит любовь. Привнесет в нее испуг и постоянное беспокойство. Необходимость четко разграничивать личную жизнь и работу была ему предельно ясна, без такой дистанции он рискует потерять все. Сможет обнимать ее, крепко прижимать, но не делиться чувством. Оно слишком темное и бездонное, чтобы вводить его в их отношения. Придя домой, он будет долго не выпускать ее из объятий. Очень долго. Она спросит, почему. Он солжет. К сожалению. Но не захочет открывать ей правду. Билли развернулся, взял с письменного стола ноутбук и пошел вниз искать Ванью.

* * *

Высокий мужчина дал компьютеру команду распечатать все снимки, и принтер сразу ответил эффективным жужжанием. Пока снимки печатались — 10x15, на глянцевої фотобумаге, — мужчина создал новую папку для находящихся на экране фотографий, скопировал ее, зашел на защищенную паролем веб-страницу, идентифицировался как администратор и выложил туда папку. Страница имела ничего не говорящий адрес fygorh.se. Собственно, это была лишь случайно выбранная комбинация букв с единственной целью не попасть в приоритеты какой-нибудь поисковой системы. Если кто-нибудь, не имеющий к странице отношения, против ожидания все-таки до нее доберется, у него появится плохо отформатированный, почти нечитабельный текст на ярком, движущемся фоне. Тексты, спорадически менявшие шрифт и цвет, представляли собой выдержки из книг, государственных отчетов, диссертаций, других веб-страниц и чистой бессмыслицы, без

абзацев и даже пробелов. При этом то тут, то там без всякой задней мысли возникали странные изображения и рисунки. Страница казалась цифровой версией тарабарщины, созданной человеком, не способным выбрать среди обилия возможностей и испробовавшим все сразу в одном и том же месте, такой, как иногда вывешивают на автобусных остановках и щитах электроуправления. Никто не мог сохранять концентрацию на этой странице особенно долго. Он в свое время запрашивал статистику посещений. Из 73 человек, по какой-то неведомой причине заходивших туда, дольше всех задержался тот, кто пробыл там 1 минуту и 26 секунд. Именно этого ему и хотелось. Никому не удавалось добраться до пятой страницы или заметить маленькую красную кнопку посреди отрывка о принципах охраны зданий в муниципалитете Катринехольма. Если нажать на нее, то открывалась новая страница, запрашивавшая пароль и идентификатор пользователя. За ней обнаруживалась папка, которую он только что выложил. Папка имела ничего не говорящее название «3».

Принтер закончил работать. Мужчина взял распечатанное. Перелистал и подсчитал. Все 36. Достав большой зажим для бумаг, он соединил фотографии вместе за верхние края. Перешел к другой стороне комнаты, где на стене была прибита мазонитовая пластина, и повесил зажим с фотографиями на гвоздь в правом верхнем углу. Над гвоздем значилась цифра три, обведенная черным кружком. Он взглянул на верхние снимки, висевшие на гвоздях «1» и «2». Женщины. У себя в спальне. Полуобнаженные. Плачущие. До смерти перепуганные. Крайний слева зажим содержал только 34 фотографии. Две первые у него не получились. До действия. Поторопился. Отошел от ритуала. Он проклинал себя. Торжественно пообещал, что больше это не повторится. Уже вторая пачка была полной. Он снова взял аппарат и сфотографировал мазонитовую пластину с ее чудовищным содержимым. Первая фаза завершена. Положив камеру на письменный стол, он взял с пола возле двери черную спортивную сумку.

На кухню.

Мужчина поставил сумку на пустой кухонный стол, расстегнул молнию и извлек пластиковый пакетик с кусочком картона — упаковку от нейлоновых чулок, которыми он воспользовался. «Филипп Матиньон Ноблесс», 50 ден, песочно-коричневые.

Как обычно.

Как всегда.

Он открыл шкафчик под мойкой, бросил туда упаковку и закрыл дверцу. Вернулся к сумке, достал нож в пластикатовом пакете, вынул его, положил в раковину, а окровавленный пакет опять бросил в шкафчик под мойкой. Закрыв дверцу, он открыл кран. На широкое лезвие полилась теплая вода. Присохшая кровь начала отставать от металла и, слегка завихряясь влево, потекла в сток. Он взял нож за рукоятку и перевернул. Когда кровь перестала стекать сама по себе, он, чтобы счистить остатки, прибег к помощи щетки и средства для мытья посуды. Затем тщательно вытер свое оружие и положил обратно в сумку. Выдвинул третий сверху ящик стоящего возле плиты пенала и достал рулон трехлитровых пакетов для замораживания продуктов. Оторвал один пакет, вернул рулон на место, задвинул ящик и положил пакет в сумку рядом с ножом. После этого мужчина покинул кухню.

* * *

Обойдя вокруг дома, Билли нашел Ванью на газоне. Она стояла спиной к террасе и

панорамным окнам. Перед ней простирался тщательно подстриженный газон, завершавшийся двумя цветущими клумбами. Билли никаких названий растений не знал и предполагал, что внимание Ваньи привлекли тоже не роскошные цветы.

— Как дела?

Ванья вздрогнула. Она не слышала, как он подошел.

— Здесь он визитной карточки не оставил, если ты это имеешь в виду.

— Ну ладно... — Билли немного отступил назад.

Ванья сообразила, что ответила необычно резко. Возможно, вопрос коллеги даже не касался работы. Он знал ее. Знал хорошо. Знал, насколько она ненавидит этот тип преступлений. Не из-за крови и сексуального насилия. Она видала и похуже. Но жертва — женщина.

Убита.

Дома.

Женщин не должны насиловать и убивать у них дома. Они и так повсюду непрерывно подвергаются опасности. Им лучше переодеться перед тем, как отправиться из ресторана домой. Им надо избегать подземных переходов, парков и безлюдных дорог. Не ходить в наушниках, слушая музыку с айпода. Их свобода передвижения ограничена, их возможности ограничены. Хотя бы в собственном доме они должны чувствовать себя спокойно.

Расслабленно.

Надежно.

— Я обнаружила вот это, — сказала Ванья, разворачиваясь и направляясь обратно к террасе.

Билли пошел следом. Они поднялись на обработанный пропиткой деревянный пол, миновали плетеные кресла и стол с опущенным зеленым зонтом в центре, показавшимися Билли более подходящими для уличного кафе, чем для террасы, и подошли к двум белым деревянным шезлонгам, в которых хозяева, возможно, сидели в лучах вечернего солнца каждый со своим бокалом в руке.

— Там, — Ванья указала на крайнее окно слева.

Билли посмотрел. За окном виднелась бóльшая часть первого этажа. Он увидел Торкеля, разговаривающего с Рикардом Гранлундом, и криминалистов, которые изучали оставшуюся часть дома, но едва ли Ванья хотела показать ему именно это.

— Что это такое? — спросил он.

— Там, — повторила она, указывая на этот раз более определенно.

И тут он увидел. В принципе прямо перед глазами. Отпечатки на оконном стекле — один почти четырехугольный, в несколько квадратных сантиметров, а пониже небольшая точка. С двух сторон от них имелись два отпечатка в форме полумесяца — левый чуть изогнут вправо, а правый — влево, точно скобки вокруг двух других отметин. Билли сразу понял, что это. Кто-то — вероятно, убийца — смотрел через окно, прислонившись лбом и носом к стеклу и загораживая по бокам солнце согнутыми ладонями, и в результате оставил на стекле кожный жир.

— Он высокий, — отметил Билли, наклоняясь вперед. — Выше меня.

— Если их оставил он, — Ванья кивнула на отпечатки на стекле, — это означает, что он просматривался из тех домов. — Она показала в сторону соседних домов за клумбами. — Кто-нибудь мог его видеть.

Билли засомневался. Посреди буднего дня, в июле. Из вилл вокруг, похоже, все уехали в

отпуск. Когда прибыла полиция, на улице собралось крайне мало любопытных или обнаруживших необходимость срочно что-то сделать в саду. Это один из тех районов, что более или менее пустеют летом. У жителей имеются средства и время для того, чтобы поехать на дачу, отправиться куда-нибудь на яхте или за границу. Знал ли об этом преступник? Рассчитывал ли на это?

Вероятно.

Разумеется, они обойдут соседей. Многих. Если убийцу впустили в дом, как полагал Билли, он, наверное, подошел к главному входу. Стучаться в дверь террасы более пугающе и необычно, и шанс попасть внутрь значительно меньше. Значит, он прошел через сад. Прямо на виду. Насколько они знали, аналогично он поступал и в двух предыдущих случаях, но им это не помогло. Никто ничего или никого не видел. Ни машины, ни человека, странно себя ведшего, никто не спрашивал дорогу, не крался, не ехал на велосипеде, не доставлял сообщений.

Ничего и никого.

По соседству все было так, как всегда, с одним маленьким исключением — там жестоко убили женщину.

— Торкель хочет, чтобы мы поехали обратно, — сказал Билли. — Если повезет, мы найдем что-нибудь общее.

— Похоже, нам необходима удача. Он набирает скорость.

Билли кивнул. Между первым и вторым убийствами прошло три недели. Между вторым и третьим всего восемь дней. Они вместе двинулись через зеленый, почти как для гольфа, газон, который, невзирая на продолжительную засуху и жару, не имел ни единого желтого пятнышка. Ванья посмотрела на коллегу, шагавшего рядом в темно-синем худи, с ноутбуком в руке.

— Извини, если я вначале говорила сердито.

— Ничего страшного, ты же была рассержена.

Ванья улыбнулась про себя.

Как все-таки с Билли легко работать.

* * *

Спальня.

Высокий мужчина прошел с сумкой в руке прямо к комоду, стоявшему у стены с окном. Поставив сумку на комод, он выдвинул верхний ящик. Достал с правой стороны тщательно сложенную ночную рубашку и сунул ее в сумку. Вынул слева пакет с чулками «Филипп Матиньон Ноблесс», 50 ден, песочно-коричневые, и тоже отправил его в черную спортивную сумку. Застегнув молнию, он уложил сумку в пространство между остальной одеждой. Поместилась она идеально.

Разумеется.

Он задвинул ящик.

Снова на кухню.

Из кладовки с принадлежностями для уборки он достал тщательно свернутый бумажный пакет и, разворачивая его, подошел к холодильнику. На дверце холодильника стояли бутылка лимонада — 0,33, стеклянная, — и пачка печенья «Мария». В прозрачном

ящике, в самом низу, лежали бананы. Мужчина взял две штуки и положил их в бумажный пакет вместе с лимонадом, печеньем и шоколадными вафлями с верхней полки. Открыв в третий раз дверцу шкафчика под мойкой, он достал пустую пластиковую бутылку, когда-то содержавшую раствор гипохлорита натрия. Опуская бутылку в бумажный пакет, он почувствовал запах дезинфицирующего средства. Пакет он поставил в прихожей, справа от входной двери.

Он обернулся и обвел взглядом квартиру. Тихо. Впервые за несколько часов. Ритуал выполнен. Он все закончил. И готов.

Для следующей.

Для четвертой.

Теперь надо только ждать.

* * *

В начале первого ночи Ванья зашла в комнату, которую они никогда не называли иначе, как «Комната». В центре, на серовато-зеленом ковровом покрытии, овальный конференц-стол, вокруг которого расставлены шесть стульев. Посреди стола — совершенно пустого, если не считать нескольких бутылок минеральной воды и четырех стаканов, — панель управления для групповых бесед, видеоконференций и проектора на потолке. Никаких стеклянных стен, отделяющих Комнату от остальных помещений отдела. Полная изоляция от посторонних глаз. На одной из длинных стен висит белая доска, на которую Билли аккуратно вывешивает все, имеющее отношение к делу, над которым они в данный момент работают. Когда Ванья вошла, села на один из стульев и положила перед собой на стол три папки, Билли как раз прикреплял фотографию Катарины Гранлунд.

— Что ты собирался делать сегодня вечером? — спросила Ванья.

Билли слегка удивился ее вопросу. Он ожидал, что она спросит о деле. Нашел ли он связь между тремя убитыми женщинами. Продвинулись ли они куда-нибудь. Не то чтобы Ванья не проявляла интереса к коллегам, но из всех знакомых Билли полицейских она была самой сконцентрированной и обычно во время работы редко просто болтала или разговаривала на личные темы.

— Я был в Парк-театре, — ответил Билли, усаживаясь. — Но мне пришлось уйти сразу после антракта.

— Ты же вроде не ходишь в театры?

Что правда, то правда. Билли неоднократно, когда они разговаривали не о работе, отзывался о театре как о «мертвой форме искусства» и утверждал, что так же, как мы с появлением автомобиля отказались от конных экипажей, театру следовало бы тихо и достойно отойти в мир иной с рождением кино.

— Я познакомился с девушкой, и ей хотелось пойти.

Ванья улыбнулась — конечно, дело в девушке.

— Что же она сказала, когда ты сбежал?

— Не знаю, поверила ли она мне. Ей уже во время первого действия пришлось меня разок будить... А ты, что делала ты?

— Ничего, сидела дома и читала о Хинде.

Это привело их к причине, по которой они сидят в довольно пустом здании на острове

Кунгсхольмен^[6], когда уже начались новые сутки.

Минут сорок пять спустя им пришлось признать, что они ни на йоту ни к чему не приблизились. Между тремя жертвами не было ничего общего. Разный возраст, двое замужем, одна разведена, дети только у одной, выросли все в разных местах, в одной школе не учились, работали в разных сферах, в одних обществах и организациях не состояли, общих хобби не имели, их мужья и бывшие мужья, на первый взгляд, никак связаны не были, в друзьях друг у друга в «Фейсбуке» или в других социальных сетях они вроде бы не значились.

Они не знали друг друга.

Не имели ничего общего.

Во всяком случае, ничего такого, что Билли с Ваньей смогли бы обнаружить. Билли разочарованно закрыл компьютер и устало откинулся на спинку стула. Ванья встала и подошла к доске. Принялась разглядывать фотографии трех женщин. Живые — на одном снимке каждая, мертвые — на нескольких. С правого края еще имелась вертикальная колонка фотографий девятидесятых годов. Ужасающе похожих на новые снимки.

— Он копирует их абсолютно точно.

— Да, я размышлял над этим, как это возможно? — Билли встал и подошел к ней. — Думаешь, они знают друг друга?

— Вообще не обязательно, старые фотографии ведь публиковались.

— Где? — удивленно спросил Билли.

Ему трудно было себе представить, какая газета могла решиться напечатать эти жуткие фотографии, а Интернет в 1996 году еще вовсе не был таким безграничным источником информации, как сегодня.

— В частности, в двух книгах Себастиана, — продолжила Ванья, повернувшись к нему. — Ты их читал?

— Нет.

— А следовало бы. Они действительно хорошие.

Билли не ответил, лишь кивнул. Учитывая отношение Ваньи к Себастиану, из положительного она, наверное, могла о нем сказать только это. Билли засомневался, стоит ли спрашивать — час уже очень поздний, а Ванья этим вечером уже проявляла признаки раздраженности, но тут он услышал, как произнес:

— Думаешь, мы будем его подключать?

— Себастиана?

— Да.

— Очень надеюсь, что нет.

Ванья вернулась на место, собрала принесенные папки и направилась к двери.

— Зато посетить Хинде в «Лёвхаге» нам придется. Я подумала, что мы с тобой можем съездить туда вдвоем. — Она открыла дверь и остановилась. — До завтра! Ты позвонишь Торкелю и расскажешь, как мало мы нашли?

Не дожидаясь ответа, она ушла, оставив Билли в одиночестве. Значит, ему придется звонить и сообщать плохие новости. Как обычно. Он взглянул на часы. Почти час ночи. Билли со вздохом достал мобильный телефон.

Себастиан проснулся от того, что кто-то прикасался к его лицу. Он открыл глаза, быстро определил, что находится в незнакомой комнате, и повернулся на левый бок, восстанавливая в голове события приведшего его сюда вечера. Он проследовал за Ваньей до ее дома. Видел, как она зашла в парадное, и уже собирался направиться к своему обычному месту наблюдения, когда она вдруг снова вышла на улицу. Через несколько секунд появилась полицейская машина и увезла ее. Что-то произошло.

И потребовало присутствия Ваньи.

Его присутствие нигде не требовалось.

Он устало направился домой, в свою слишком большую квартиру, но почти сразу почувствовал, что ему нейдет. Существовал только один способ отделаться от ощущения беспокойства и недовольства. Поэтому он просмотрел анонсы в утренней газете и остановился на информации лектория Общества просвещения рабочих: «Вечер с Юсси Бьёрлингом»^[7]. Лекция его совершенно не интересовала, но на всех культурных мероприятиях большинство публики составляли женщины, и, немного поразмыслив, он уселся в третьем ряду, возле одинокой женщины лет сорока, без обручального кольца. Завел в перерыве беседу. Потом угостил безалкогольным напитком. Продолжил разговор. Договорился о совместном ужине. Прогулялся до ее квартиры в районе Васостан. Занимался сексом. И вот сейчас она его разбудила. Эллинор Бергквист. Продавщица из универмага «Оленс». Домашняя утварь. Который же теперь час? На улице светло, но это ни о чем не говорит. Ведь середина лета. Эллинор лежала на боку, повернувшись к нему и подперев голову рукой, а указательным пальцем другой руки водила по его лицу. Поза из романтической комедии, которую она когда-то видела. Очаровательно в фильме, но безумно раздражающе в действительности. Растрепанный локон светло-рыжих волос скрывал один ее глаз, и она улыбалась, как ей, вероятно, казалось, лукаво, а указательный палец задержала у него на носу и слегка надавила.

— Доброе утро, соня.

Себастиан вздохнул. Он не мог решить, что хуже. То, что к нему обращаются так, будто он младенец, только что разбуженный после необходимого краткого сна, или чувство любовной привязанности, которое она излучала. Пожалуй, последнее. Уже во время короткой прогулки до ее дома он предвидел, что так вполне может случиться.

Она тогда взяла его за руку.

И держала.

Всю дорогу. Прямо классическая картинка влюбленной пары, бредущей по ночному летнему Стокгольму. Пять часов спустя после знакомства. Это было ужасно. Себастиан взвешивал, не поблагодарить ли и откланяться, но под конец решил, что потратил слишком много времени и усилий, чтобы покончить со всем, не получив того, что хотел. Того, что ему требовалось.

Секс получился скучным, лишенным энтузиазма с его стороны, но, по крайней мере, дал ему возможность несколько часов поспать. Все-таки что-то. Себастиан отвернул голову так, что кончик ее пальца соскользнул с его носа, и откашлялся.

— Который час?

— Почти половина седьмого. Что ты хочешь сегодня делать?

Себастиан снова вздохнул.

— К сожалению, мне надо работать.

Ложь. Он не работал. Причем много лет, если не считать кратковременного участия в

расследовании дела в Вестеросе^[8], которое несколько месяцев назад проводила Комиссия полицейского управления. Сейчас же он ничего не делал. И намеревался продолжать в том же духе. Собственно, ему ничем и не хотелось заниматься, особенно вместе с Эллинор Бергквист.

— А если бы я тебя не разбудила, как долго, думаешь, ты бы проспал?

Черт, что за вопрос? Откуда ему знать? Наверное, его разбудил бы сон, которого удавалось избежать в крайне редкие ночи, но когда бы это произошло, сказать было невозможно. Рассказывать ей об этом сне он тоже не намеревался. Он собирался уйти. Покинуть квартиру в Васастане как можно скорее.

— Не знаю, может, до девяти. Какая разница?

— Два с половиной часа.

Указательный палец вернулся, провел по лбу, спустился по носу к губам. Гораздо более интимное движение, чем что-либо из того, чем они занимались несколькими часами раньше. Себастиан поймал себя на том, что перестал выбираться из постели.

— Значит, если ты не хочешь снова заснуть, — продолжила Эллинор, — у нас есть два часа для кое-чего другого, прежде чем это повредит твоей важной работе.

Указательный палец спустился к подбородку, шею, груди и под пододеяльник без одеяла внутри. Себастиан встретился взглядом с ее зелеными глазами. На радужной оболочке левого глаза он разглядел коричневое пятнышко. Оно создавало впечатление, будто зрачок потихоньку вытекает. Рука продолжала двигаться вниз.

Оказалось, что Себастиану все-таки есть чем заняться с Эллинор Бергквист.

Завтрак.

Как ей удалось его уговорить?

Необдуманное обещание, брошенное после секса?

Выходившее во внутренний двор окно кухни стояло открытым, но в квартире все равно было жарко. Снаружи донесся рокот проехавшего по улице мотоцикла, нарушивший тишину. Обычную тишину летнего утра. Себастиан размышлял над тем, какой сегодня день, оглядывая накрытый стол. Йогурт, два сорта хлопьев, мюсли, свежавыжатый сок, сыр, ветчина, колбаса, нарезанные огурцы, помидоры, перец, куски арбуза. Может, среда? Вторник? Когда Эллинор достала из духовки противень и выложила готовые маленькие багеты на кухонное полотенце, аромат хлеба *bake-off*^[9] распространился по всей кухне. Положив полотенце в плетеную хлебную корзинку и с улыбкой поставив ее на стол, Эллинор вернулась обратно к кухонному островку, расположенному в центре просторной кухни. Голоден Себастиан не был. Электрический чайник щелкнул, Эллинор подошла и налила в стоящую перед Себастианом чашку кипящую воду. Он посмотрел в чашку, где вода, соприкоснувшись с порошком на дне, незамедлительно окрасилась в темно-коричневый цвет. Эллинор явно восприняла его взгляд как критический.

— К сожалению, у меня только растворимый кофе, я сама пью исключительно чай.

— Ничего...

Она налила воду в собственную чашку и отнесла на место чайник. На полпути обратно к столу она остановилась.

— Тебе нужно молоко?

— Нет.

— Хочешь, я его подогрею? Как «латте».

— Нет, все нормально.

— Точно?

— Да.

— Ну ладно.

Улыбнувшись, она села напротив него, взяла пакетик чая — лимон и имбирь — опустила его в горячую воду и несколько раз покачала им вверх и вниз. Она вновь заглянула Себастиану в глаза и улыбнулась. Он сумел изобразить то, что при большом желании можно было расценить как улыбку, и отвел взгляд. Ему не хотелось здесь находиться. Обычно он подобных ситуаций избегал. Он вспомнил, почему. Ему претило фальшивое ощущение единения, будто у них есть что-то общее, хотя они — во всяком случае, если это будет зависеть от него, — никогда больше не увидятся. Он устремил взгляд на один из кухонных шкафов и погрузился в размышления, а Эллинор тем временем положила в чай ложку меда. Она взяла маленький багет, разделила пополам, намазала маслом, положила сверху сыр, ветчину и два кольца желтого перца. Откусив кусочек, она посмотрела на Себастиана. У того взгляд был по-прежнему устремлен куда-то в пространство позади нее.

— Себастиан?

Себастиан вздрогнул и посмотрел на нее вопросительно.

— О чем ты думаешь?

Он действительно полностью погрузился. Опять. Туда же, куда и всегда. В мысли, которые, похоже, теперь занимали все его время. Это было почти незнакомое Себастиану чувство. Одержимость. Даже когда он бывал больше всего увлечен и успешен в работе, у него не возникало проблем с тем, чтобы отбросить нежелательные мысли. Если расследование начинало брать верх над его жизнью, он просто-напросто переставал думать о нем на несколько дней.

Занимался другим.

Вновь завладевал инициативой.

Себастиан Бергман был человеком, не уступавшим контроля. Ни за что и никому. Так, по крайней мере, было раньше.

Теперь он переменялся.

Жизнь встряхнула его. Ударила по нему.

Не только один раз.

Дважды.

Три месяца назад, еще далеко не оправившись от катастрофы в Таиланде, произошедшей на второй день Рождества 2004 года, он поехал в Вестерос. Целью поездки была продажа родительского дома, и, очищая дом, он нашел несколько писем. Писем 1979 года, к его матери. От женщины, утверждавшей, что она ждет от него ребенка. Тогда он этих писем не получил, но тут сделал все, чтобы отследить отправителя. В Вестеросе как раз находились бывшие коллеги Себастиана из Государственного полицейского управления, расследовавшие жестокое убийство мальчика, и он навязался участвовать в расследовании, чтобы через доступные полиции регистры заполучить женщину.

Адрес.

Сведения.

Все это он раздобыл. Дверь на Стуршерсгатан, 12, ему открыла женщина. Это она. Анна Эрикссон. Он получил сведения. Да, у него есть дочь, но она никогда не узнает о том, что Себастиан — ее отец. У нее уже есть папа. Вальдемар Литнер. Вальдемар, знавший, что

Ванья не его дочь.

Поэтому им нельзя встречаться. Себастиану и его дочери. Это разрушило бы слишком многое. Все. Для всех. Себастиану пришлось более или менее обещать никогда ее не разыскивать.

Проблема заключалась лишь в том, что они уже повстречались.

Даже более того.

Успели вместе поработать.

В Вестеросе. Он и Ванья Литнер. Следователь Государственной комиссии по расследованию убийств. Умная, талантливая, эффективная, сильная.

Его дочь.

У него есть дочь.

Опять.

С тех пор он более или менее преследовал ее. Зачем, он не мог толком объяснить даже самому себе. Он смотрел на нее и только. Никогда себя не обнаруживал. Что ему было говорить? Что он мог сказать?

Сейчас он посмотрел на Эллинор, доброжелательно спросившую, о чем он думает, и ответил то, что, наверное, меньше всего требовало продолжения, а именно:

— Ни о чем.

Эллинор кивнула, казалось, удовлетворившись ответом или, по крайней мере, тем, что ей удалось снова завладеть его вниманием. Себастиан потянулся за куском арбуза. Его он, пожалуй, все-таки способен проглотить.

— Над чем ты работаешь?

— Какое тебе до этого дело?

Невежливый ответ, откровенно недружелюбный, но лучше уж сразу расставить точки над *i*. Себастиану отнюдь не хотелось, чтобы и без того неприятный завтрак вылился в удобный случай узнать друг друга получше. Они уже достаточно знают друг о друге. Он о ней больше, чем она о нем. Ей известно, что его зовут Себастиан Бергман и что он психолог. От остальных личных вопросов он успешно уклонялся, с легкостью подменяя ответы проявлением интереса к ней.

— Ты сказал, что тебе надо работать, — продолжала Эллинор. — В середине июля большинство людей свободно, поэтому я и интересуюсь, чем ты занимаешься.

— Я составляю своего рода... отчет.

— О чем?

— Это... проверка. Для полицейской школы.

— Ты вроде бы говорил, что ты психолог?

— Так и есть, но иногда я сотрудничаю с полицией.

Она кивнула. Отпила глоток чая и потянулась за куском хлеба.

— Когда его надо закончить?

Вот пристала!

— Примерно через две недели.

Эти зеленые глаза. Она знает, что он лжет. Ему было все равно. Его несколько не волновало, что она о нем думает, но он чувствовал себя крайне неловко за обычным завтраком, когда оба знают, что это лишь декорация. Химера. С него хватит. Он отодвинул стул.

— Я пошел.

— Я тебе позвоню.

— Конечно...

Дверь за Себастианом захлопнулась. Эллинор продолжала сидеть, прислушиваясь. Его шаги. Спускается по лестнице. Она усмехнулась про себя. Так она и знала, что этим кончится. Когда его шаги перестали быть слышны, она встала и пошла обратно в спальню. К окну. Если он перейдет улицу и пойдет налево, она сможет его увидеть. Но нет.

Эллинор опустилась на не застеленную двуспальную кровать. Легла на его сторону. Накрылась его простыней, прижалась носом к его подушке и глубоко вдохнула. Она задержала дыхание, словно пытаясь сохранить внутри его запах.

Сохранить его.

* * *

Ванья жила в доме на холме над гаванью Фрихамнен. Себастиан был почти уверен, что квартира у нее трехкомнатная. Ровно настолько, насколько возможно, если разглядываешь квартиру с пригорка метрах в ста от нее. Дом был светло-желтым, в функциональном стиле. Семь этажей. Ванья жила на четвертом. Насколько он мог видеть, в квартире никто не двигался. Возможно, она по-прежнему спит. Или уже на работе. То, что он в данный момент ее не видит, не имело для него особого значения. Он пошел сюда в основном потому, что не знал, куда ему направиться.

Несколько недель назад дело обстояло иначе.

Тогда он вбил себе в голову, что ему необходимо увидеть ее. Требуется увидеть ее. Видеть, что она делает. Он решил, что для хорошего обзора пригорка недостаточно. Поэтому он попытался взобраться на одно из больших лиственных деревьев, растущих в низине под пригорком. Первый метр прошел лучше, чем можно было ожидать. Он крепко ухватился за несколько веток повыше и двинулся дальше. Потом увидел возможность забраться еще выше, сумел, пошарив немного рукой, хорошо уцепиться и поднялся еще на несколько метров. Внезапно он почувствовал себя мальчишкой, пустившимся в приключение. Когда он в последний раз лазал по деревьям? Много, много лет назад. Но тогда у него получалось здорово.

Ловко.

Быстро.

Отец не поощрял этого, он всегда считал, что Себастиану следует решать более интеллектуальными задачи, развивать музыкальность, художественные и креативные таланты. Мать в основном волновалась за его одежду. Никому из них его лазание не нравилось, поэтому он лазал по деревьям часто. Как только мог. Сейчас он наслаждался ощущением, что вновь занимается чем-то авантюрным и запретным.

Однако, посмотрев вниз, он сообразил, что уже с этой высоты будет далеко не просто спуститься. Во всяком случае, не поранившись. Ловкость и быстрота больше не являлись двумя первыми качествами, возникавшими при виде него в сознании окружающих. Одновременно с появлением этой ошеломляющей и пугающей мысли его пиджак зацепился за выступающую острую ветку, и он потерял равновесие. Внезапно на смену рвущемуся к приключению мальчишке пришел нетренированный мужчина средних лет, который с быстро накапливающейся в мышцах рук молочной кислотой висел на дереве в нескольких метрах от

земли. Себастиану пришлось пожертвовать мальчишеским приключением и пиджаком, он с трудом добрался до ствола, по которому сполз или, скорее, просто съехал на нижние ветки, где ему, преодолевая боль, удалось остановить свое тело. На землю он спустился на трясущихся ногах, с разорванным пиджаком и длинными ноющими ссадинами на внутренних сторонах бедер.

После такого приключения он стал довольствоваться тем, что стоял на уже хорошо знакомом пригорке и наблюдал за квартирой Ваньи.

Это казалось достаточным.

Достаточным безумием.

Он не осмеливался даже представить себе, что бы произошло, если бы Ванья выглянула в окно и вдруг увидела, как он висит на дереве перед ее квартирой.

Ее жилище выглядело очень уютно. Современные занавески. На окнах красные и белые цветы. Маленькие оконные светильники с регулируемым светом. Выходящий на северо-восток балкончик, где она в хорошие дни пила кофе между 7:20 и 7:45. Тогда Себастиану приходилось приседать за несколькими можжевельными кустами, с которыми он вовсе не предполагал так близко знакомиться. Она, несомненно, была женщиной твердых привычек, его дочь. Вставала в 7:00 по будням, около 9:00 по выходным. По вторникам и четвергам перед работой совершала пробежки. По шесть километров. По воскресеньям удваивала расстояние. Работала она часто допоздна и редко возвращалась домой раньше 20:00. В кафе или рестораны ходила нечасто. Раз или два в месяц. С компанией девушек. Никакого молодого человека — насколько Себастиан мог видеть. По четвергам она ужинала с родителями на Стуршерсгатан. Туда она ходила пешком одна, но домой возвращалась чаще всего в компании Вальдемара Литнера.

Отца.

Они были близки, это становилось видно издали, когда они шли вместе. Очень близки. Они дружно смеялись, и все прогулки заканчивались нежным, ласковым объятием, и перед уходом он целовал ее в лоб. Всегда. Отличительный знак их отношений. Картина была бы прекрасной, если бы не одно но. Ее настоящий отец стоял поодаль и наблюдал. Такие мгновения причиняли Себастиану наибольшую боль. Странную боль.

Хуже зависти.

Больше ревности.

Тяжелее всего остального.

Боль за жизнь, которую он не прожил.

Четырнадцать дней назад, когда Себастиан смотрел, как Ванья и Вальдемар вместе обедают в итальянском ресторане неподалеку от здания полиции, у него возникла мысль. Идея не самая симпатичная, как раз напротив. Но она показалась удачной. По крайней мере, именно там и тогда.

Со временем зависть, которую он питал по отношению к Вальдемару, медленно переросла в злобу и продолжила развиваться в сторону того, что можно определить только как ненависть. Ненависть к высокому, худощавому, элегантному мужчине, имевшему возможность тесно общаться с его дочерью. Его дочерью! Ее объятия и нежность должны были доставаться ему. Любовь тоже.

Ему!

Никому другому!

Несколько раз Себастиан взвешивал, не подойти ли и не рассказать обо всем, но всегда в

последний момент передумывал. Он вынашивал мысль каким-то образом сблизиться с Ваньей, чтобы потом, позднее, когда у них сложатся некие отношения, рассказать. Тогда у него, по крайней мере, появилась бы возможность общаться с ней. Узнать ее. Не исключено, что она сочтет, что он предал ее, но останавливало Себастиана не это. Главную проблему составляло то, что когда бы и при каких обстоятельствах он ни рассказал ей правду, он испортит ее отношения с Вальдемаром. И за это она его возненавидит. А она уже и так относится к нему очень плохо.

Когда дело касалось Ваньи, все было непросто.

Конечно, если только она сама не начнет сомневаться в фальшивом отце. Если Себастиану удастся заставить ее самостоятельно сдернуть Вальдемара с пьедестала, на который тот столь нагло взгромоздился, это может привести к успеху. Едва ли это нереально. Что, если она начнет узнавать правдивые сведения о Вальдемаре, причем грязные, которые будут очернять его и основательно пошатнут его героический ореол? Ничто не может заставить человека изменить свои устоявшиеся взгляды так, как его собственные открытия и опыт. Себастиан это знал. Часто человек видит реальную ситуацию только благодаря личному впечатлению от положения вещей. Поэтому поступок всегда ценится больше слов, а поступок, совершенный у тебя на глазах, ценится превыше всего.

При таком собственном открытии могло бы зародиться естественное сомнение в отношении Вальдемара.

Такой ли уж он идеальный отец?

Может, он представляет собой нечто иное?

Значительно худшее.

Если Себастиану удастся подтолкнуть Ванью к такому сомнению, оно породит отчаяние и растерянность. В этой ситуации она почувствует себя одинокой, обманутой и будет открыта к влиянию, открыта к правде и, возможно, в глубине души даже обрадуется ей. Обрадуется фигуре отца, ожидающего ее, в тайне находившегося рядом с ней. Вот в этот момент она, возможно, даже обнимет его, почувствует, что он ей нужен. Когда будет уязвлена и утратит почву под ногами. Будет просто-напросто готова.

План казался отличным. Изощренным, трудновыполнимым, но жизненно важным, если он удастся.

Главное — провести исследование. Никто не идеален. Всем людям есть что скрывать. Надо только добыть материал. А потом подать его наилучшим образом.

План был настолько коварный, что Себастиан сам на секунду засомневался.

Если когда-нибудь выйдет наружу, что он был каким-то образом замешан в очернении Вальдемара, он навсегда лишится возможности общаться с Ваньей. Но если план удастся, это станет поворотным моментом, к которому он так долго стремился. В парадном напротив итальянского ресторана он решил, что она стоит этого. Стоит того, чтобы за нее бороться.

Жизни у него все равно нет.

Отбросив сомнения, он пошел прямо домой, чтобы отыскать номер телефона. Номер, которым очень давно не пользовался. Телефон старого комиссара, являвшегося полной противоположностью Торкеля.

Импульсивный, беззастенчивый, готовый идти по трупам.

Его выгнали из Государственного полицейского управления, когда оказалось, что он, проводя частное расследование в отношении бывшей жены, подбрасывал доказательства для того, чтобы в результате попытаться засадить в тюрьму ее нового мужа за преступления,

связанные с наркотиками, и все ради получения права единоличной опеки над детьми. Сейчас Себастиану требовался именно такой человек, как он.

Тролле Херманссон.

Тролле ответил после девяти гудков. Хотел поначалу поговорить об общих воспоминаниях, но Себастиан, проявив откровенную незаинтересованность, кратко объяснил, что ему нужно. Закончил он тем, что пообещал тысячу крон или больше, но Тролле отказался. Он, казалось, искренне обрадовался обретению хоть какого-то занятия. Ему требовалось всего несколько дней.

Прошло две недели.

За это время Тролле неоднократно звонил ему, но Себастиан каждый раз игнорировал звонки. Неподвижно сидел у себя в квартире в полной тишине, слушая, как телефон все звонит и звонит. Так долго не вешать трубку был способен только Тролле, это он знал. Себастиан не чувствовал уверенности в том, что все еще хочет знать. Если он двинется в этом направлении дальше, не перейдет ли он вообще все границы?

Но сейчас он ощущал приступ отчаяния. Часы на пригорке перед квартирой Ваньи. Секс. Этой ночью с Эллинор, завтра с кем-нибудь еще. Пустая квартира. Пустая жизнь. Ему необходимо что-нибудь предпринять. Что угодно. Изменить. Он достал мобильный телефон и набрал номер.

Тролле ответил после трех гудков.

— Я как раз интересовался, когда же ты позвонишь, — произнес он еще чуть сонным, хриплым голосом.

— У меня были кое-какие дела, — сказал Себастиан, отходя от дома Ваньи с прижатой к уху трубкой. — Я уезжал.

— Не ври мне. Ты следил за ней. За дочерью.

На мгновение Себастиан оцепенел, но затем понял, что Тролле имеет в виду дочь Вальдемара. Естественно.

— Откуда тебе известно?

— Просто я лучше тебя. — Себастиану показалось, что он слышит, как бывший коллега довольно ухмыляется.

— Я просил тебя проверить не ее, — раздраженно проговорил Себастиан.

— Знаю, но я человек основательный. Старый полицейский, знаешь ли.

— Ты что-нибудь узнал?

— Кое-что. Но никакого дерьма. Мужик, похоже, чертовски правильный.

Тролле сделал паузу, и Себастиану стало слышно, как он роется в бумагах, которые наверняка лежат перед ним беспорядочной кучей.

— Зовут его Эрнст Вальдемар Литнер. Родился в 1953 году в Гётеборге, — вернувшись к разговору, сообщил Тролле. — Сперва учился в Техническом университете Чалмерса, но потом переключился на экономику. В 1981 году женился на Анне Эрикссон. Которая, между прочим, не взяла его фамилию. Никаких бывших жен или других детей. Никаких судимостей. Долго работал аудитором, но в девяносто седьмом переквалифицировался и руководил немного разными фирмами. Занимался всем, от бухгалтерии до налоговых вопросов. Зарабатывал явно хорошо, поскольку не только внес задаток за квартиру Ваньи, но и годом позже прикупил большой летний дом в Ваксхольме^[10]. Никаких любовников или любовниц, насколько я смог проверить, но я велел одному парню хакнуть его компьютер, так что посмотрим. В прошлом году он заболел.

— Что значит «заболел»?

— Какое-то клеточное изменение в легких, ну знаешь, рак, тот, что приводит нас к концу. От чего умерла твоя мать?

Себастиан даже не среагировал на то, что Тролле снова подколот его, доказав, что за прошедшие недели проверил и его тоже. Несмотря на жару, его прошиб озноб. Неужели у Вальдемара рак? Этого не может быть. Человек, укравший у него дочь, казался полным жизни. Возможно, встречаясь с ней, он просто делает такой вид, напрягается ради нее.

— Прошлой весной его признали здоровым, — продолжал Тролле. — Настолько, насколько мы все считаемся здоровыми. Историю болезни мой парень в больнице Южного района раздобыть не сумел, но ему назначены только обычные плановые посещения, значит, он вне зоны непосредственного риска.

— О'кей... Еще что-нибудь? — разочарованно пробормотал Себастиан.

— Нет, ничего особенного. У меня тут имеются кое-какие бумаги, они тебе нужны?

— Нет, не надо. Значит, он чист, как свежий снег?

— Пока да, правда, я только начал. Могу покопать поглубже, если хочешь.

Себастиан задумался. Дело обстояло хуже, чем он предполагал. Вальдемар не только любим своей дочерью, а еще выжил и выздоравливает. Большой раком святой, возвратившийся к семье из преддверия смерти.

У Себастиана нет ни единого шанса. Безнадежно.

— Нет, не надо. Все равно — спасибо. Деньги я завезу.

Он положил трубку.

С этим планом покончено.

* * *

Третий день на работе. Наконец-то ему удалось раздобыть маркировочный аппарат, который пропечатывает этикетки и самоклеящиеся ленты, и теперь он стоял в коридоре возле металлической таблички, указывающей на то, что помещение занимает начальник учреждения. Сдернув с отпечатанной ленты защитную пленку, он прикрепил ее на место. Получилось слегка криво, но это не имело значения. Текст отчетливо читался. Начальник учреждения Тумас Харальдссон.

Он отступил на шаг и посмотрел на табличку с довольной усмешкой.

Новая работа.

Новая жизнь.

Он подал заявление на эту должность несколько месяцев назад, но вообще-то не думал, что ее получит. Не потому, что не имел достаточной квалификации, а поскольку в данный период жизни все у него шло наперекосяк. На работе дела обстояли плохо, он не мог сработаться с новой начальницей — Керстин Хансер, и профессиональных успехов, честно говоря, не наблюдалось. Во многом из-за того, что Хансер отказывалась видеть, какую он представляет собой силу, и активно противодействовала ему, но тем не менее. Это начало его угнетать. Дома тоже было несколько напряженно. Не без любви, без рутинного занудства, но уж больно сконцентрировано на одной мысли. Йенни, его жена, начала проверяться на фертильность, и вся их совместная жизнь крутилась исключительно вокруг вопроса зачатия ребенка. Йенни почти круглосуточно думала об оплодотворении. Он — о Хансер, работе и

нарастающей озлобленности. Все казалось каким-то неудачным, и Харальдссон просто-напросто не смел надеяться на то, что получит работу, на которую подал на авось в конце зимы. В объявлении говорилось, что место освободится только к лету, поэтому он продолжал работать в полиции Вестероса и более или менее забыл о своем заявлении. Потом убили того парня, объявилась комиссия из Государственного полицейского управления, и все закончилось тем, что Харальдссона оперировали из-за пулевого ранения. В грудь — если бы ему пришлось описывать самому. В нижнюю часть плеча — значилось в его истории болезни. В любом случае он еще до конца не оправился. Когда он повторно прижимал ленту со своим именем, где-то по-прежнему немного тянуло.

Выстрел стал в каком-то смысле поворотным моментом. Очнувшись после операции, он обнаружил рядом Йенни. Взволнованную, но благодарную. За то, что он выжил. Не покинул ее. Ему повезло, как им сообщили. Пуля повредила правое легкое, вызвав кровотечение в его верхней доле и плевральной полости. Харальдссон знал только, что пулевое ранение причиняло чертовскую боль. Ему выдали больничный на три недели. Пока сидел дома, он размышлял над тем, как произойдет его возвращение на службу. Начальник областного управления полиции, наверное, произнесет какую-то приветственную речь и отметит его героический вклад — возможно, существует какая-нибудь небольшая медаль для таких случаев: ранен при исполнении. Ему представлялось, что, конечно, следует ожидать кофе с тортом, осторожное похлопывание по спине, чтобы пощадить его раненую грудь, и желание коллег услышать, как он себя чувствует и что думает.

Вышло не совсем так.

Никакого начальника управления, ни речи, ни медали, правда, торт девушки в канцелярии организовали. Было также меньше похлопываний по спине и любопытства, но ему показалось, что кое-что все-таки произошло. Судя по тому, как его встретили и как с ним общались коллеги. Ему хотелось думать, что в этом присутствовала некоторая доля уважения. Уважения и, пожалуй, определенного неосознанного облегчения. Полицейских ранят при исполнении не так уж часто, и чисто статистически было в высшей степени неправдоподобно, чтобы такое вновь произошло в Вестеросе в обозримом будущем. Он, так сказать, принял на себя пулю за весь корпус. Впервые за долгое время он ходил на работу с удовольствием. Невзирая на Хансер.

Дома тоже кое-что произошло. Стало более расслабленно, более тепло, будто существующая жизнь — их совместная жизнь в настоящий момент стала важнее той, которую они пытались создать. Они по-прежнему занимались сексом. Часто, но главным образом потому, что испытывали желание, ощущали необходимость близости. Выходило более нежно и тепло, менее механически. Возможно, поэтому у них получилось.

Казалось, вдруг стало получаться все.

Ровно через пять недель после того, как в него выстрелили, его вызвали на первое интервью по поводу работы. В тот же день у Йенни тест на беременность оказался положительным.

Тут-то и произошел поворот.

Он получил работу. Хансер, как он узнал, дала ему исключительно хорошую характеристику. Возможно, он Хансер недооценивал. Конечно, за время, пока она была его начальницей, у них случались разногласия, но когда дошло до дела, когда ей пришлось оценивать его работу и возможности справиться с должностью в «Лёвхаге», она проявила достаточную профессиональность, чтобы, отбросив личные взгляды, правдиво рассказать о

том, какими отличными качествами руководителя он обладает и каким является хорошим администратором.

До него доходило, что злые языки в полиции шептались о том, что она просто хотела от него отделаться и будто бы даже сама посоветовала его «Лёвхаге», но они просто завидовали. Ему.

Начальнику учреждения Тумасу Харальдссону.

Он вошел в свой кабинет, пусть не особенно большой, но его собственный. С рабочими местами в общих залах покончено. Харальдссон уселся в удобное кресло за по-прежнему довольно пустым письменным столом. Включил компьютер. Третий день, по-настоящему войти в работу он еще не успел. Вполне естественно. Единственное, что он пока сделал, это затребовал весь материал об одном заключенном из спецкорпуса, поскольку к нему проявила интерес Госкомиссия по расследованию убийств. Похоже, они снова звонили вчера вечером. Харальдссон положил руку на лежащую на письменном столе папку, но задумался, не позвонить ли лучше Йенни. Не потому, что ему было что-то от нее надо, а просто, чтобы узнать, как у нее дела. Они теперь виделись меньше. Закрытая психиатрическая больница «Лёвхага» находилась километрах в шестидесяти от Вестероса. Почти час на машине в одну сторону. А рабочие дни, возможно, будут затягиваться. Пока никаких проблем еще не возникло. Йенни буквально светилась от счастья. В настоящий момент жизнь казалась ей полной возможностей. При мысли о жене Харальдссон улыбнулся про себя и как раз собрался позвонить ей, когда в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Харальдссон, возвращая телефонную трубку на место.

Дверь открылась, и в нее просунулась голова женщины лет сорока пяти, Анники Нурлинг, его секретарши.

— К вам посетители.

— Кто же?

Харальдссон быстро заглянул в лежащий на столе открытый ежедневник. Первая встреча значилась в час. Он что-то упустил? Или, вернее, что-то упустила Анника Нурлинг?

— Государственная комиссия по расследованию убийств, — ответила Анника, — они заранее не записывались, — добавила она, словно читая мысли Харальдссона.

Харальдссон тихо ругнулся про себя. Он надеялся, что интерес комиссии расследования убийств к «Лёвхаге» будет ограничиваться телефонными разговорами. Во время своего пребывания в Вестеросе они обходились с ним не слишком хорошо. Совсем не хорошо. Напротив. Они делали все, чтобы отстранить его от расследования, хотя он раз за разом оказывался исключительно полезным.

— Кто конкретно пришел?

— М-м... — Анника взглянула на листочек, который держала в руке. — ...Ванья Литнер и Билли Русэн.

Хотя бы не Торкель Хёглунд. Уже что-то. Торкель тогда, при первой встрече, сказал Харальдссону, что тот станет важной фигурой в их расследовании, а всего через несколько дней выгнал его без малейших объяснений. Фальшивый человек. Особого желания встречаться с Ваньей и Билли Харальдссон, правда, тоже не имел, но что ему оставалось делать? Он посмотрел в сторону двери, где ожидала распоряжения секретарша. У него родилась идея. Он может попросить Аннику сказать, что он занят, и чтобы они пришли в другой раз. Позже. Пожалуй, через несколько дней, когда он успеет получше вникнуть в работу. Будет чуть больше подготовлен. Можно ли просить секретаршу лгать? У

Харальдссона прежде никогда не было секретарей, но он исходил из того, что это в каком-то смысле входит в ее служебные обязанности. Она ведь здесь для того, чтобы облегчать ему жизнь. Если она выпроводит визитеров из Госкомиссии, это определенно упростит ему рабочий день.

— Скажи, что я занят.

— Чем?

Харольдссон посмотрел на нее несколько вопросительно. Существует ведь не так много вещей, которыми можно заниматься у себя в кабинете.

— Естественно, работой. Попроси их прийти в другой раз.

Анника бросила на него взгляд, который можно было истолковать только как неодобрительный, и закрыла дверь. Харальдссон ввел в компьютер пароль, повернулся на кресле и стал смотреть в окно, ожидая, пока загрузятся его персональные данные. Будет еще один хороший летний день. К нему снова постучались. На этот раз он не успел даже сказать «войдите», прежде чем дверь открылась и в кабинет решительным шагом вошла Ванья. Увидев Харальдссона, она опешила и остановилась так резко, что Билли чуть не натолкнулся на нее. Выражение ее лица отчетливо говорило, что место и человек никак не связываются у нее воедино.

— Что ты здесь делаешь?

— Я теперь здесь работаю. — Харальдссон слегка развалился в удобном компьютерном кресле. — Начальником учреждения. Уже несколько дней.

— Ты кого-нибудь замещаешь? — У Ваньи это по-прежнему не укладывалось в голове.

— Нет, это моя новая работа. Меня назначили.

— Вот оно что...

Билли почувствовал, что сейчас от Ваньи последует: «Как, черт возьми, такое могло произойти» — или нечто подобное, и поспешно встрял с их истинным делом:

— Мы здесь из-за Эдварда Хинде.

— Я понял.

— И тем не менее не хотел с нами встречаться? — снова подала голос Ванья. Она уселась в одно из кресел для посетителей и посмотрела на него с вызовом.

— У новичка всегда бывает довольно много дел, — Харальдссон развел руками над письменным столом, быстро сообразив, что там несколько пусто для визуального подтверждения загруженности работой. — Но я могу уделить вам несколько минут, — продолжил Харальдссон. — Что вы хотите знать?

— С ним что-нибудь происходило в последний месяц?

— Что, например?

— Не знаю... Перемена в поведении, что-нибудь новое в привычках, смены настроения. Что угодно необычное.

— Я ни о чем таком не слышал. В его журнале ничего такого не отражено. А лично я с ним не встречался. Пока еще.

Ванья кивнула, казалось, удовлетворившись ответом. Билли взял инициативу на себя.

— Какие у него возможности общаться с внешним миром?

Харольдссон подтянул к себе лежавшую на столе папку и открыл ее. Возблагодарил свою счастливую звезду за то, что сегодня утром привез папку обратно из дома. Наличие перед ним всей доступной информации на следующий день после звонка и вопросов Госкомиссии свидетельствовало о его способности проявлять инициативу.

— Тут сказано, что он имеет доступ к газетам, журналам и книгам из библиотеки. А также ограниченный доступ к Интернету.

— Насколько ограниченный? — тут же спросил Билли.

Харальдссон не знал. Зато он знал, кому следует позвонить. Виктору Бекману, ответственному за безопасность. Виктор ответил сразу и пообещал незамедлительно подойти. Они втроем, молча, ждали в пустом, безликом кабинете.

— Как твое плечо? — минутой спустя поинтересовался Билли.

— Грудь, — автоматически поправил его Харальдссон. — Нормально. Я еще не до конца оправился, но... нормально.

— Хорошо.

— Да...

Снова молчание. Харальдссон подумывал, не следует ли предложить им кофе, но тут как раз вошел Виктор. Высокорослый мужчина в клетчатой рубашке и брюках чинос, очень коротко подстриженный, с карими глазами и усами в форме подковы, непроизвольно вызвавшими у Билли во время рукопожатия мысль о группе Village People.

— Разумеется, никакой порнухи, — ответил Виктор, когда Билли повторил вопрос об ограничениях. — В крайне ограниченном количестве насилие. У нас самая строгая форма возрастных запретов, какую только можно себе представить. Мы спрограммировали ее сами.

— Социальные сети?

— Никаких. Для него они полностью закрыты. Он не имеет никакой возможности общаться с внешним миром через компьютер.

— Можно ли увидеть, на какие страницы он заходил? — вставила Ванья.

Виктор кивнул.

— Мы храним весь веб-трафик в течение трех месяцев. Хотите его получить?

— Да, пожалуйста.

— У него в камере ведь тоже есть компьютер? — вставил Харальдссон, чтобы не чувствовать себя полностью не участвующим в разговоре.

Виктор кивнул.

— Но к Интернету он, естественно, не подключен.

— Что же он с ним делает? — обратился Билли к Харальдссону, который в свою очередь обратил вопросительный взгляд на Виктора.

— Решает кроссворды, sudoku, такой тип программ. Кое-что пишет. Так сказать, поддерживает мозг в форме.

— А как насчет телефонных разговоров, писем и тому подобного? — поинтересовалась Ванья.

— Разговоры ему запрещены, а писем теперь уже много не приходит. Те, что приходят, все одинаковые. — Виктор многозначительно посмотрел на Билли и Ванью. — От женщин, которые хотят «излечить» его своей любовью.

Ванья кивнула. Еще одна из маленьких загадок жизни: тяга, испытываемая некоторыми женщинами к самым чокнутым и жестоким мужчинам страны.

— Они у вас сохранились?

— Копии. Оригиналы получает Хинде. Вы их тоже можете получить.

Они поблагодарили за помощь, и Виктор пошел собирать материал, который им хотелось взять с собой. Когда дверь за начальником службы безопасности закрылась, Харальдссон наклонился через письменный стол.

— Можно спросить, почему вы так интересуетесь Хинде?

Ванья вопрос проигнорировала. Им до сих пор удавалось скрывать от прессы тот факт, что они гоняются за имитатором. Никто даже не привязывал три убийства женщин к одному и тому же преступнику. Вероятно, летом в газетах работают временные сотрудники. Госкомиссии очень хотелось оградить расследование от вмешательства прессы, и чем меньше людей знали о том, чем они на самом деле занимаются, тем больше был шанс, что им это удастся.

— Нам надо поговорить с ним, — сказала она, вставая.

— С Хинде?

— Да.

— Нельзя.

Во второй раз с тех пор, как вошла, Ванья резко остановилась, с удивлением.

— Почему же? — спросила она Харольдссона.

— Он один из трех человек в спецкорпусе, кому запрещено принимать посетителей без предварительного ходатайства и его одобрения. Сожалею. — Харольдссон развел руками жестом, который был призван подчеркнуть, как он огорчен, что не может им помочь.

— Но ты же знаешь, кто мы такие.

— Существуют правила. Я должен им следовать, но Анника может дать вам бланк ходатайства о разрешении на посещение, который вы сможете заполнить. Это моя секретарша...

Ванья не могла отделаться от ощущения, что Харальдссон упивается своей властью. Пожалуй, ничего странного, ведь когда они впервые встретились, он действительно находился значительно ниже в иерархии; хотя это и было понятно и, возможно, даже объяснялось типичной человеческой слабостью, но по-прежнему раздражало.

— Сколько времени требуется на рассмотрение такого ходатайства? — поинтересовалась Ванья, с трудом сдерживая возмущение.

— От трех до пяти дней, но для вас может получиться быстрее, вы ведь все-таки из Государственной комиссии по расследованию убийств. Я посмотрю, что смогу сделать.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности.

Ванья вышла, не сказав ни слова. Билли, прежде чем покинуть кабинет и закрыть за собой дверь, кивнул в знак прощания. Харальдссон посмотрел на закрытую дверь. Все получилось отлично. Сейчас ему принесут чашку кофе, и он позвонит Йенни.

День будет хорошим.

Его третий день.

* * *

— Значит, ты по-прежнему преследуешь ее? — Стефан посмотрел на Себастиана хорошо знакомым тому взглядом, говорившим: «Я знаю о тебе больше, чем ты сам, так что не лги мне».

Себастиан этот взгляд ненавидел.

— Я смотрю на это не так.

— Ты каждый день стоишь перед ее домом. Ходишь за ней по городу, провожаешь до

работы и к родителям. Как же это называется? Как бы ты сам это назвал?

— Я интересуюсь ею. Только и всего.

Стефан со вздохом откинулся на мягкую светлую спинку кресла.

— Помнишь, как мы обсуждали тот инцидент с деревом?

Себастиан не ответил.

— Тогда ты сам себя слегка напугал, помнишь? Сказал, что это было безумием. —

Выдержав маленькую паузу, Стефан вновь пристально посмотрел на Себастиана. — По моему, ты даже употребил слово «сумасшествие»...

Себастиан продолжал хранить молчание. Лишь зыркнул в ответ глазами. Даром терапевт от него ничего не получит.

— Как это, по-твоему, называется, когда ты следуешь за ней практически каждую секунду?

— Она моя дочь, — попытался оправдаться Себастиан. — Мне это необходимо. Я не могу отпустить ее.

Себастиан понимал, как неубедительно это звучит для Стефана. Он радовался тому, что ничего не рассказал ему о Тролле.

Стефан покачал головой и на секунду посмотрел в окно, главным образом чтобы подчеркнуть, насколько его начинает утомлять эта дискуссия. Как бы он ни старался, они всегда возвращаются к этой болевой точке. К Ванье. К дочери, которую Себастиан внезапно нашел, и которая ничего не знала и, вероятно, никогда не сможет узнать. Или сможет? Есть ли какой-нибудь способ? Себастиан сохранял надежду. Рано или поздно он обязательно возвращался к этому вопросу. Пройти мимо этого пункта он не мог. Мимо того, за что все время боролся.

Стефан прекрасно понимал проблему. словно бы встречались два полюса. Ванья, желание и жажда — с одной стороны, наталкивались на реальность — с другой. Объединить их казалось невозможным. Отсюда возникали вопросы, на которые сложнее всего найти ответы. С ними Стефан сталкивался по работе почти всегда. Пациенты приходили к нему именно в таких случаях — когда вдруг больше не могли найти ответов сами. По-человечески понятно. Ничего странного. Станным в этой ситуации было то, что перед ним сидел Себастиан Бергман. Человек, живший за счет того, что знал все ответы и никогда не сомневался. Стефан никак не думал, что он станет искать у него помощи.

Себастиан был преподавателем Стефана в университете. Студенты не слишком любили посещать его лекции. Сами по себе лекции всегда бывали очень полезными, но Себастиан сразу, уже в первый день, давал всем понять, кто тут звезда. И делиться славой он не собирался. Студент, который все-таки пытался поставить под сомнение рассуждения Себастиана или критически высказаться по поводу его тезисов и теорий, подвергался унижениям и насмешкам. Не только все оставшееся от лекции время, а до конца учебного года, до конца обучения. Поэтому за фразой Себастиана: «Есть ли вопросы?» — всегда следовала полная тишина.

Исключения составлял Стефан Ларсен. На встречу с Себастианом он приходил хорошо подготовленным. Ужины дома в Лунде^[11] вооружили Стефана — младшего сына в роду полнокровных научных работников — для словесной борьбы, и он часто стремился к дискуссиям с этим острым на язык, невозможным человеком, которого боялись так много других студентов. Кроме того, Себастиан напоминал ему старшего брата Эрнста, который, испытывая не менее сильную потребность в самоутверждении, всегда переходил границу в

борьбе за свою правоту. Поскольку для них обоих — для брата Эрнста и Себастиана — самым важным было именно это. Настоять на своем. Не обязательно быть правым. Это делало их обоих трудными интеллектуальными противниками, идеально подходившими Стефану. Он оказывал им сопротивление, в котором они нуждались, но никогда не оставлял за ними конечной победы. Он возвращался с новым вопросом, потом со следующим и так далее. Они стремились к большой решающей битве, а получали долгую изматывающую войну. Против них это было единственным способом самоутверждения.

Изматывание.

Однажды утром почти два года назад Себастиан поджидал Стефана перед его приемной. Словно призрак из его прошлого. По усталому взгляду и мятой одежде казалось, будто Себастиан прождал целую ночь. Уже тогда он представлял собой осколки самого себя. Он потерял дочь и жену во время цунами 2004 года и с тех пор катился по наклонной спирали. На смену успехам, лекциям и презентациям книг пришли мучительные мысли, апатия и нарастающее злоупотребление сексом. Больше идти ему было не к кому, объяснил он. Нек кому. Они начали встречаться. Всегда на условиях Себастиана. Между встречами иногда могли проходить месяцы, а иногда лишь несколько дней. Но контакта они не теряли.

— Как, по-твоему, отнеслась бы к этому сама Ванья? Если бы узнала? — продолжил Стефан.

— Сказала бы, что я псих. Заявила бы на меня в полицию и возненавидела. — Себастиан ненадолго умолк. — Я это знаю, но... думаю только о ней... все время, по кругу, по кругу...

Голос немного изменил Себастиану, и конец предложения прозвучал почти шепотом. Он ненавидел внезапно лишаться сил, позволять чувствам брать верх и мучительно понижать голос до толики былой мощи.

— Это нечто совершенно новое. Я привык к контролю, — с трудом прошептал он.

— Неужели? Значит, ты считаешь, что вплоть до того, как ты узнал, что она твоя дочь, ты держал все под контролем? Твой гениальный план заключался в том, чтобы полностью, на сто процентов изгадить свою жизнь? В таком случае поздравляю, тебе это действительно удалось.

— Просто чудо, что тебя еще не лишили лицензии, — чуть более уверенно ответил Себастиан, посмотрев на своего терапевта пустым взглядом.

Стефан наклонился вперед. Больше всего ему в Себастиане как в пациенте нравилось то, что можно было, отбросив деликатность, бить наотмашь.

— Ты же не хочешь, чтобы я потакал тебе. Всю твою жизнь люди потворствовали тебе. А я не буду. Ты потерял во время цунами семью и с тех пор утратил контроль. Полностью.

— Поэтому-то я и нуждаюсь в ней.

— А Ванья в тебе нуждается?

— Нет.

— У нее ведь уже есть отец?

— Да.

— Кто выиграет в сложившейся ситуации от того, что ты расскажешь?

Себастиан молчал. Он знал ответ. Просто не хотел произносить его вслух. Но Стефан не выпрямлялся, не спускал с него требовательного взгляда. И ответил за него.

— Никто. Ни ты, ни она, ни кто-нибудь другой.

Стефан откинулся на спинку кресла. Взгляд дружелюбнее. Доверительнее.

— Не рассказывай ей, Себастиан. — Голос теплее. Более сочувственный. — Прежде чем пытаться стать частью чьей-то чужой жизни, тебе необходимо обрести собственную. Перестань преследовать ее и посвяти время тому, чтобы встать на ноги. Одержимость ни к чему хорошему не приведет. Лучше создавай собственную жизнь. А когда создашь, мы сможем обсудить следующий шаг.

Себастиан кивнул. Стефан прав. Разумеется.

Разделить с кем-то жизнь можно, только имея собственную.

Тоскливо умный Стефан в своем тоскливо мягком кабинете прав. Это раздражало Себастиана. Полагать, что Тролле станет решением, возможно, было ошибкой, но это было легко. Легче, чем создавать собственную жизнь. Во всяком случае, приятнее для размышлений.

— У меня есть группа, — прервал его мысли Стефан. — Мы встречаемся и беседуем дважды в неделю. Сегодня вечером и завтра. Я считаю, тебе следует присоединиться.

Себастиан впервые посмотрел на Стефана с удивлением. Как ему такое могло прийти в голову?

— Я? В группе?

— Там собираются люди, которые по разным причинам, похоже, не знают, как им дальше жить. Звучит знакомо?

В глубине души Себастиан обрадовался тому, что Стефан предложил ему нечто столь банальное, как групповая терапия. Это чуть-чуть отвлекло его от черных мыслей и добавило ему слегка освобождающего примитивного раздражения.

— Звучит невероятно знакомо и невероятно скучно. — К своей радости, он обнаружил, что вновь обрел голос. — И ты, должно быть, невероятно глуп, если думаешь, что я стану в чем-нибудь подобном участвовать.

— Я хочу, чтобы ты пришел.

— Нет.

Себастиан встал, чтобы подчеркнуть, что сеанс окончен, и он не намерен продолжать дискуссию.

— Я настаиваю на том, чтобы ты пришел.

— Да, но я по-прежнему говорю «нет».

Себастиан направился к двери. Раздражение казалось прекрасным. Оно давало ему горячее. Неужели Стефан действительно думал, что увидит Себастиана Бергмана в обливающейся слезами и соплями группе самопомощи?

Ни малейшего шанса.

Черт побери, ни малейшего шанса.

Себастиан закрыл за собой дверь. Энергия окрыляла его. Это его радовало. Может, он сегодня все-таки что-нибудь сделает.

Непривычное ощущение.

Себастиан сумел добраться до Фрескати^[12] прежде, чем подпитывающее энергией раздражение исчезло. Ему хотелось показать Стефану, что он способен создать жизнь, но усталость стала брать верх.

Все началось, собственно говоря, дома, в квартире на улице Грев-Магнигатан, когда он несколькими днями раньше нашел аккуратный старый конспект трехчасовой лекции под названием «Начальные навыки составления психологического портрета преступника».

Конспект лежал в самом низу кучи газет и других бумаг, в его рабочем кабинете — комнате, которой Себастиан никогда не пользовался, но которую в приступе безделья и скуки решил вдруг привести в порядок. Когда именно он писал этот текст, он не помнил, но точно до катастрофы, поскольку конспект был почти полностью свободен от удушающего цинизма, сопутствовавшего теперь всем его мыслям. С разгона Себастиан прочел текст дважды и преисполнился некоторой гордости. Когда-то он действительно умел писать.

Четко, компетентно и увлекательно.

Себастиан немного посидел за письменным столом с текстом в руках. Странное, почти сюрреалистическое ощущение — обнаружить лучшую версию самого себя. Через некоторое время он огляделся по сторонам, и повсюду вдруг обнаружились признаки лучшего Себастиана. Дипломы на стенках, книги, газетные вырезки, записи, которые он когда-то вел, и написанные им слова. Его рабочий кабинет был полон обломков другой жизни. Чтобы избежать воспоминаний, он отошел к окну. Посмотрел вниз, на улицу, в основном, чтобы обнулить впечатления, но остатки старой жизни присутствовали повсюду, и ему вспомнилось, как он обычно парковал внизу машину, напротив антикварного магазина. В те времена, когда у него была машина и было куда ездить.

После разговора со Стефаном он ощущал некоторую приподнятость, почти вдохновение. Поехал прямо домой и прошел в кабинет. Принялся перелистывать кипу бумаг в поисках договора, пытаясь найти имя. Кто-то же заказал ему когда-то трехчасовую лекцию. Постепенно он нашел две копии проекта договора с кафедрой криминологии, датированного 7 марта 2001 года и предполагавшего в общей сложности три лекции о навыках составления психологического портрета преступника. Себастиан попытался припомнить, почему так и не прочел лекцию. В 2001 году он пребывал на вершине. Сабина уже родилась, и они с Лили жили в Кёльне, значит, он, вероятно, посчитал, что у него есть более интересные занятия. Наплевал на это. Договоры подписаны не были, но у второй стороны имелось имя — преподаватель университета Вероника Форс. Это имя ему ничего не говорило. Ответственная за курс. Он позвонил на кафедру и спросил ее — на авось. Договор она послала много лет назад, но, как оказалось, по-прежнему работала, коммутатор незамедлительно переключил его дальше, однако мужество изменило ему, и он положил трубку, прежде чем женщина, чье имя значилось на договоре, успела ответить. Он снова уселся на стол со своим текстом в руках. Во всяком случае, она на месте.

Он стоял в нескольких сотнях метров от здания, где размещалась кафедра криминологии, которое какой-то провидец окрестил корпусом С^[13]. Вероятно потому, что здание стояло третьим в ряду. В точности как лекция Себастиана, представлявшая собой начальные навыки составления психологического портрета преступника, называлась «Начальные навыки составления психологического портрета преступника». Фантазией университетский мир не отличался. Себастиан смотрел на высокие дома мертвенно-голубого цвета, больше напоминавшие район, построенный в шестидесятых годах в соответствии с программой охраны окружающей среды, нежели столичный храм науки, и чувствовал, как его охватывает сомнение. Неужели он действительно думает, что это что-нибудь изменит? По большому счету? Он проклинал свои сомнения. Пытался бороться с ними. Надо разыскать Веронику Форс. Начать отсюда.

Мысль была простой. Для начала быстро прочесть несколько лекций в качестве приглашенного специалиста. Будни слегка подхлестнут его, направят в другом направлении

— прочь от женщин по ночам, а главное, прочь от Ваньи в дневное время. Прочь от ощущения непричастности. Прочь от того, что заставило его позвонить Тролле.

Однако первые сомнения появились, уже когда такси заехало на парковку. Сильнее всего по нему ударило ощущение, что ничего не изменилось. Место осталось тем же. Другим стал он. Может ли из этого что-нибудь выйти? Он попытался отогнать эту мысль, направившись в сторону корпуса С самым решительным шагом, будто надеялся преодолеть сомнение с помощью чисто мускульной силы.

Чуть поодаль шли несколько девушек — студентки, судя по возрасту и книгам у них в руках. Одна из них напомнила ему светлыми волосами Ванью, пожалуй, помоложе, но ненамного. Он присмотрелся к девушке. Ведь здесь, перед корпусом С он стоит ради Ваньи. Стефан прав. Необходима собственная жизнь для того, чтобы ему когда-нибудь удалось встретиться с ней по-настоящему и открыть, кто он. Возможно, тогда она его признает. Едва ли полюбит. Но хотя бы признает.

Ему необходима жизнь. Поэтому он здесь.

Он почувствовал, как энергия возвращается.

Вошел в корпус С.

Вернулся в мир, в котором не бывал в течение многих, многих лет.

Ему повезло. Вероника Форс оказалась свободна и смогла сразу принять Себастиана. Женщина из канцелярии провела его по длинному коридору к маленькому аккуратному офисному помещению с письменным столом и двумя светлыми стульями. На двери значилось: Вероника Форс. Когда он вошел, на лице женщины за письменным столом отразилось удивление. Он приветственно улыбнулся и без приглашения уселся на стул напротив нее.

— Здравствуйте, меня зовут Себастиан Бергман.

— Я знаю, — кратко ответила женщина, даже не улыбнувшись.

Она отложила папку, с которой работала, и посмотрела на него. Он не мог определить, испытала ли она при виде него только удивление или раздражение тоже. Но что-то в ее взгляде присутствовало.

— Вы Вероника Форс?

— Да, — по-прежнему кратко ответила она.

— Я по поводу лекции, которую мы планировали некоторое время назад. — Себастиан достал из внутреннего кармана найденные договоры и положил перед ней. — Речь шла об обстоятельном введении в составление психологического портрета преступника.

Вероника взяла договор и бегло просмотрела его.

— Но это, должно быть, было десять лет назад.

— Около того, — честно ответил Себастиан. — Я подумал, что вы, возможно, еще заинтересованы. Материал ведь по-прежнему актуален.

Он снова улыбнулся, насколько мог мягко, чувствуя, что нужно немного позаискивать. Похоже, начав с минуса, он пока не сумел приобрести никаких очков.

— Вы шутите? — Вероника сняла очки для чтения и посмотрела на него.

— Нет, шучу я значительно веселее. Даже могу быть по-настоящему остроумным.

Он опять улыбнулся, а она нет. Что-то в ее глазах казалось ему знакомым.

— Назовите мне хоть одну причину, по которой я вообще должна это с вами обсуждать. Научной работой вы хотя бы продолжаете заниматься? Вы просто пропали с лица Земли, а теперь появляетесь и хотите, чтобы мы заключили с вами договор десятилетней давности.

Себастиан быстро решил прекратить улыбаться. Эта тактика явно не возымела никакого воздействия на женщину, которая смотрела на него уже враждебно. Он чувствовал, что она начинает его раздражать. Этого, вероятно, показывать не следовало, если он хочет добиться результата, но ведь он пришел с простым и хорошим предложением, и она сама когда-то заказывала его услуги. Хотела их получить. Хотела заполучить его. Из-за его опыта и глубоких знаний, которыми он по-прежнему обладает. Немного уважения к себе он все-таки может потребовать.

— Я по-прежнему лучший специалист Швеции по психологическим портретам. Уверю вас, вы не разочаруетесь, несмотря на то что в последнее время я, возможно, и не проявлял себя особенно активно в университетском мире.

— А где же вы себя активно проявляли? Вы хоть что-нибудь опубликовали после девяностых годов? Вы работаете? Вы чем-нибудь занимаетесь?

— Ладно, если вы сомневаетесь в моих способностях, я готов прочитать одну лекцию бесплатно. Тогда вы увидите мои возможности. В виде, так сказать, одноразового дельца.

— Да, тебе ведь это привычно — одноразовые делишки?

Себастиан содрогнулся от ее тона. Ставшего внезапно интимным. Злобным. Возможно, уязвленным. Он смотрел на нее, но по-прежнему не узнавал. Даже глаза, показавшиеся ему секунду назад знакомыми, не давали никаких подсказок. Может, она пополнила? Или похудела? Подстригла волосы? Он не знал. Его мозг работал изо всех сил. Что-то в ней... В ее озлобленном, чуть высоком голосе. Внезапно у него возникло слабое воспоминание. Слишком смутное для того, чтобы толком уловить, однако, хотя он и не помнил ее, но был уверен, что видел ее обнаженной. На лестнице в Бандхагене^[14]. Слабое застывшее воспоминание о мгновении из давнего прошлого. Обнаженная женщина, которая сердито кричит на него на лестнице. Уж не послал ли он ее ко всем чертям? Или она его?

Неужели дело могло обстоять настолько плохо?

Вероника Форс разорвала у него перед носом договор и показала ему фигу.

Значит, настолько плохо.

К сожалению.

* * *

— Угадайте, кто стал новым начальником в «Лёвхаге»?

Ванья поудобнее уселась в кресле и окинула взглядом троих коллег, собравшихся за столом в Комнате. Билли мысленно улыбнулся. Она действительно никак не может успокоиться. В машине по дороге обратно в Стокгольм она несколько раз возвращалась к тому, что они опять столкнулись с Тумасом Харальдссоном. В качестве начальника учреждения. Как такое возможно? О чем они там думали? Объяснить его назначение она могла только взятками, полным сдвигом по фазе или сознательным желанием загубить «Лёвхагу».

Билли в основном помалкивал. Харальдссон его особенно не раздражал, и он считал, что снова встретиться с ним было довольно приятно. Конечно, он не семи пядей во лбу, но в этом упорно борющемся парне из Вестероса есть что-то симпатичное и немного вызывающее жалость. Амбиций ему не занимать, и при правильной поддержке он, возможно, прекрасно справится с новой работой. Билли на это надеялся. Молча. Он был

почти уверен в том, что, кроме него, в этой комнате подобных надежд не питает никто. Он посмотрел на Урсулу и Торкеля, которые лишь слегка покачали головами в ответ на вводный вопрос Ваньи.

— Я даже не знал, что у них новый начальник, — сказал Торкель, отпивая глоток из четвертой за день чашки крепкого кофе.

— Тумас Харальдссон, — произнесла Ванья, глядя на коллег чуть ли не с предвкушением, ожидая реакции.

И она последовала.

— Тот Харальдссон? Из Вестероса? — На лице Урсулы читался вопрос, будто она думала, что ослышалась. Ванья кивнула. — Как, черт возьми, он туда попал? — продолжила Урсула.

— Не знаю. Это загадка.

— Как он? — тихим голосом поинтересовался Торкель.

Ванья отметила, что он не кажется удивленным или возмущенным. Скорее, озадаченным.

— Похоже, ему там очень нравится.

— Я имел в виду его плечо.

— Он сказал, что оно по-прежнему немного напоминает о себе, но в остальном вроде все нормально, — вставил Билли.

— Замечательно.

Все-таки Тумаса Харальдссона ранили, пока он находился под началом Торкеля, и того немного мучила совесть, поскольку он так и не позвонил Керстин Хансер и в полицию Вестероса, чтобы справиться о нем. Много раз собирался, но все как-то не складывалось.

— Что же он сказал о Хинде? — продолжил Торкель, направляя совещание на тему, ради которой они, собственно, собрались.

— Он сидит, где сидел, и ведет себя как обычно, если персоналу «Лёвхаги» можно доверять.

— Вы с ним встретились?

— Мы оставили ходатайство о посещении. Встречаться с ним без предварительного одобрения явно никому не разрешается.

— Сколько же потребуется времени?

— От трех до пяти дней.

— Я посмотрю, не смогу ли это ускорить.

Ванья благодарно кивнула ему. Кто-то копирует Эдварда Хинде, который тем самым оказался частью их расследования. Ей хотелось встретиться с ним хотя бы для того, чтобы иметь возможность его исключить. До тех пор, пока ей это не удастся, он будет болтаться обособленной ниточкой, а обособленные ниточки Ванья ненавидела. Все концы расследования необходимо по возможности связывать в единый клубок. Отбрасывать что-либо в сторону только потому, что его принадлежность к делу кажется неправдоподобной, она не могла.

Тогда возникало ощущение, будто она не выполняет свою работу, не прилагает максимум усилий. К такому подходу ее приучили дома. С молодых ногтей. Впервые отец сказал ей о нем, когда она волновалась по поводу того, как справится со своим первым школьным днем. Быть лучшим необязательно, но всегда надо прилагать максимум усилий. Больше этого все равно не сделаешь, но делать меньше глупо. Двадцать пять лет спустя она по-прежнему

следовала этим словам.

— Что-нибудь еще из «Лёвхаги»? — поинтересовался Торкель.

Ванья повернулась к Билли, который достал из папки несколько экземпляров скрепленных листов А4 и разложил их по столу. Остальные наклонились и взяли каждый по экземпляру.

— Я проверил, какие веб-страницы Хинде посещал в последние три месяца. Ничего особенного. Много ежедневных газет, шведских и иностранных, следит за кое-какими блогами, можете там посмотреть, за какими именно. — Билли кивнул на розданные листы. — Еще он довольно часто посещает разные форумы, в основном такие, где обсуждаются философия, психология и другие гуманитарные науки.

Урсула оторвала взгляд от распечатки.

— Он может участвовать в дискуссии?

— Нет, только читать. Общаться с внешним миром он может исключительно через письма. За последние полгода он получил три. Два из них от разных женщин, которые хотят с ним встретиться, интересуются, как им следует действовать, чтобы добиться посещения, и просят его разыскать их, когда или если он выйдет на свободу.

— Психопатки, — вставила Ванья и увидела, как Торкель с Урсулой сразу согласно закивали.

— Третье письмо, возможно, представляет интерес. — Билли перелистнул страницу в своей распечатке. Остальные последовали его примеру. — Оно от некого Карла Вальстрёма из Стокгольма. Он пишет, что следил за действиями Хинде с большим интересом и очень хотел бы встретиться с ним лично, чтобы, я цитирую: «Ближе познакомиться с процессом принятия решений, приведших к тому, что четыре женщины лишились жизни». Он пишет выпускную работу по практической философии, но, как мне кажется, Хинде произвел на него довольно сильное впечатление.

— Они виделись? — спросила Урсула.

— Нет, по сведениям «Лёвхаги», Хинде ему даже не ответил.

— Все-таки проверь его после совещания, — сказал Торкель, — это хоть что-то. — Торкель снова положил на стол бумаги, которые читал, и сдвинул очки на лоб. — Опрос соседей ничего не дал. Друзья и родители ничего не слышали о том, чтобы Гранлунды чувствовали, что за ними наблюдают или что им что-то угрожает. Муж полностью вне подозрений. Он был в Германии. Или в воздухе на пути домой.

В Комнате воцарилось тягостное молчание. Они уже в третий раз слушали, как Торкель с незначительными вариациями докладывает о том, что на месте преступления никто ничего не заметил и никто из родственников не мог предложить даже намека на мотив.

— Тогда остаются технические доказательства? — обратился Торкель к Урсуле.

— Сперма и лобковые волосы. Снова. Я отправила образцы в Линчёпинг для анализа ДНК, но думаю, мы можем считать, что преступник тот же. Предварительный отчет о вскрытии говорит, что сонная артерия и трахея перерезаны, но ее задушили, прежде чем она истекла кровью. Снова. — Урсула замолчала и слегка развела руками. Она закончила.

Больше ничего.

Ничего нет.

Торкель откашлялся.

— Как все уже знают, никакой связи между этими тремя женщинами мы не обнаружили, значит, мы не имеем ни малейшего представления о том, кто станет его

следующей жертвой.

Заключительные слова Торкеля были встречены мучительным молчанием. Никто не мог поставить сказанное им под сомнение. Казалось крайне маловероятным, что преступник на этом остановится. Еще одной женщине предстоит лишиться жизни, а они ничего не могут сделать для того, чтобы помешать этому. Ванья отодвинула стул и встала.

— Мы проверим Вальстрёма.

Ванья и Билли справились о Карле Вальстрёме на кафедре философии, но узнали, что его там нет. В такое время года университет был почти пуст. Пробовали ли они ему звонить? Не пробовали и не собирались. Были ли они у него дома? Карл летом работает над выпускной работой. Им дали адрес, который у них уже имелся. Форскарбаккен. Третий этаж. Студенческое общежитие.

Из квартиры доносилась музыка. Нажимая на звонок, Ванья достала бумажник. Долгий звонок. Она не могла определить, здесь просто хорошая слышимость или же он включил музыку на очень высокую громкость.

Карл Вальстрём открыл дверь с чашкой чая в руке и вопросительно посмотрел на стоявших на лестнице гостей. «Высокая громкость», — отметила Ванья, пока они с Билли предъявляли свои полицейские удостоверения.

— Ванья Литнер и Билли Русэн, мы из полиции, можем ли мы с вами поговорить?

— О чем?

— Разрешите нам войти?

Карл отступил в сторону и впустил их. В квартире было жарко. Пахло свежим хлебом.

— Снимите, пожалуйста, обувь, я только что пропылесосил.

Протиснувшись мимо них в маленькой прихожей, Карл прошел в спальню, прямо к стоявшему на столе вместе с принтером компьютеру, и выключил музыку. Ванья и Билли разулись и зашли в квартиру. В одном углу гостиной маленькая кухня с угловым диваном, на стене телевизор, в другом углу — маленький письменный стол с учебной литературой и компьютерное кресло. Самое обычное жилище студента, если бы не висящие на стене над диваном две большие застекленные доски, похожие на музейные стенды. За каждым стеклом были наколоты на булавки ряды бабочек и мотыльков. Большие — по шесть, восемь штук, а маленькие — возможно, до пятнадцати или двадцати. Их яркие крылышки распростерлись в навечно застывшем взмахе. Мизерная часть из них была Ванье знакома, у двух она помнила название: павлиний глаз и лимонница. Про остальных она не знала даже, встречаются ли они в Швеции.

— Что вы хотели?

Карл прервал размышления Ваньи о бабочках. Выйдя из спальни, он закрыл за собой дверь. Скрестил руки на груди и смотрел на полицейских. Ванья бросила взгляд на Билли и увидела, что тот тоже рассматривает наколотых насекомых.

— Мы здесь в связи с письмом, которое вы несколько недель назад написали Эдварду Хинде, — сказала Ванья, усаживаясь на диван. Билли прислонился к стене, обращенной к кухне.

— Вот оно что... — Карл развернул компьютерное кресло перед письменным столом и опустился в него с вопросительным выражением лица.

— Зачем вы ему писали? — продолжила Ванья.

— Хотел вступить с ним в контакт.

— Для чего?

— Надеялся, что он согласится помочь мне с моими исследованиями.

— По практической философии?

— Да. Почему это интересует полицию?

Ванья не ответила. Чем меньше Карл будет знать о причине их визита, тем меньше сможет подстраивать ответы. Билли рассудил так же и сменил тему.

— Чем занимается специалист по практической философии? Я имею в виду, какую можно потом получить работу?

Карл развернул кресло на четверть оборота и посмотрел на Билли с намеком на улыбку в уголках рта.

— Зачем вам это? Надоело быть полицейским?

— Разве философия не теоретическая наука? — поинтересовался Билли, будто не услышав вопроса. — Чем занимается специалист по практической философии? Миссионерской деятельностью? Читает лекции в лектории?

— Зачем насмехаться, если вы в этом не разбираетесь?

— Извините, мне просто любопытно.

Карл бросил на него неодобрительный взгляд, явно показывающий, что извинение не принято. Ванья вмешалась, чтобы опять перевести разговор на нужную тему, прежде чем Карл решит, что вообще больше не желает с ними разговаривать.

— Мы прочитали письмо, которое вы написали Хинде.

Карл еще секунду задержал взгляд на Билли, а затем снова повернулся к Ванье.

— Я это понял.

— Складывается впечатление, что вы им восхищаетесь.

— Нет, восхищаюсь неверное слово. Он меня привлекает.

— Он убивал женщин. Вас это привлекает?

Карл наклонился вперед, явно больше заинтересовавшись разговором, чем с полминуты назад.

— Не сами поступки, а путь к ним кажется мне очень интересным. Решения, которые он принимал, как он все взвешивал. Я пытаюсь понять его.

— Зачем?

Карл немного помолчал, явно обдумывая ответ, словно собирался скорее отчитываться перед профессором, нежели что-то рассказывать полицейским.

— Его убийства были намеренными поступками. Спланированными и взвешенными. Он имел желание убить и исполнил свое желание. Мне хочется знать, где это желание возникло.

— Я могу вам сказать. В его больном мозгу.

Карл улыбнулся Ванье почти снисходительно.

— Для выпускной работы этого маловато. Кроме того, ваше рассуждение требует признать то, что некоторые желания могут быть «больными», а другие, более социально приемлемые, как, например, завести щенка, являются «здоровыми».

— Вы считаете, что убить четырех женщин — это здорово?

— Сам поступок совершенно обоснованно является в нашем обществе неприемлемым, но мне крайне трудно говорить о желании его совершить в таких терминах, как «здоровый» и «больной». Мы установили правила, как нам следует себя вести. Убийство другого человека мы, разумеется, не принимаем. Но неужели мы действительно не можем принять желание его совершить?

Ванья вздохнула про себя. Разве необходимо все анализировать? Надо ли все крутить и вертеть, понимать и объяснять? Для нее ответ был прост. Если человек хочет убить другого, он болен. Если он это совершил, значит, он болен еще серьезнее. Или озлоблен.

— Вы получили от него ответ? — поинтересовался Билли, отчасти потому, что был больше не в силах слушать философскую лекцию, если это можно было считать философией, а отчасти, поскольку видел, что Ванья начинает злиться.

— К сожалению, нет.

— Вы пишете на каком-нибудь из этих форумов?

Билли протянул ему распечатку веб-страниц, на которые Хинде заходил в последние три месяца. Карл взял лист и стал его внимательно читать. Тут на кухне прозвенел звонок, и Карл, отложив распечатку, встал.

— У меня готов хлеб.

Он пошел на кухню, выключил духовку и открыл ее. Затем взял две прихватки и вытащил из горячей духовки противень. Увидев лежащие в продолговатых формах две золотистые буханки, Ванья почувствовала, что голодна. Они ждали, пока Карл потыкал хлеб, чтобы убедиться, что тот готов, взял одну из буханок и перевернул ее на решетку около мойки. Прodelывая ту же процедуру со второй буханкой, он кратко спросил Ванью:

— Из какого вы отдела?

— Из комиссии по расследованию убийств Государственного полицейского управления.

Карл ненадолго оторвал внимание от хлеба.

— Он сбежал?

— Нет.

— Но кто-то умер, и вы заинтересовались Хинде?

Ванья бросила беглый взгляд на Билли. Либо Карл Вальстрём очень хорошо соображает и необычайно быстро объединил полученную минимальную информацию. Либо он знал, что кто-то копирует убийства Хинде. Ни единым мускулом лица не выдав своих мыслей, Ванья продолжила:

— Где вы были вчера между десятью и тремя часами дня?

— Здесь. Я занимался.

Карл накрыл хлеб чистым полотенцем, закрыл духовку и вернулся в маленькую гостиную.

— Вы занимались в одиночестве?

— Да.

— И в течение всего дня вас никто не видел.

— Да.

В маленькой комнате воцарилась тишина. Ванье больше ничего не требовалось, она уже решила всерьез заняться проверкой Карла Вальстрёма. Она встала с дивана.

— Вы согласились бы добровольно сдать анализ ДНК?

Карл Вальстрём даже не ответил. Он запрокинул голову и широко открыл рот. Ванья нашла в сумке ватную палочку и быстро провела ею за щеками и по языку сидевшего перед ней мужчины.

— А что насчет того списка? — поинтересовался Билли, пока Ванья укладывала палочку в пластиковую трубочку и закрывала крышку.

Карл обернулся, взял список и протянул его Билли.

— Один. Вот этот, — указал он на одно название, возвращая список.

Билли посмотрел на название. Оно мало что давало. Собственно, ничего. Даже если Хинде знал, что Карл появляется на этом форуме, общаться с ним он все равно не мог. Но все-таки точка соприкосновения. Уже кое-что. А кое-что это больше, чем имевшийся у них до сих пор ноль.

По пути в прихожую Ванья обернулась.

— Ваши насекомые?

— А с ними что?

— Откуда появляется желание втыкать булавки в мелких насекомых?

Карл снова улыбнулся ей, словно стремясь продемонстрировать снисходительность к ее неведению. Будто она — маленькая девочка, которая плохо соображает. Пообщавшись с Вальстрёмом всего десять минут, Ванья уже успела возненавидеть эту улыбку. Она слишком напоминала ей надменную усмешку Себастиана Бергмана.

— Это не желание, а интерес. Я лепидоптеролог.

— Полагаю, это означает собиратель бабочек.

— Специалист. Специалист по бабочкам.

— Как это делается? Вы накалываете их живьем?

— Нет, я сперва убиваю их этилацетатом.

— Значит, вас интересует процесс умерщвления?

Карл слегка склонил голову набок, будто Ванья только что сказала нечто чрезвычайно милое.

— А вы не хотите спросить еще, не страдаю ли я по ночам моченедержанием и не питаю ли страсть к поджогам?

Ванья не ответила. Она наклонилась рядом с Билли, чтобы надеть туфли, уклоняясь от встречи с надменным взглядом.

— Вы знаете, что полагать, будто серийные убийцы в молодости писаются, устраивают пожары и убивают животных, — это грубое упрощение?

— Похоже, вы неплохо осведомлены о серийных убийцах, — произнес Билли, выпрямляясь.

— Я пишу о них бакалаврскую работу. О них тоже.

— Как она называется? Ваша работа?

— Когда желания индивида вступают в конфликт с цивилизованным обществом.

Билли встретился взглядом с Карлом, и у него вдруг возникло ощущение, что тема далеко не чужда самому автору работы. Несмотря на жару, Билли почувствовал дрожь.

— Он омерзителен.

Ванья и Билли, выйдя из дома, шли по тротуару к машине, когда Билли облек в слова то, что вертелось у обоих на языке. Ванья кивнула, надела солнцезащитные очки и застегнула тонкую куртку.

— Омерзителен и выше тебя ростом.

— Да, я тоже об этом подумал, — отозвался Билли, отпирая машину, хотя до нее оставалось еще метров двадцать. — Установим за ним наблюдение?

— Он производит слишком уж расслабленное впечатление. Ведь если это он, то ему известно, что у нас есть технические доказательства.

— Может, ему хочется, чтобы его посадили?

— Чего ради?

— СМИ еще не связали убийства вместе. О нем не пишут, к нему не проявляют интереса. Если кайф, который он ловит от процесса убийства, постепенно ослабевает, ему может потребоваться нечто большее. Арест и суд не только показали бы, что он совершил, но и привлекли бы к нему внимание. Сделали бы его заметной личностью.

Ванья остановилась посреди тротуара и посмотрела на Билли с изумлением. Не только потому, что она, пожалуй, еще не слышала, чтобы он так долго говорил без перерыва, а в основном поскольку не могла припомнить, чтобы он когда-либо проявлял такую осведомленность. Если речь, разумеется, не шла о технике и новомодных штучках. Но о серийных убийцах... Заметив, что Ванья остановилась, Билли обернулся к ней, и хотя ее глаз за солнцезащитными очками ему видно не было, он знал, что она удивлена.

— В чем дело? — поинтересовался он.

— Ты подготовился.

— Да, и что из этого?

— Нет, ничего.

Что-то в голосе Билли подсказывало Ванье, что следует остановиться и уж точно не шутить по этому поводу. Во всяком случае, здесь и сейчас.

— Мы будем следить за ним, пока не получим результат анализа его ДНК, — продолжила она, и они пошли дальше, сели в машину и захлопнули дверцы. Пока Билли заводил мотор, она пристегнулась.

— Кстати, кто та девушка?

— Какая девушка?

— Любительница театра.

— Неважно.

Это, конечно, означало, что очень даже важно. Ванья усмехнулась про себя. За короткую обратную дорогу она обязательно вытянет из него подробности.

* * *

Польхемсгатан. Снова. Себастиан сидел в кафе, где уже мог считать себя завсегдаем. За своим любимым столиком, откуда лучше всего было видно его прежнее рабочее место. Государственное полицейское управление. Теперь ее рабочее место. Принимаясь за третью чашку кофе, он опять посмотрел на белые пластиковые часы на стене. Он проклинал себя. Проклинал Стефана, спровоцировавшего его проделать весь путь до Фрескати, и женщину, которая, как оказалось, его ненавидела. Он мог бы вместо этого сидеть в кафе. Ждать ее. Это обошлось бы дешевле.

Теперь ему необходимо ее увидеть.

Здесь, в кафе на Польхемсгатан, он чувствовал себя почти уютно. Чем ближе он находился к бывшей работе, тем увереннее себя чувствовал. Здесь ему не требовалось так тщательно скрываться. Здесь он мог сидеть по многим причинам. Если Ванья или кто-то другой увидит его, он всегда сможет сказать, что заходил в гости. Что ждет бывшего коллегу. Что у него отменилась назначенная встреча. Если они почему-либо на это не купятся, он всегда сможет сменить тактику и утверждать, что находится здесь, потому что хочет, чтобы его приняли обратно. Тут они ему поверят.

Не потому, что подумывали пригласить его обратно. Особенно после Вестероса.

Просто это покажется им логичным. Они поймут, почему он сидит здесь с чашкой кофе, уставившись на цементно-серое здание. Он хочет вернуться. Было бы значительно труднее объяснить его присутствие, если бы Ванья увидела его на пригорке перед своей квартирой.

Большая стрелка пластиковых часов переместилась на пол-оборота и показывала теперь двадцать пять минут шестого. Других посетителей в кафе не осталось, молодая пара, похоже, имевшая какие-то проблемы на любовном фронте, исчезла незаметно для Себастиана, а пожилая дама, которая, как он подозревал, владела заведением, начала убирать с холодильного прилавка готовые бутерброды. Себастиан снова посмотрел в окно. На цементно-серое здание. Не обнаружил того, что искал. Почувствовал, что скоро пора уходить. Вопрос в том, что делать теперь? Возвращаться домой к остаткам другой жизни ему не хотелось, а можно ли отважиться поехать к хорошо знакомому холму перед ее домом, он не знал. С точки зрения статистики, риск обнаружения повышался с каждым разом. Но что-то делать надо. Что-то, способное усмирить нетерпение и раздражение. День получился очень плохим. Немного секса развеяло бы мысли. Вчерашнюю женщину, Эллинор Бергквист, он снова посещать не намеревался, иначе она стала бы самым простым выходом. Его возмутило то, как она утром пыталась задержать его и все время стремилась узнать больше и больше. Да еще держала его за руку. Должны же у близости быть хоть какие-то границы.

Свое раздражение Себастиан сорвал на женщине за кассой.

— Кофе у вас отвратительный, — заявил он, уставившись на нее.

— Я могу сварить немного нового, — уклончиво ответила она.

— Пошла ты к черту со своим кофе, — проговорил он и вышел.

«С этим излюбленным заведением, вероятно, покончено», — думал он, оказавшись на по-летнему жарком вечернем воздухе. Но он всегда сможет найти новое.

Если в Стокгольме чего-то много, то это кафе.

И женщин.

После нескольких кратких, но неудачных посещений гостиничных баров в поисках кого-нибудь, с кем завершить этот плохой день, Себастиан начал сдаваться. День все больше представлялся единым длинным фиаско. К этому времени уже закрылась даже Королевская библиотека. Это помпезное здание в парке Хумлегорден было одним из его любимых мест для выуживания женской компании и обладало непревзойденной статистикой. Два раза из трех ему удавалось кого-нибудь подцепить. Техника была проста. Найти центральное место в большом читальном зале. Взять немного книг, обязательно включавших несколько экземпляров его собственных трудов, которые следовало положить на самом видном месте. Затем он усаживался и начинал изображать видимость мучительного создания нового текста и трудностей с подбором слов, а при удобном случае обращался к проходившей мимо женщине.

«Здравствуйте, я тут пишу новую книгу и хочу спросить, нет ли у вас желания проверить, как звучит это предложение». Если он все разыгрывал правильно, то было уже недалеко до бокала вина в «Отеле Англэ» по соседству.

Бесцельно бродя по жаркому городу, Себастиан начал раздражаться на самого себя — казалось, ничто из предпринимаемого им больше не срабатывает. Он начал снова злиться. Просто озлобляться с каждым шагом.

Черт подери, почему все выходит как выходит?

Черт подери, почему ничего никогда не получается, как ему хочется?

Надо поквитаться со всем и всеми. Опять позвонить Тролле и попросить его копать изо всех сил. Просверлить насквозь жизни этих идеальных людей, пока не доберется до дерьма. Всему виной, конечно, Анна Эрикссон и Вальдемар Литнер. Надо бы проверить Анну тоже. Возможно, она является слабым звеном, щелочкой, которая сможет продырявить их идеальную внешнюю оболочку среднего класса. Какое-нибудь дерьмо про нее он, наверное, сумеет найти. Ей не чужды ложь и тайны. Ванья не знает даже правды о своем настоящем отце. Анна наверняка мотивирует это тем, что так лучше для Ваньи. Но кто дал ей право решать это? Кто возвел ее в боги? Он хочет находиться поблизости от своей дочери. Однако сейчас «поблизости», похоже, означает в нескольких сотнях метров от нее. Будто ему присудили некий запрет на посещения. Себастиан остановился. Он попросит Тролле искать вширь. Посмотреть на Анну Эрикссон. В лучшем случае это сможет что-нибудь дать, хотя за последние месяцы Себастиан заметил, что Ванья, похоже, далеко не так близка с матерью, как с Вальдемаром. Себастиан достал мобильный телефон, но остановился и снова убрал его. Зачем звонить? Он развернулся и направился к ближайшей стоянке такси. Все равно лучших занятий у него нет. Тролле живет в пригороде Шерхольмен.

Положиться на него можно.

Он поймет.

Он сам лишился семьи.

* * *

Билли сидел на диване с планшетом и ползал по сети. Мю принимала душ. После этого Билли надеялся пойти куда-нибудь поесть. По пути домой они с Ваньей останавливались у «Макдоналдса», но он не стал ничего заказывать, поскольку знал, что встретится с Мю.

Они стали парой с праздника летнего солнцестояния. У приятеля Билли по гимназии имелся домик в шхерах, и Билли уже третий год подряд отмечал праздник там. В этом году другой приятель привез с собой друга и его сестру — Мю Рединг-Хедберг. Во время традиционного обеда с селедкой они оказались рядом, а потом просидели вдвоем бóльшую часть вечера и ночи. С тех пор они стали парой и встречались почти ежедневно.

Тем не менее он ничего не рассказал о Мю, когда Ванья по пути домой пыталась выдать из него подробности. Обычно он рассказывал Ванье все. Или почти все. Иногда он воспринимал ее больше как сестру, чем как коллегу, но на этот раз у него имелись сомнения. По той простой причине, что он был почти уверен в том, что Мю Ванье не понравится.

В том, что касалось жизни и карьеры, Ванья всегда выступала в роли ведущего.

Она обладала многими замечательными качествами. Но, добиваясь больших успехов сама, она с трудом переносила людей, которые не строят свою жизнь. Сами. Одно дело учиться и повышать квалификацию, ходить на курсы и лекции, ставить перед собой высокие цели, а если для выявления собственной мотивации и достижения результатов человеку требовалась помощь, она рассматривала это просто как нерешительность и внутреннюю слабость. Ее простой тезис звучал так: если ты не знаешь, чего хочешь, значит, хочешь этого недостаточно сильно. Если возникают настоящие проблемы, надо идти к профессиональному психологу, а не к какому-нибудь сомнительному приверженцу течения «Нью Эйдж» с дипломом, который берет за ободряющие возгласы по тысяче крон в час.

Нет, Мю ей не понравится.

Не то чтобы ему требовалось Ваньино одобрение, но проще, чтобы она ничего не знала. Это избавит его от усмешек и мелких подколов. Особенно сейчас, когда он всерьез начал пытаться изменить свое положение в группе.

Все началось с того, что Мю спросила, доволен ли он работой. Простой вопрос, простой ответ. Да, доволен. Он не мог представить себе лучшего рабочего места или лучших коллег. Со временем они продолжили эту тему. Мю заинтересовалась тем, что он делает и какие получает задания. Не так, как многие другие, желавшие на самом деле лишь услышать смачные подробности увлекательных расследований убийств. Нет, ее интересовала работа. Интересовал он. Ему это в ней нравилось. То, что она заставляла его говорить. И он начал рассказывать о своей работе. О том, чем занимается в течение дня. Доступно и конкретно. А потом она посмотрела на него, слегка наморщив лоб.

— На мой взгляд, это звучит так, будто ты скорее техник, чем полицейский.

Это запало ему в душу. Он стал более осознанно относиться к тому, какие получал и выполнял задания. Проверки. Подбор материала. Поиски.

Чем больше он уделял этому внимания, тем больше понимал, что его участие в расследованиях все чаще сводится к роли некоего секретаря высокой квалификации, и что его все реже задействуют в качестве ведущего расследование полицейского. Он поговорил об этом с Мю, и она сочла, что ему надо немного притормозить и поразмыслить над тем, к чему он движется. И иметь смелость услышать ответ. Ответом стало то, что он не знает. Он вообще над этим не задумывался.

Ходил на работу.

Получал удовольствие.

Возвращался домой.

Он выстраивал временные графики, добывал и сопоставлял сведения со всех мыслимых сторон, то есть его способность к структурированию применение находила, но использовал ли он свой потенциал полностью? Нет, этого сказать нельзя. Громко заявить о себе в такой компании трудно. Торкель Хёглунд является одним из самых авторитетных полицейских Швеции, а Ванья и Урсула входят в тройку лучших — если не считаются номером один — каждая в своей сфере. Ему незачем стремиться к таким высотам. Мю он этого не сказал, но, откровенно говоря, не думал, что обладает необходимыми качествами, однако стать более полноправной частью команды он бы мог.

И станет.

Он уже начал над этим работать. Даже собирался прочесть книги Себастиана, как только у него будет время.

Мю вышла из ванной, облачившись в его халат и обмотав голову полотенцем. Она уселась на диван рядом с ним.

— Ты придумал, что мы будем делать? — спросила она, целуя его в щеку и прислоняясь к его плечу.

— Я хочу есть.

— Я тоже. А потом сегодня концерт в парке Витабергспаркен. В восемь часов.

Витабергспаркен. Концерт. Летний вечер. Это заранее отдавало трубадуром с акустической гитарой. Приятной атмосферой концертов Карла-Антонна^[15] или чем-то подобным. То есть приятной, если тебе семьдесят пять лет и больше. Билли предпочел притвориться, будто вообще не слышал, что она сказала.

— Мы могли бы пойти в кино, — предложил он.

— Сейчас лето.

— Это не ответ.

— Приятнее находиться на свежем воздухе.

— В помещении прохладнее.

Мю, похоже, секунду взвешивала, что лучше — прохладно или приятно, а затем кивнула.

— О'кей, но тогда выбирать фильм буду я.

— Ты выбираешь очень скучные фильмы.

— Я выбираю хорошие фильмы.

— Ты выбираешь фильмы, на которые пишут хорошие рецензии. Это не одно и то же.

Она подняла голову с его плеча и посмотрела на него. На прошлой неделе, когда «Синематека» начала показ фильмов французской новой волны, он стойко выдержал. Так что пусть будут космические корабли или ракеты, или что он там хочет посмотреть. Она пожалала плечами.

— Ладно, ты выбираешь фильм, но тогда я выбираю ресторан.

— Заметано.

— Значит, можешь заказывать билеты по своей новой игрушке. — Она постучала по лежавшему у него на коленях планшету.

— Он не новый, и это не игрушка.

— Если ты говоришь, значит...

Она встала, наклонилась, поцеловала его в губы и пошла в спальню одеваться. Билли посмотрел ей вслед с улыбкой.

Ему она нравится.

* * *

На сегодня конец.

Тумас Харальдссон выключил компьютер. Некоторое время назад одна энергетическая компания распространила информацию о том, что если бы все выключали свою электрическую аппаратуру, а не просто переводили в режим ожидания, то за счет сэкономленной энергии можно было бы отапливать три крупнейших города Швеции. Или освещать. А, может, три виллы. Пожалуй, три виллы в трех крупнейших городах. Нет, такая формулировка кажется слишком обстоятельной. Ну да, он толком не запомнил, но речь в любом случае шла об экономии электричества, экономии ресурсов. Это важно, ресурсы Земли не бесконечны. А он ждет ребенка. Ему тоже должно что-нибудь достаться. Или ей. Поэтому он полностью выключил компьютер.

Харальдссон встал, пододвинул кресло к письменному столу и приготовился уходить, но тут его взгляд упал на папку об Эдварде Хинде, по-прежнему лежавшую у него на столе. Он остановился. Госкомиссия заинтересовалась и вернется обратно. Не повредило бы познакомиться поближе, правда, существует риск, что у него не будет для этого времени. Во всяком случае до завтра. Он бросил взгляд на часы. Йенни собиралась приготовить ужин к восьми. Ригатони с бараньим фаршем. Какой-то известный повар однажды готовил это блюдо по телевизору, и с тех пор оно стало у них дежурным. Когда оно появилось на столе в первый раз, Харальдссон сказал, что ему очень понравилось, и теперь у него язык не поворачивался открыть правду. Йенни зашла после работы в магазин и купила все, что

требовалось, но, придя домой, захотела лакричного мороженого, поэтому Харальдссону предстояло еще заехать на бензоколонку. Может, он заодно возьмет напрокат какой-нибудь фильм. Посмотрели бы, пока еще есть время. Но тогда он определенно не успеет почитать про Хинде.

Решай, решай.

Он снова посмотрел на часы. До дома сорок пять минут. Пятьдесят пять, учитывая мороженое и фильм. У него в запасе оставалось полчаса. Конечно, не повредило бы иметь к следующему визиту Госкомиссии личные впечатления о Хинде. При всем уважении к отзывам психологов и отчетам он все-таки обладает значительным опытом общения с преступниками и смог бы внести свою лепту. Возможно, ему удастся в доверительной личной беседе заставить Хинде раскрыть нечто такое, чего тот не скажет на более традиционном допросе Госкомиссии. Ведь Харальдссон придет туда не в качестве полицейского, а, скорее, по-дружески. Еще раз быстро взглянув на часы, он решил нанести краткий импровизированный визит в спецкорпус.

* * *

Эдвард Хинде удивился, когда около половины седьмого за ним пришли охранники и вывели его из камеры. Обычно после шести, когда приносили ужин, ничего не происходило. Ему давалось двадцать минут, чтобы поесть, после чего поднос забирали, и он оставался в одиночестве до побудки в половине седьмого на следующий день. Двенадцать часов наедине со своими книгами и мыслями. Каждый день. Как по будням, так и по выходным. Лишенные событий часы, ставшие с годами половиной его жизни.

Правда, в другую половину суток тоже происходило не слишком многое. После завтрака он проводил двадцать минут в ванной комнате, а затем ему давался час на прогулку во дворе. В одиночестве. Обрато в камеру на обед, после чего час в библиотеке и еще часовая прогулка. Последняя была добровольной, если он хотел, то мог продолжать сидеть в библиотеке. Чаще всего он предпочитал оставаться там. Снова ванная комната, потом камера — ожидание ужина.

Раз в две недели он встречался с психологом. Каждый раз по часу. За прошедшие годы Эдвард встречался со многими, и их объединяло то, что они незамедлительно ему наскучивали. Вначале своего пребывания в «Лёвхаге» он говорил то, что им хотелось услышать, но теперь он даже не утруждался. Казалось, им все равно никто больше не интересуется. Четырнадцать лет без видимых успехов охладили энтузиазм самых упорных. Последний по счету, похоже, даже не прочел журналы своих предшественников. Тем не менее визиты продолжались. Ему следовало не только нести наказание.

Ему следовало проходить реабилитацию.

Улучшаться как человеку.

Рутинa и бессмыслица заполняли его дни. Его жизнь. Отклонений почти не было случалось. Но этим вечером случилось. Два охранника забрали его из камеры и отвели в одну из комнат для свиданий. Давненько он тут не бывал. Сколько лет? Три года? Четыре? Больше? Он не помнил. Комната, во всяком случае, выглядела так же, как тогда. Голые стены. Мелкая решетка на окнах из небьющегося стекла. Два стула. Между ними стол, привинченный к полу. На столешнице две крепко приделанные металлические дуги.

Охранники проследили за тем, чтобы он сел на один из неудобных стульев, и пристегнули ему руки наручниками к металлическим дугам. Затем удалились. Эдвард остался сидеть. Скоро выяснится, кто захотел с ним поговорить, поэтому размышлять над этим не имело смысла. Он попытался припомнить, с кем встречался в последний раз, сидя прикованным к этому столу, но так и не сообразил, прежде чем услышал, как дверь открылась и кто-то вошел. Эдвард подавил желание обернуться. Остался сидеть неподвижно, глядя прямо перед собой. Незачем создавать посетителю ощущение, будто его ждут. Шаги у него за спиной смолкли. Вошедший человек остановился. Вероятно, разглядывает его. Эдвард знал, что тот видит. Маленького худощавого мужчину, чуть более метра семидесяти ростом. Жидкие волосы скрывают воротник, слишком жидкие для такой длины, по крайней мере, если претендуешь на хороший вид. На нем была та же одежда, что на всех пациентах закрытого отделения. Мягкие хлопчатобумажные брюки и простая хлопчатобумажная рубашка с длинными рукавами. Подойдя, посетитель увидит чуть водянистые голубые глаза за очками без оправы. Бледные, слегка ввалившиеся щеки с не отросшей за несколько дней щетиной. Увидит человека, выглядящего старше своих пятидесяти пяти лет.

Пришедший мужчина опять двинулся с места. В том, что это мужчина, Эдвард не сомневался. Об этом говорили шаги и отсутствие парфюмерного запаха. Он убедился в своей правоте, когда на стул напротив него уселся маленький, довольно обычного вида мужчина в клетчатой рубашке и чиносах.

— Здравствуйте. Меня зовут Тумас Харальдссон, я новый начальник учреждения.

Эдвард перевел взгляд от окна на мужчину напротив и впервые посмотрел тому в глаза.

— Эдвард Хинде, приятно познакомиться. Вы у меня третий.

— Простите?...

— Начальник. Вы у меня третий.

— Вот как...

В безликой комнате воцарилась тишина. Слышался только слабый шорох вентиляционной системы. Из коридора не доносилось ни звука, с улицы тоже. Эдвард не отрывал взгляда от нового начальника, полагая, что ему нарушать молчание незачем.

— Я хотел просто зайти познакомиться, — проговорил Харальдссон, немного нервно улыбаясь Хинде.

— Мило с вашей стороны. — Хинде улыбнулся в ответ.

Снова тишина. Харальдссон слегка заерзал на стуле. Эдвард сидел неподвижно, продолжая разглядывать посетителя. Никто еще не заходил, чтобы просто познакомиться. Мужчине напротив что-то нужно. Что именно, Хинде пока не знал, но если он будет сидеть спокойно и молчать, то со временем узнает.

— Вам здесь хорошо? — спросил Харальдссон таким тоном, будто Хинде только что переехал от родителей в первую собственную квартиру.

Эдвард с трудом подавил смех. Он смотрел на сидящего перед ним явно неуверенного в себе мужчину. Первый начальник учреждения был крутым мерзавцем. Ему оставалось два года до пенсии, когда здесь появился Хинде. Он быстро дал Эдварду понять, что не потерпит никакого выпендрежа. Под выпендрежем он, как оказалось, имел в виду все, помимо того, что Хинде будет ходить туда, куда ему велят, разговаривать, когда ему разрешат, и вообще прекратит думать самостоятельно. В результате Хинде довольно много времени провел в карцере. Второго начальника, задержавшегося на двенадцать лет, он видел лишь мельком. Не общался с ним ни единым словом, насколько ему помнилось. Но с третьим, с этим

Тумасом Харальдссоном, стоило, пожалуй, познакомиться поближе. Он улыбнулся Харальдссону обезоруживающей улыбкой.

— Да, спасибо. А вам самому здесь нравится?

— Я здесь всего третий день, но пока...

Опять тишина. Однако этому нервному мужчине, похоже, нравилась бессмысленная болтовня, поэтому Эдвард отошел от избранной стратегии — предоставлять вести беседу другому и снова улыбнулся Харальдссону.

— Как зовут вашу жену?

— С чего это вдруг?

Эдвард кивнул на левую руку Харальдссона, лежавшую перед ним на столе поверх правой.

— Кольцо. Я увидел, что вы женаты. Но, возможно, вы придерживаетесь современных взглядов и женаты на другом мужчине?

— Нет, нет, отнюдь. — Харальдссон замахал руками. — Я не... — Харальдссон умолк. Почему Хинде так подумал? Откуда он это взял? Харальдссону еще никто не говорил, что он выглядит как гей. Никто и никогда.

— Йенни, мою жену зовут Йенни Харальдссон.

Эдвард усмехнулся про себя. Нет лучшего способа узнать что-нибудь о чьей-то жене, чем намекнуть человеку, что он, возможно, не гетеросексуален.

— Дети?

— Мы ждем первенца.

— Как замечательно. Мальчика или девочку?

— Мы не знаем.

— Значит, будет сюрприз.

— Да.

— Я не убил ни одной беременной женщины.

Харальдссон вдруг почувствовал некоторую неуверенность. До сих пор все шло отлично. Первый контакт, поболтать о банальностях, заставить Хинде расслабиться, чтобы потом перевести разговор на Госкомиссию. Но его последнее замечание обескуражило и немного напугало. Значит ли это, что Хинде не мог даже помыслить убить беременную женщину или что ему просто не представился случай? Харальдссон ощутил дрожь. Этого он знать, пожалуй, не хочет. Пора переводить разговор на то, что ему надо.

— С вами хочет побеседовать Государственная комиссия по расследованию убийств, — произнес он как можно обыденнее.

Вот оно.

Истинное дело посетителя.

Впервые за время беседы у Эдварда в глазах появился неподдельный интерес. Он выпрямился на стуле, и его несколько вялый взгляд тотчас стал острым. Настороженным. Проницательным.

— Они здесь?

— Нет, но появятся через день или два.

— Что им надо?

— Они не сказали. А вы как думаете?

Хинде проигнорировал вопрос.

— Но они хотели со мной поговорить?

— Да. Что им может быть нужно?

— Кто придет?

— Их зовут Ванья Литнер и Билли Русэн.

— И они хотели, чтобы я обо всем этом знал?

Харальдссон сбился с мысли, засомневался, задумался. Возможно, нет... Его план состоял в том, чтобы рассказать о намерении Госкомиссии посетить Хинде и надеяться, что тот откроет, почему они проявляют к нему интерес. Если, конечно, знает. Тогда Харальдссон смог бы немножко помочь Госкомиссии. Полицейский всегда остается полицейским. Однако сейчас он чувствовал, что пока у него получалось не совсем по плану. Но Государственной комиссии по расследованию убийств знать об этом необязательно.

— В общем-то, не знаю, — ответил он Хинде с серьезным видом. — Я посчитал, что вы имеете право знать, но когда они появятся, вам, пожалуй, необязательно говорить им, что вы уже слышали о том, что они придут. От меня. Вам же известно, каковы бывают полицейские.

Он закончил с широкой улыбкой из серии «мы против них». Улыбкой заговорщика против общего врага. Эдвард улыбнулся в ответ. За последние четырнадцать лет он не улыбался столько, сколько за последние минуты. Но это того стоило. У него возникло ощущение, что начальник учреждения Тумас Харальдссон может однажды оказаться ему полезным.

— Да, я точно знаю, каковы бывают полицейские. Можете не беспокоиться, я ничего не скажу.

— Спасибо.

— Но вы мой должник.

Харальдссон подошел к двери и постучал. Он бросил последний взгляд на мужчину за столом, снова уставившегося на окна. Через несколько секунд дверь открыли снаружи, и Харальдссон покинул безликую комнату для свиданий с сознанием того, что разговор получился совсем не таким, как он ожидал, и ощущением, что Хинде получил больше информации, чем он. Пожалуй, не очень хорошо. Но и никакой катастрофы, уговаривал он себя.

Госкомиссия никогда не узнает о том, что они разговаривали.

Он поедет, купит мороженое и возьмет напрокат фильм.

С Хинде никаких проблем не будет.

* * *

Поначалу Тролле не желал открывать. Себастиан слышал, как тот перемещается по квартире, но ему пришлось звонить больше пяти минут, прежде чем бывший коллега, наконец, отпер дверь и осторожно приоткрыл ее. Из маленькой щелки выглянул внимательный, налитой кровью глаз. В квартире позади лица было темно, что не позволяло различить какие-либо детали. Мимо Тролле на лестницу просочился спертый запах, отдающий старыми отходами.

— В чем дело?

— Ты спал?

— Нет, в чем дело?

— Я хочу с тобой поговорить.

— Я занят.

Тролле попытался демонстративно захлопнуть дверь, но Себастиан успел вовремя втиснуть в щелку носок ботинка. Он сообразил, что впервые препятствует закрытию двери, вставляя туда ногу. В кино он это видел сотни раз, но сам подобного никогда еще не делал. Ну, все когда-то происходит впервые.

— Тебе понравится то, что я собираюсь сказать. — Себастиан сделал маленькую паузу и решил еще подсластить наживку. — У меня есть деньги.

Щелка в дверях немного расширилась, и свет с лестницы осветил лицо мужчины. Он действительно постарел. Ему должно было быть около шестидесяти, но выглядел он лет на десять старше. Подернутые сединой волосы взъерошены, небритый, худой, исторгающий запах смеси табака с алкоголем. Тролле частенько прикладывался к бутылке еще пока работал, а теперь, пятнадцать лет спустя, без работы и семьи, это, похоже, стало его единственным занятием. Одет он был в поношенную белую футболку и длинные трусы. Ноги голые, ногти на ногах желтые, загнутые и слишком длинные. Он не просто постарел. Он опустился.

— Деньги меня не волнуют.

— Может, и так, но иметь немного денег никогда не вредно.

— Сколько там у тебя?

Себастиан вытащил из внутреннего кармана куртки бумажник и достал все, что там имелось. Несколько сотенных и одну двадцатку.

— Я делаю это не ради денег, — донеслось от Тролле, как только он почувствовал в руке купюры.

— Знаю. — Себастиан кивнул.

Если за последние годы Тролле не изменился полностью, то это правда. Ради денег он ничего не делал. Конечно, от дополнительного дохода он никогда не отказывался, даже будучи полицейским, но движущей силой для него являлось не вознаграждение.

Главным для него было поиздеваться над людьми.

Насолить им.

Спланировать, ждать, собирать информацию, направлять ход событий и, под конец, превратить их жизнь в маленький ад.

Истинной движущей силой Тролле было ощущение, что он делает из людей марионеток. Деньги являлись лишь приятным бонусом.

— Можно мне войти? — спросил Себастиан, засовывая бумажник обратно.

— Значит, ты передумал? — Тролле захохотал так, что эхо разнеслось по всей лестнице, но дверь по-прежнему не открыл. Он демонстративно прижал лицо к щели так, что оно заполнило все открытое пространство. — Старый Тролле тебе все-таки понадобился...

Себастиан кивнул и склонился вперед, чтобы продолжать разговор более конфиденциально.

— Да, но я не хочу обсуждать это здесь.

— Ты никогда не был стеснительным. Можешь постоять, где стоишь. — Тролле выдал широкую, чуть ли не вызывающую волчью усмешку.

Себастиан устало посмотрел на ухмыляющегося мужчину. С Тролле всегда было непросто, но годы и алкоголь, похоже, сделали его еще хуже. На какое-то ужасающее мгновение Себастиан увидел в дверях себя. Если бы он продолжал пить. Если бы предпочел успокаивающие наркотики, которые пробовал через год после цунами. Если бы у него не

было Стефана. Если бы он не нашел Ваню. Все вдруг стало намного важнее. Всего четыре «если бы» отделяло его от Тролле Херманссона. Человека, которому нечего терять.

— Я хочу, чтобы ты пошел до конца. Узнал все, что сможешь. Обо всей семье, включая мать. Ее зовут Анна Эрикссон...

— Я знаю, мне известно, кто это, — перебил его Тролле. Он глубоко, чуть хрипловато вздохнул и провел рукой по щетине, словно обдумывая предложение. — Ладно. Но тогда ты должен объяснить мне, зачем?

— Зачем что? — Себастиан подозревал, что ответ ему известен, но надеялся, что ошибается.

— Что такого особенного в семье Эрикссон-Литнер? Почему ты преследуешь их дочь? Она ведь молодовата даже для тебя?

— Ты бы мне не поверил.

— Попробуй.

— Нет.

Увидев решительный взгляд Себастиана, Тролле понял, что это не подлежит обсуждению. Ну ладно, можно надеяться, что он все выведает в процессе. Тролле уже решил, что возьмется за работу, но Себастиан, казалось, испытывал слишком большую неловкость от темы и ситуации в целом, чтобы сразу все выложить.

— Ты мне нравился, Себастиан. Пожалуй, только мне одному. Когда ты позвонил, я согласился только потому, что ты мне нравился. — Тролле пристально посмотрел на Себастиана слегка налитыми кровью глазами, и его взгляд можно было трактовать как уязвлено-просительный. — Друзья не имеют друг от друга тайн.

— Ты согласился не потому, что к тебе обратился я. Ты согласился, поскольку усмотрел шанс причинить кому-то вред. Ты ловишь от этого кайф. Я тебя знаю, Тролле, так что не пытайся. Берешься или нет?

Тролле засмеялся, теперь уже менее наигранно.

— Ты меня не любишь. Ты здесь потому, что у тебя нет никого другого.

— Себя можешь тоже не считать.

Повисла тишина. Мужчины смотрели друг на друга. Затем Тролле протянул Себастиану руку, которую тот, немного поколебавшись, принял. Она была влажной. Холодной. Но рукопожатие получилось крепким. Сильным.

— Хотя я берусь за это не ради денег, даром я не работаю.

— Сколько ты хочешь?

— Тысячонку. Могу сделать тебе маленькую скидку как лузеру.

Тут Тролле поспешно закрыл дверь. Из квартиры послышался его голос:

— Позвони мне через несколько дней.

И все стихло. Себастиан развернулся и медленно пошел по лестнице вниз.

* * *

Аннетт Виллэн обожала такие вечера. Уже около трех она начала готовиться морально. Ритуал всегда бывал одинаков. Сперва долгий горячий душ: она мыла волосы и намыливала тело пахнущим абрикосом мылом для пилинга, купленном в магазине «Боди Шоп». Затем слегка обсыхала в теплой ванной комнате, после чего натирала чуть влажное тело аптечным

лосьоном. Она где-то вычитала, что при использовании лосьона, пока ты еще не до конца высох, влага задерживается в теле и способствует глубокому размягчению. Далее она надевала халат и босиком направлялась в гостиную, совмещенную со спальней. Конечно, Аннетт могла бы переехать в единственную имевшуюся в квартире спальню, но она принадлежала сыну, и хотя он съехал, Аннетт не хотела превращать ее в свою. Эта комната была ее единственной надеждой на то, что сын когда-нибудь вернется.

Будет снова нуждаться в спальне.

Нуждаться в ней.

Если бы она вынесла оттуда вещи сына, это сделало бы его уход слишком наглядным и реальным.

Аннетт открыла шкаф и начала осторожно вынимать оттуда блузки, юбки, платья и брюки. Однажды она достала даже костюм, купленный, чтобы идти на собеседование, на которое так и не пошла. Но он выделялся, точно разодетый и неуверенный гость на праздничном ужине, и после краткой гастрولي всегда оставался в одиночестве висеть на вешалке. Она разложила предметы одежды по кровати, а те, которым не хватило места, разместила на трехместном диване и на журнальном столике. Потом она встала посреди комнаты и принялась впитывать распростертые перед ней различные краски, формы и материалы, ощущая контроль над ними. За пределами квартиры она, возможно, была персоной незначительной, но здесь и сейчас все решала она. Перед ней лежала ее жизнь, жизнь, которую она вскоре начнет жадно перебирать и примерять.

Почувствовав себя готовой, Аннетт вышла в прихожую, сняла зеркало, отнесла его в гостиную-спальню и прислонила к стене. Отступив на несколько шагов назад, она посмотрела на себя — свежeweмытую, в чуть коротковатом розовом халате, который сын подарил ей на сорокалетие. Каждый раз ее потрясало то, как она постарела. Не только волосы стали более жидкими и тусклыми, но и вся она в целом. Аннетт давно уже прекратила стоять перед зеркалом обнаженной. Слишком удручающим стало встречаться с собой, поскольку время столь заметно давало себя знать. Своего тела она не стыдилась. У нее всегда были женственные формы и отсутствовали проблемы с весом. Нет, она была по-прежнему изящна, с красивыми ногами и пышной тугой грудью, но вот кожа с каждым годом становилась более блеклой и менее упругой. Она будто бы постепенно сжималась, как слишком долго пролежавший на солнце персик, независимо от того, сколько бы пилинга, антивозрастных и разглаживающих морщин средств Аннетт ни применяла. Это ее пугало. Особенно потому, что она чувствовала, что время еще только начало над ней работать. Ему оставалось еще многое, и однажды она встанет здесь и не узнает себя. А ведь ей скоро предстоит начать жить.

Всерьез. По-настоящему.

Чтобы освободиться от этих мыслей, она начала примерять одежду. Все предстояло попробовать со всем, проверить каждое сочетание и возможность. Кем бы ей хотелось быть сегодня?

Если ей хотелось выглядеть моложе, она могла стать небрежной девушкой в джинсах и слишком свободном свитере или личностью артистического склада в коротком черном платье с чуть слишком смелыми кружевами. Эту роль Аннетт очень любила. Особенно, когда осмеливалась наносить на губы темную помаду. Она чувствовала, что одетая в черное девушка получилась бы совсем потрясающей, если бы у нее хватило мужества вдобавок к одежде выкрасить в черный цвет волосы. Но на это Аннетт не решалась. А наряд этого вроде

бы требовал. Поэтому он, как всегда, снимался. Заменялся более аккуратной белой блузкой, немного в деловом стиле, и темной юбкой. Эта женщина Аннетт тоже нравилась. Вневременная, именно как ей того хотелось. Однако и она требовала слишком многого. Обилия волос. Лучших форм. Лучшей осанки. Всего получше. Возможно, позже. Скоро. Вещи сменяли друг друга. Черная блузка с белыми брюками, джинсы с чересчур свободным свитером, платье с кофтой. Аннетт обожала встречаться с различными личностями, висевшими и ожидавшими ее в темном платяном шкафу. Женщины подходили к зеркалу. Новые женщины, лучшие женщины, интересные женщины. Только не Аннетт. Всегда кто-нибудь другой. В этом-то и заключалась проблема. Как бы ей ни нравились стоявшие перед ней женщины, она никогда не позволяла им выйти из зеркала. Уверенность и игра постепенно сменялись раздумьями и опасениями. Ее выбор становился трусливее и скромнее. Ритуал занимал полдня, и она всегда шла от излишеств и пестроты по линии умаления как себя самой, так и своей одежды.

Под конец у нее, как всегда, осталось три варианта.

Черная блузка. Белая блузка. Или водолазка.

Неприменно с джинсами.

* * *

Где искать Себастиана, Стефан знал. В их беседах постоянно повторялись два места — перед зданием полиции или квартирой Ваньи, поэтому он решил начать оттуда. Было уже больше восьми часов, следовательно, здание полиции казалось менее надежным вариантом. Позвонив в справочное, Стефан быстро получил адрес Ваньи Литнер — Сандхамнсгатан, 44, — и задал его GPS своей машины. Время начинало поджимать. Встреча группы начиналась в девять, и действовал он вообще-то наперекор собственным принципам. У него все строилось на добровольности. Человек должен сам решать, участвует он или нет. Это важно. Однако Себастиан — случай особый. Знания словно бы мешали ему. Он намеренно выбирал неверное решение. С таким типом пациентов Стефану сталкиваться уже доводилось. Чаще всего ему приходилось просто отпускать их. Но Себастиана он все-таки считал кем-то вроде друга. Какими бы сложными их отношения ни были. В таких случаях приходилось иногда отступать от принципов. Ведь если Стефан отпустит его, кто же тогда попытается поймать Себастиана в свободном падении?

Стефан припарковался немного поодаль от дома 44 и пошел дальше пешком. Он осмотрелся в утопающем в зелени жилом районе. Дома стояли рядами, но не слишком плотными, явно с мыслью о близости к природе. Перед входом в сорок четвертый на специальной стоянке стояло несколько взрослых и детских велосипедов. Стефан остановился, пытаясь вычислить, какое место выбрал бы сам, если бы хотел спокойно наблюдать за находящейся повыше квартирой. Решил, что максимально далекое от дороги и скрытое от посторонних глаз. Позади дома имелся небольшой пригорок, поросший лиственными деревьями. Зеленые кусты служили надежной защитой, и Стефан понял, что явно выбрал правильно, когда из-за самого большого дерева внезапно выглянул Себастиан Бергман с испуганным лицом.

— Какого черта ты здесь делаешь? — буркнул Себастиан.

Стефан с трудом подавил смех, увидев злобно уставившегося на него из листвы мужчину.

Он походил на подростка, которого застали за тем, что он вгихаря покуривает.

— Мне хотелось посмотреть на тебя в твоей новой домашней обстановке.

— Прекрати. Уходи отсюда, пока тебя кто-нибудь не увидел.

Стефан покачал головой и еще больше проявил свое присутствие, демонстративно сделав несколько шагов и встав на открытой полянке перед Себастианом.

— Только если ты последуешь за мной. Твоя групповая терапия начинается через полчаса.

— Ты что, уже не придерживаешься никаких правил? А как же добровольность? — Себастиан посмотрел на него еще более сердито.

— Она не распространяется на мужчин средних лет, которые шпионят из рощи за молодыми женщинами, утверждая, будто они их дочери. Ты идешь?

Себастиан покачал головой. У него внутри все похолодело. Его мир представлялся ему все более хрупким. Он чувствовал себя пристыженным и обнаженным, и больше всего ему хотелось перейти в наступление. Вместе с тем, что-то в стоящем перед ним мужчине на мгновение дало ему возможность посмотреть на себя глазами другого, и как он ни крутил ситуацию, ответ оставался тем же.

Он был у Тролле.

Отправился туда.

Он — конченный человек.

— Стефан, я прошу тебя. Уходи. Оставь меня в покое.

Стефан отступил с открытого места в маленький зеленый мир, где скрывался Себастиан. Взял того за руку.

— Я здесь не для того, чтобы нервировать тебя. Не для того, чтобы тебе стало плохо. Я здесь ради тебя. Если ты действительно хочешь, чтобы я ушел, я уйду. Но в глубине души ты знаешь, что я прав. Тебе необходимо из этого выбраться.

Себастиан взглянул на своего терапевта и спокойно отнял у него руку.

— Я не пойду в группу. Кое-какая гордость у меня еще осталась.

— Осталась? — Стефан устремил на него серьезный взгляд. — Посмотри вокруг, Себастиан. Посмотри, где мы находимся.

Себастиан даже не попытался ответить.

Даже он не мог найти из этого выход.

* * *

— Я говорил на прошлой неделе, что попытаюсь очистить гараж, чтобы туда опять помещалась машина. Выкинуть массу всего. Думаете, я это сделал?

Сидевший напротив Себастиана мужчина, которого остальные звали Стигом, болтал уже больше десяти минут. Тем не менее казалось, что он еще далеко не закончил. Он продолжал разглагольствовать, будто его огромное тело содержало бесконечное количество слов.

— Мне не хватает энергии. Я ничем не могу заниматься. Мытье посуды после еды и вынос мусора — это целые проекты. Вы же знаете, каково это, когда руки опускаются? Ничего не получается. Ничего...

Себастиан кивнул. Не в знак согласия, он через три секунды списал этого жирного мужчину со счетов как неинтересного и перестал слушать, но где-то подспудно думал, что

если будет утвердительно кивать, то, возможно, человек-машина поймет, что добился своего, и нет необходимости дальше приводить примеры, описывая свою полную безынициативность группе. Этому пестрому сборищу индивидов с отклонениями, которые, по мнению Стефана, могли его спасти. Четыре женщины и двое мужчин, не считая Стефана и его самого. Стиг сделал глубокий вдох и уже собрался продолжить свое длинное выступление, но тут вмешался Стефан. Себастиан испытал колоссальную благодарность, хотя по-прежнему страшно злился на него.

— Но ведь у тебя диагностировали легкую депрессию. Ты ходил к врачу за лекарством?

Стиг покачал в ответ головой, и на секунду показалось, что он этим удовольствуется. Но затем он сделал глубокий вдох, который Себастиан за пятнадцать минут уже сумел возненавидеть.

Вдох превращался в звуки.

Звуки в слова.

В слишком большое количество слов.

— Мне вообще-то не хочется есть массу таблеток. Однажды я попробовал и получил вот такую реакцию...

Себастиан отключился от болтовни Стига, широко зевнув. Как они выдерживают? Остальные, молча сидящие вокруг него. Разделяют они его раздражение или просто ждут своего шанса беспрепятственно делать глубокие вдохи, а потом слишком долго рассказывать о своих неинтересных жизнях? Не могут же они всерьез интересоваться банальными проблемами друг друга? Себастиан попытался привлечь внимание Стефана сердито умоляющим взглядом, но тот, казалось, был полностью поглощен тем, что слушал Стига. Спасла его худенькая, едва заметная женщина в белой блузке и джинсах, сидевшая напротив него. Подавшись вперед, она почти шепотом прервала монотонные разглагольствования Стига.

— Но если это поможет тебе начать действовать, наверное, все-таки стоит попробовать лекарство. Ведь в получении помощи таким путем нет ничего постыдного.

Остальные члены группы закивали и согласно забубнили, и Себастиан не мог определить, радуются ли они тому, что место на сцене занял кто-то другой, или соглашаются с тем, что она сказала. Себастиан пристально посмотрел на нее. Возраст неопределенный, но за сорок, худенькая, почти маленькая, с темными, негустыми волосами и едва заметным макияжем. Одета просто, но украшение на шее слишком большое, и она нервно перебирает его пальцами. Перед тем как продолжить, она пыталась встретиться с кем-нибудь взглядом. У Себастиана возникло ощущение, что ей хочется обратить на себя внимание, но она толком не решается занять место. Ее слишком много раз подавляли? Привыкла, что ей затыкают рот? Он ободряюще улыбнулся ей и попытался поймать ее внезапно ставший ускользающим взгляд.

— Мне это знакомо, — сказала она. — Такое чувство, будто вещи просто остаются лежать, будто руки ни на что не способны.

Себастиан продолжал улыбаться ей, внезапно осознав, что этот вечер может дать больше, чем он предполагал.

— Именно, Аннетт, — поддержал ее Стефан. — Если ты зашел в тупик, надо отваживаться пробовать новые пути. Ты ведь действительно так и поступила.

Аннетт согласно кивнула и продолжила говорить. Себастиан видел, как она вырастает от поддержки, как решается занять больше места и изложить текст. Слушая, как она говорит,

он подумал, что они со Стефаном хорошо друг друга знают. В ее словах он узнавал слова Стефана. Она далеко не новичок. Пациентка, так долго проходившая терапию, что начала говорить, как терапевт. Поддержка и фамильярное кивание со стороны Стефана подтверждали его теорию. Маленькая незаметная Аннетт долго ходила к Стефану. Себастиан улыбнулся про себя. Стефан печется о своих пациентах. Он сам испытал на себе эту слабость Стефана несколько часов назад, когда тот забрал его из-под дерева перед домом 44 на Сандхамнsgатан.

Заботится многовато для истинного профессионала.

Многовато для того, чтобы быть по-настоящему полезным.

Маленькая незаметная Аннетт определенно из тех, о ком он печется. Кого любит. Себастиан видел это по их взаимодействию. Вот она, ахиллесова пята Стефана.

Себастиан снова улыбнулся темноволосой женщине. Замечательно. Все встало на свои места, и он вдруг понял, как покажет Стефану, что Себастиана Бергмана нельзя безнаказанно подвергать групповой терапии.

Когда группа просидела кружком семьдесят пять минут, наконец настало время обязательного кофе перед расставанием. Подводя итоги вечера несколькими точно выбранными клише о благотворной силе присутствия и социального участия, Стефан пытался взглядом дать Себастиану понять, что тот не внес своей лепты ни по одному из пунктов. Себастиан зевнул в ответ. Когда они встали, он быстро переместился поближе к кофейному столу и женщине. Стефан завяз в дискуссии со Стигом и мужчиной помоложе, который на протяжении всего вечера упорно называл алкоголь «пойлом», а свою жену — «бабой» или «начальством». Сочтя их подходящей компанией для Стефана, Себастиан посмотрел в сторону Аннетт, которая миновала кофейный стол, ничего не взяв, и, похоже, собралась уходить. Себастиан устремился за ней.

Аннетт двинулась к выходу, сомневаясь, стоит ли ей оставаться на кофе. Обычно она оставалась, считала это прекрасным завершением таких вечеров. Она посещала их дольше всех остальных. Была важна. Стефан однажды назвал ее настоящим профессионалом групповой терапии, и хотя слова эти были сказаны в шутку, она носила их в душе несколько недель.

Она.

Профессионал.

Такого ей больше нигде не говорили. Здесь ее место, она знала. Сидя в кружке, она осмеливалась выступать, показываться, проявлять себя, а потом, за кофе, ей очень нравилось ловить комментарии других участников и давать положительную оценку их вкладам во время вечера. Но сегодня все было по-другому. Из-за нового мужчины, оказавшегося напротив нее. Его взгляды влияли на нее. Сперва он ее испугал. Потом ей стало любопытно. Он словно бы смотрел сквозь нее, описать это иначе она не могла. Когда она заговорила, он слушал, наблюдая за ней. Не пренебрежительно, а, скорее, эротично, будто раздевая ее, правда, не сексуально, а интеллектуально. Она не могла подобрать слов для своего ощущения. Прежде она его никогда не испытывала.

Он смотрел на нее. По-настоящему.

Это возбуждало и одновременно пугало, и когда Стефан завершил вечер, Аннетт решила сразу идти домой. Впрочем, она заметила, что идет к выходу не столь быстрым шагом, как следовало бы. Одной ее части хотелось испытать это еще раз и снова встретиться с ним

взглядом. Другая же часть хотела просто бежать. Уголком глаза она видела, что мужчина движется к ней. Уверенно. Целенаправленно. Она поняла, что он хочет пообщаться с ней. Необходимо подготовиться. Она пожалеет, если все-таки не попытается сказать несколько слов. За весь вечер он не произнес ни слова. А сейчас заговорил.

— Послушай, неужели ты не выпьешь чашечку кофе?

Его голос ей понравился.

— Я не знаю... я... — Аннетт поспешно думала. Проявить безразличие ей не хотелось, но неуверенность и нерешительность тоже. Она хотела остаться на кофе, теперь хотела, но как это сказать? Он ведь остановил ее почти в дверях.

— Давай, на одну чашку и миндальную корзиночку из пакетика у тебя времени, наверное, хватит?

Он спас ее. Понял, что она уходит. Уговаривает ее остаться. Отказаться было бы прямо-таки невежливо. Она благодарно улыбнулась ему.

— Да, пожалуй.

Они бок о бок вернулись обратно к кофейному столу.

— Меня зовут Себастиан Бергман, — сказал мужчина рядом с ней, протягивая ей руку, и она пожала ее, как ей показалось неуклюже, но его рука была теплой, а улыбка, если возможно, еще теплее.

— Аннетт Виллэн. Приятно познакомиться.

Казалось, вся ее неуклюжесть исчезла, когда он немного задержал ее руку. Он смотрел на нее, и она чувствовала, что ее не просто видят. Больше того. Он видит в ней того человека, каким ей хотелось быть.

— Ты сегодня не очень много говорил, — произнесла она, пока он наливал ей из термоса кофе.

— Разве я вообще что-то сказал? — отозвался он, продолжая улыбаться.

Аннетт покачала головой.

— Думаю, нет.

— Я больше слушатель.

— Это необычно. Приходить сюда, чтобы слушать. Большинство стремится рассказывать.

Аннетт сделала несколько шагов в сторону от кофейного стола. Сейчас ей не хотелось, чтобы ей мешали. Себастиан последовал за ней, решив продемонстрировать интерес.

— Как давно ты в этой группе?

Аннетт задумалась, стоит ли говорить правду. Что она уже не помнит. Нет, это прозвучало бы патетически. Слабо. У него создалось бы о ней ложное впечатление. Он вынесет о ней поспешное суждение. Она решила солгать. По крайней мере, о времени.

— Приблизительно полгода. Я развелась, осталась без работы, и еще сын встретил свою любовь и переехал в Канаду. Я очутилась в некоем... вакууме.

Слишком много, слишком рано. Он не спросил, почему она здесь, только как давно. Аннетт пожала плечами, словно желая преуменьшить свои проблемы.

— Мне требовалось говорить об этом. Но я постепенно сокращаю количество посещений, — поспешно добавила она. — Надо ведь идти дальше. Правда? — Она улыбнулась ему.

Себастиан на секунду посмотрел в сторону Стефана, который по-прежнему был поглощен дискуссией с теми двумя мужчинами. Он задержал на них взгляд, и у Аннет вдруг

возникло ощущение, что ему уже наскучило, что он ищет повод извиниться, чтобы пойти дальше, и что их общение скоро закончится. Она задыхалась тяжелее. Ее охватила легкая паника, исходившая от глубочайшего страха, — что бы она ни делала, как бы ни старалась, она обречена на вечное одиночество.

Но тут он снова обернулся к ней, обаятельная улыбка вернулась.

— А ты сам почему здесь? — продолжила Аннетт тоном, который представлялся ей очень естественным и непринужденным.

— Стефан думал, что мне это может что-нибудь дать.

— Почему он так думал? Что с тобой произошло?

Прежде чем ответить, Себастиан огляделся.

— Я полагаю, мы еще не дошли до этого. В наших отношениях.

— Нет?

— Нет, но, возможно, дойдем.

Прямота его ответа поразила ее. Поразила и обрадовала.

— Ты имеешь в виду здесь, в группе?

— Нет, я имел в виду где-нибудь в другом месте, где будем только ты и я.

Его самоуверенность ее восхитила. Она почувствовала, что не в силах сдержать улыбки, но отважно посмотрела ему в глаза.

— Ты со мной заигрываешь?

— Немного. Ты против?

— Большинство приходит сюда не для того, чтобы с кем-то познакомиться.

— Отлично, значит, конкуренция меньше, — ответил он, делая маленький, но очевидный шаг ближе к ней. Она ощутила запах его лосьона после бритья. Он понизил голос. — Но я могу уйти отсюда, если ты считаешь, что я перехожу границу приличия.

Аннетт воспользовалась шансом. Дотронулась до его плеча и сообразила, как давно в последний раз касалась другого человека.

— Нет, не надо. Только знай, что я тоже хороший слушатель.

— Я в этом не сомневаюсь. Но я не хочу говорить.

В этот раз она тоже не отвела взгляда. Его мужество передавалось ей.

Себастиан кивнул Стефану, когда они с Аннетт уходили.

Получилось слишком легко.

Но сойдет.

Они взяли такси и уже через несколько минут начали целоваться. Поцелуи Аннет были осторожными. Она не давала ему прикоснуться к ее языку. Чувствовала себя неловкой и неуверенной. Она знала, что он это заметил. Знала, что плохо целуется. Но ей хотелось и вместе с тем не хотелось. Где-то в глубине души она не осмеливалась до конца поверить в то, что ласкающий ей шею мужчина действительно хочет ее. Возможно, он прервет поцелуй и посмотрит на нее. Не тепло и со страстью, а презрительно и холодно. Снова улыбнется ей, но на этот раз зло. Спросит, что она, по ее мнению, может ему дать, и сам ответит очевидное: «Ничего». Если она не отдастся ему полностью, то сможет убедить себя в том, что для нее это тоже не было важным. Тогда не будет так больно, когда он ее оставит. Раньше это срабатывало.

Себастиан почувствовал, как Аннетт застыла, когда его рука скользнула по ее телу. Но она не оттолкнула ее. «Сексуальная невротичка», — подумал Себастиан и немного

поразмьшлял над тем, не лучше ли ему выпрыгнуть из машины и откланяться. Однако в Аннетт имелось что-то притягательное. Ее уязвимость зажигала его, заставляя забыть свою собственную, и подпитывала его это. В конечном счете ему наплевать, если она не может расслабиться и получать удовольствие. Он здесь не ради нее. Она — развлечение.

Сносное завершение хренового дня.

Часть плана мести.

Он снова поцеловал ее.

Ее квартира находилась в районе Лилехольмен, в пяти минутах от нового торгового центра, с видом на шоссе Эссингеледен. Только дома она, казалось, смогла немного расслабиться. По всей гостиной валялась одежда. Аннетт, извинившись, поспешно очистила кровать от вещей и выбежала из комнаты с охапкой одежды в руках.

— Не надо ради меня устраивать уборку, — сказал Себастиан, усаживаясь на кровать и снимая обувь.

— Я не знала, что ко мне кто-то зайдет, — донесся ее голос.

Себастиан стал осматриваться. Обычная гостиная, но с деталями, кое-что рассказывающими о хозяйке. Во-первых, у стены под окном довольно большая односпальная кровать. Войдя в квартиру, он заметил, что здесь есть еще одна комната. Почему она не спит там? Она сказала, что живет одна. Над щелью для почты на входной двери только одна фамилия.

Во-вторых, собрание мягких игрушек на стеллаже. Животные всех цветов и размеров. Мишки, тигры, дельфины, кошки. Мягкие животные и небольшой перебор подушек, пледов и одеял. Вся комната сигнализировала о стремлении к надежности, желании иметь защищающий, мягкий и уютный кокон, куда не может проникнуть холодная и суровая действительность. Себастиан посмотрелся в прислоненное к стене зеркало. Она только что пригласила к себе эту холодную, суровую действительность. Только еще об этом не знает.

Себастиана стало потихоньку интересовать, что же в ее жизни явилось причиной неуверенности в себе и преувеличенного стремления к надежности? Травма, неудачная связь, неправильный жизненный выбор или кое-что похуже — насилие, извращения в отношениях с родителями? Он не знал, и у него не было сил на то, чтобы узнавать. Ему хотелось секса и несколько часов сна.

— Можно я вынесу зеркало? — спросил он, поднимая его.

Его почти пугало что-то в том, чтобы смотреть на себя, лежащего с ней в этой комнате. Страсть к сексуальным экспериментам исчезла, и он осознал, что предпочел бы, чтобы они залезли вдвоем под одеяло и перед продолжением погасили свет.

— Вынеси его в прихожую, — сказала она, как он думал, из ванной комнаты. — Я обычно вношу его, когда примеряю одежду.

Себастиан вынес зеркало в прихожую и быстро нашел гвоздь, на котором оно обычно висело.

— Ты любишь одежду?

Услышав ее голос, Себастиан обернулся. Другой голос. Она надела черное сексуальное кружевное платье и подкрасила губы темной помадой. И выглядела другой женщиной. Такой, на которую обращают внимание.

— Я обожаю одежду, — продолжила она.

Себастиан кивнул.

— Ты в этом очень красивая. Действительно красивая. — Он говорил искренне.

— Ты так считаешь? Это мое любимое платье.

Она подошла и поцеловала его. Подключив язык. Себастиан ответил на поцелуй, но теперь роль ведущего играла она. Он не мешал ей. Она самовыражалась. Он попытался снять с нее платье, чтобы соприкоснуться с ней телом. Ей же хотелось остаться в платье. У него возникло ощущение, что для нее это важно.

Заняться любовью в платье.

* * *

Урсула заканчивала по третьему кругу читать предварительный отчет о вскрытии Катарины Гранквист, когда по дверному косяку постучали, и в Комнату засунулась идеально причесанная голова Роберта Абрахамссона, того из начальников отдела наружного наблюдения, которого она переносила хуже всего.

— Теперь вам, черт подери, придется всерьез заняться вашим дерьмом.

Урсула, оторвавшись от чтения, посмотрела на него вопросительно.

— Журналисты уже начали звонить даже мне, — продолжил Абрахамссон. — Говорят, что вы тут просто не берете трубку.

Урсула сердито смотрела на слишком загорелого мужчину в немного узковатом пиджаке. Она ненавидела, когда ее отвлекают. Особенно этот тщеславный Роберт Абрахамссон. Даже если это оправдано. Поэтому она ответила максимально кратко.

— Обсуди это с Торкелем. Прессой занимается он. Тебе это известно.

— А где он?

— Не знаю. Поищи.

Урсула вернулась к отчету в надежде, что достаточно четко дала Роберту понять, что ему надо уйти. Однако тот в ответ сделал несколько решительных шагов в ее сторону.

— Урсула, ты наверняка очень занята, но когда они начинают звонить *мне* по поводу *вашего* дела, это может означать две вещи: либо вы недостаточно общаетесь с ними, либо они нашли какой-то угол зрения, на который хотят нажать. В данном случае, вероятно, и то и другое.

Урсула устало вздохнула. Она отличалась в команде тем, что всегда игнорировала то, что пишут газеты; любую информацию, которая могла повлиять на ее способность рационально истолковывать доказательства, она стремилась сводить к минимуму. Тем не менее она понимала, что это не очень хорошо. Госкомиссии хотелось как можно дольше избежать объединения трех убийств женщин в горячую новость под заголовками типа: «Серийный убийца в Стокгольме». Сдерживание возможностей журналистов к спекуляциям было одним из основополагающих моментов стратегии Торкеля. Когда пресса вмешивается в игру и начинает гоняться за сенсациями, может произойти все что угодно. Особенно внутри организации. Тогда это вдруг становится политикой, а политика может роковым образом сказываться на расследовании. Тогда требуется действовать «мощно» и «показывать результаты», что в худшем случае приводит к тому, что меньше думают о количестве доказательств, а больше о том, чтобы оправдать доверие.

— Кто звонил? — спросила она. — Дай мне их номера, и я прослежу за тем, чтобы Торкель с ними связался.

— Звонил только один. Пока. Аксель Вебер из «Экспрессен».

Услышав имя, Урсула откинулась на спинку стула с преувеличенно радостной улыбкой.

— Вебер! Но ведь есть и третья причина, по которой он позвонил именно тебе, не правда ли?

Лицо Роберта сильно покраснело. Он погрозил Урсуле указательным пальцем в точности, как учитель в каком-нибудь фильме пятидесятых годов.

— Это было недоразумение, ты же знаешь. Начальника управления удовлетворили мои объяснения.

— В таком случае они удовлетворили его одного. — Урсула вновь наклонилась вперед, став внезапно серьезной. — Ты сдал Веберу информацию. При расследовании убийства.

Роберт посмотрел ей в глаза с упорством во взгляде. Уступать он не собирался.

— Можешь думать, что угодно. Мы работаем в двадцать первом веке, необходимо учиться сотрудничать с прессой. Особенно в сложных случаях.

— Особенно если твою фотографию печатают на седьмой странице и ты за хлопоты предстаешь неким героем.

Урсула замолчала, почувствовав, что скатывается к мелочности, к дешевке, но сдержаться не смогла.

— Я узнаю твой пиджак, но тогда ты, вероятно, был более худым. Тебе надо думать, чем набиваешь живот, ты же знаешь, что камера добавляет пять килограммов.

Роберт расстегнул пиджак, и она увидела, как у него почернели от злости глаза, и что он, похоже, готовится к ответной атаке, но он, все-таки сумев подавить сильнейшее возмущение, направился к двери.

— Я просто подумал, что вам следует знать.

— Мило с твоей стороны, Роберт, — не унималась Урсула. — Если Вебер напишет что-нибудь необычайно осведомленное об этом деле, мы будем знать, откуда у него информация.

— Я ничего не знаю о вашем деле.

— Ты здесь. Ты видел нашу доску.

Роберт в ярости развернулся и ушел. Урсула слышала, как он сердито протопал по коридору и скрылся в конце за стеклянной дверью. Для начала Урсула подошла к двери и выглянула, чтобы убедиться, что он действительно ушел, а затем прошлась по практически пустому офису. Возможно, ничего страшного не произошло, но ей хотелось дать Торкелю возможность действовать быстро. Его кабинет оказался пуст. Куртки на месте нет, компьютер выключен. Который же теперь час? Она достала мобильный телефон: 23:25. Надо звонить Торкелю. Но она чувствовала внутреннее сопротивление. Идиотство, патетика, глупость.

Но звонить действительно не хотелось.

Ежедневно сталкиваться с ним в офисе — одно дело, работать бок о бок — вполне нормально. Но звонить ему поздно вечером... Нелогично, но она знала, почему. Она ненавидела себя за то, что вообще позволила себе размышлять на эту тему.

Те разы, когда она звонила ему по вечерам, дело в принципе никогда не касалось работы. Если речь не шла о новом убийстве или о техническом прорыве в ведущемся расследовании. А тут ни то и ни другое. Ситуацию с Вебером можно обсудить с Торкелем и завтра. По вечерам она звонила ему только, когда хотела позвать его к себе в гостиничный номер. Или пойти к нему. Она звонила, когда нуждалась в нем. Поэтому-то она и колебалась. Нужен ли он ей? В последнее время она начала задаваться этим вопросом. Вынуть ноги из

их тайной связи оказалось легче, чем она предполагала, и поначалу это действительно казалось освобождением. Упрощением. Она сконцентрировалась на Микаэле и отсекала другую часть своей жизни. Торкель был профессионалом, поэтому на рабочих отношениях это никак не сказалось. Они все равно хорошо работали вместе. Поначалу ей казалось, что она ощущает взгляды Торкеля, но поскольку она оставляла их без внимания, они стали возникать все реже. Это укрепило ее в решении, что она поступила правильно.

Но она думала о нем.

Больше и больше.

Урсула вернулась в Комнату, собрала отчет о вскрытии вместе со своими вещами и спустилась на лифте в гараж. У нее пропало желание работать сверхурочно. Ей требовалось решить проблему с Вебером, переправить ее Торкелю, чтобы это стало его головной болью, а не ее. У них существовал четкий принцип общения с прессой. Высказывается один человек. Всегда Торкель. В других отделах за связь с прессой отвечали специальные сотрудники, но Торкель отказался от этого. Он хотел иметь полный контроль.

В гараже автоматически зажглись световые трубки, когда она открыла тяжелую металлическую дверь и двинулась к стоявшей чуть подальше машине. Машина стояла в принципе в полном одиночестве.

Посреди ночи, посреди лета.

Урсула открыла машину, села, вставила ключ в замок зажигания и повернула. Машина сразу завелась.

Звонить Торкелю вечером не хотелось. Это слишком напоминало о прошлом. О гостиницах в других городах. Он это неверно истолкует. Подумает, что она звонит по другому поводу. Она заглушила мотор. Посидела неподвижно, погружившись в мысли. Хотя имеет ли это какое-нибудь значение? Ну и пусть он так подумает. Пусть думает, что хочет. Речь ведь идет о деле, связанном с работой, она расскажет о Вебере. И больше ничего. Она решила лучше послать смс. Достала мобильный телефон и быстро написала:

«Нас разыскивает Вебер из „Экспрессен“. Явно звонил мн. раз, по словам Р.А. из наружки». Урсула отправила и положила трубку на соседнее сиденье, но не двинулась с места. Она думала о том, что Микаэль сказал ей пару дней назад:

«Всегда на твоих условиях, Урсула. Всегда».

Это было и справедливо, и нет. Она действительно старалась измениться. Даже порвала с любовником.

Изначально, правда, не ради Микаэля, а потому что разозлилась и почувствовала себя преданной. Но потом получилось, что ради него. Поскольку он этого заслуживал. Или это соответствовало действительности? Она откинулась на спинку сиденья, устремив пустой взгляд в унылый гараж. Через несколько минут световые трубки погасли. В целях экономии энергии они работали от датчиков движения. Урсула сидела в почти полностью темном гараже, который лишь чуть-чуть освещался зелеными табличками аварийных выходов по углам и дисплеем лежащего рядом с ней телефона. В темноте дисплей слабо светился внутри машины блекло-голубым светом. Постепенно он погас, и стало совсем темно. Слова Микаэля не выходили у нее из головы.

На твоих условиях.

Всегда на твоих условиях.

Но она ведь действительно старалась достичь единения с мужем. Точки, где условия

исходят от обоих. Поездки на выходные. Ужины. Ванны с пеной. Но, по правде говоря, то, что на поверхности было приятным, романтическим и расслабляющим, на самом деле оказывалось для нее слишком мелким. Это столь разительно проявилось во время последней поездки в Париж. Они ходили, взявшись за руки, и разговаривали. Совершали долгие прогулки по романтическим бульварам, бродили вокруг восхищающей туристов базилики Сакре-Кёр, искали романтические заведения со слишком старым путеводителем по ресторанам в руках.

Все, что следует делать в Париже.

Все, что следует делать, если вы пара.

Но к ней это отношения не имело.

Она чувствовала себя в мягком мире угловатой. Формой, которая не совсем вписывалась в то, что называется отношениями. Ей требовалось расстояние. Требовался контроль. Иногда близость. Но лишь иногда. Когда ей хотелось. Но тогда уж она нуждалась в ней. Основательно. Именно это он и имел в виду. Микаэль, так хорошо ее знавший.

Ее прервал снова зажегшийся в гараже свет, и она увидела, как в гараж вошел Роберт Абрахамссон с портфелем в руке. Ее раздражало даже то, как он идет. Намеренно ловко. Будто демонстрирует летнюю коллекцию, а не направляется к своей машине около полуночи в грязном парковочном гараже. Он уселся в черный «Сааб» чуть поодаль и уехал. Урсула подождала, пока он скроется из вида, а затем завела машину, включила режим движения и поехала.

Надо добраться до дома, пока не будет слишком поздно.

* * *

Торкель немного поразмышлял над тем, что ему делать с полученным от Урсулы смс. Аксель Вебер — толковый журналист, и если он подключился, то обязательно увидит связь между убийствами, это лишь вопрос времени. Возможно, он уже ее увидел. Торкель сел за компьютер и проверил, нет ли чего-нибудь на домашней странице «Экспрессен», но главной новостью там по-прежнему оставалась жара. Только прокрутив четыре статьи, он смог прочесть о последнем убийстве.

Значит, пока ничего. Но Вебер разыскивал его. Торкель достал мобильный телефон. Было бы менее удивительным, если бы он перезвонил в рабочее время, но уж лучше узнать, до чего додумался Вебер, прежде чем это попадет в печать. Номер журналиста был у него в телефонной книжке. Ответил он сразу.

— Вебер.

— Здравствуй, это Торкель Хёглунд из Госкомиссии по расследованию убийств. Ты меня искал.

— Да, как хорошо, что ты позвонил. Я только что вернулся из несколько преждевременного отпуска и... увидел, что убили трех женщин.

Никакой непринужденной болтовни. Прямо к делу. Торкель молчал. Отпуск. Это объясняет, почему Вебер не связал убийства раньше.

— В течение одного месяца, — не услышав ответа, продолжил Вебер.

— М-да...

— Я имею в виду в Стокгольмском регионе. Когда я немного разузнал, то показалось,

что преступник один и тот же, а раз подключилась Госкомиссия, то... Ну, меня интересует только, можешь ли ты что-нибудь об этом сказать?

Торкель поспешно соображал. У него есть два варианта. Подтвердить или не комментировать. Торкель старался откровенно не лгать прессе, если только этого не требовало расследование. А сейчас не требовало. На самом деле он уже подумывал о пресс-конференции. Выдать ограниченное количество информации, чтобы попытаться получить немного идей. Какие-нибудь новые ключи к разгадке. Однако ему хотелось получше подготовиться, продумать, какие сведения стоит выдавать. Он отнюдь не хотел говорить слишком много. Поэтому сказал:

— Я не могу это комментировать.

— Ты не хочешь подтверждать, что речь идет о серийном убийце?

— Да.

— Хочешь опровергнуть?

— Без комментариев.

Торкель знал и Вебер тоже, что не опровергать и не комментировать равносильно тому, что подтвердить, но никто никогда не сможет сказать, что Торкель выдал прессе информацию. Да ему этого и не требовалось делать. Существовало много других полицейских, которые с удовольствием выдавали сведения. Не в его команде, но в их здании. Настолько много, что это стало проблемой при конфронтации свидетелей и допросах.

Слишком многие знали чересчур много на слишком ранней стадии.

— Я собираюсь завтра утром созвать пресс-конференцию.

— Зачем?

— Узнаешь, если придешь.

— Приду. И пойду дальше с теми сведениями, которые у меня имеются.

— Я знаю.

— Спасибо за то, что позвонил.

Торкель положил трубку. Пресс-конференция. Завтра. Все равно. Имея на хвосте Вебера, им необходимо выступить с этой новостью, чтобы сохранить хоть какую-то форму контроля над информационным потоком. Это всегда эквилибристика. Если слишком долго не рассказывать о том, что им известно, это может вызвать отрицательную реакцию и привести к неприятным дебатам о безопасности общественности и о том, почему полиция хранила молчание, если знала, что речь идет о серийном убийце. К тому же они нуждаются в наводках. Конечно, он предпочел бы, чтобы, прежде чем дело станет достоянием общественности, у них имелось больше версий для разработки, возможно, даже было бы определено несколько подозреваемых, тогда огласка могла бы продвинуть расследование вперед, а не просто сделать его масштабнее. Но сейчас дело обстояло не так. У них ничего нет. Они ничего не достигли. В лучшем случае огласка может привести к чему-то хорошему. В одном Торкель не сомневался — в тот день, когда начнут появляться рубрики с горячей новостью, один человек прочтет все статьи, все заметки, проследит за каждым дебатами: сам серийный убийца. Их имитатор. Это может спровоцировать его. Придать ему немного высокомерия. Заставить его совершить ошибку.

Пустые мечты.

Торкель закрыл веб-браузер и потянулся. День выдался тяжелым.

Слишком много вопросов, слишком мало ответов.

Его мысли устремились прочь. К дочерям, к летнему дому, с которым непонятно, что

делать, поскольку обе девочки уже скоро не захотят туда ездить. Прежде всего Элин, которая протестует против поездок в последние недели летних каникул. А скоро и Вильма, наверное, займет ту же позицию. Она ведь теперь тинейджер. Торкель всегда боялся этого момента. Мгновения, когда они начнут становиться взрослыми. По-настоящему. Когда им захочется проводить время с друзьями и жить собственной жизнью, вдали от старого отца в чересчур маленьком летнем домике в Эстергётланде^[16]. Это совершенно естественно. Воспитание как раз направлено на то, чтобы сделать их самостоятельными личностями. Он знал, что с воспитанием у него все получилось. Но от этого было не легче.

Правда, дело было не только в этом. Никто не хотел ехать с ним в летний домик. Да и вообще куда-нибудь. У Ивонн есть Кристофер. Не то чтобы он рассматривал ее как возможную компанию для поездки на две недели в Эстергётланд, но это заставляло его еще отчетливее сознавать, что он одинок. Совсем один.

Торкель с трудом встал из-за письменного стола и прошелся по квартире. Увиденное ему не понравилось. Беспорядок выходил за рамки обычного, и он решил взяться за уборку. Невзирая на поздний час. В основном, чтобы отвлечься от мыслей, но и потому, что ему стало стыдно. В сущности, он был человеком очень аккуратным, но жуткие убийства отнимали у него все время. Ничего необычного в этом не было. Если работа поглощала его полностью, это сразу становилось заметно. Когда к нему на стол попадали действительно сложные дела, его дом быстро приходил в запустение. Так бывало всегда. По крайней мере, после разводов. Когда он начал работать в Госкомиссии по расследованию убийств, стало лучше по той простой причине, что они работали там, где требовались, по всей Швеции. Сама идея их группы заключалась в том, что Государственное полицейское управление хотело иметь специальное подразделение для помощи в расследовании сложных убийств, на которое у местной полиции не хватало ресурсов. Это означало, что Торкель часто уезжал из Стокгольма и в особо напряженные периоды жил в гостиницах, и поэтому его квартира не приходила в полный упадок. Однако на этот раз дело обстояло иначе. Сейчас безумие происходило в Стокгольме. Причем жуткое. О том, чтобы думать о порядке в квартире, не могло быть и речи. А теперь он стоял перед выбором: заняться уборкой или попытаться поспать.

Он решил начать с кухни. В мойке и рядом с ней с прошлой недели стояли остатки от его ужина с дочерьми, на кухонном столе валялись газеты за несколько дней и письма. Он быстро взялся за дело и через полчаса уже был вполне доволен кухней. Затем пошел и начал наводить порядок в гостиной. Очистил журнальный столик и кресла и как раз собирался просмотреть собранную почту, когда в дверь позвонили. Торкель взглянул на часы. Поздно, поэтому, прежде чем открыть, он посмотрел в глазок.

Там стояла она.

Он с удивлением открыл дверь. Впуская ее, выдавил из себя приветствие. Она вошла в прихожую. Первое, о чем он подумал, это какое счастье, что он успел убрать самое страшное. Вероятно, она не обратила бы внимания, но тем не менее. Так приятнее. Посмотрев на него, она прошла прямо в гостиную.

— Ты получил мое сообщение?

— Да.

— Тебя искал Вебер.

— Знаю. Я ему звонил.

— Хорошо.

Торкель стоял в дверях и смотрел на нее. Почему ее так интересует, как он поступил с Вебером? Она проинформировала его, и теперь это его забота. Но он был рад ее приходу и готов на все, лишь бы удержать ее.

— Завтра я созываю пресс-конференцию. Вебер свел воедино.

— С Хинде?

— Нет, друг с другом.

— О'кей...

Она кивнула и вышла обратно в прихожую.

— Я хотела только убедиться, что ты получил сообщение. Поеду домой.

Как она красива.

— Ты могла бы позвонить.

— У меня разрядился телефон.

Ложь. Она видела, что он знает.

— Мне надо домой.

Он думал о том, что ему сказать, чтобы она осталась.

Она думала о том, что ей надо сказать, чтобы остаться.

Они стояли напротив друг друга.

Молча.

Молчание нарушил он. Постарался выразиться как можно лучше, но его первые слова, как всегда, получились банальнее, чем он предполагал.

— Урсула, как ты себя на самом деле чувствуешь?

Она посмотрела на него. Села на стоявший возле двери белый стул, который больше почти не использовался. Она высказалась прямее:

— Как нам поступить?

— Что ты имеешь в виду?

— С тобой и мной.

— Не знаю.

Он проклинал себя за то, что не может высказать то, что чувствует. Решил, что следующий ответ будет откровеннее. Полностью откровенным. Она смотрела на него, но истолковать ее взгляд он не мог.

— Может, мне поменять отдел?

Его откровенность не поспела за неожиданным предложением, а сменилась захлестнувшим его беспокойством.

— Подожди, о чем ты говоришь? Зачем?

Все пошло не так, как он надеялся. Ему, по крайней мере, удалось совладать со своим телом и потянуться за ее рукой. Возможно, он не умеет сказать того, что хочет, но его руки, возможно, покажут ей.

— Я несколько недель назад была в Париже.

— Знаю, с Микке.

— Вышло странно. Мы прилагали все усилия к тому, чтобы уик-энд получился романтическим. Но чем больше мы старались, тем больше меня тянуло домой.

— Но это не в твоём духе. Ты не такая.

— А какая я?

Ее растерянность казалась искренней. Торкель улыбнулся ей. Нежно погладил руку, разгорячившуюся в его руке.

— Ты более... сложная. Всегда не полностью удовлетворенная, всегда неутомленная. Ты Урсула.

— И все на моих условиях?

Уходить от откровенности не стоило.

— Да. Так всегда и было.

— Но для тебя это не проблема?

— Да. Я не думаю, что могу тебя изменить. И даже не думаю, что хочу.

Она посмотрела на него и встала.

Но не за тем, чтобы уйти.

А чтобы остаться.

Потом, приехав в три часа домой, она прокралась в комнату Бэллы. Бэлла иногда ночевала там, когда приезжала домой из Уппсалы, и ей требовалось где-то остановиться. Урсула почти надеялась, что дочка преподнесла им сюрприз, внезапно приехав без предупреждения, но комната оказалась пуста. В последний раз дочь была дома несколько недель назад. Она ночевала здесь со своим парнем Андреасом несколько дней в начале июня по пути в Норвегию, где они собирались поработать летом в ресторане, чтобы заработать денег к началу семестра. Урсула переместила кучу одежды Бэллы, села на стул возле письменного стола и посмотрела на пустую, аккуратно застеленную кровать. На полке под ночным столиком по-прежнему лежала футболка, в которой Бэлла любила спать, — черная футболка Green Day, которую она выпросила, когда в пятнадцатилетнем возрасте шла на концерт. Урсула отвозила ее туда. В машине у них состоялся большой спор по поводу покупки футболки. Урсула утверждала, что та слишком дорогая, а Бэлла с не меньшим упорством заявляла, что футболка ей совершенно необходима, чтобы не сказать жизненно важна.

Дочка у нее способная. Это проявляется в университете, на работе, в игре в волейбол, во всем. Она напоминала Урсуле ее саму. Высшие баллы в школе, вечно с книгой в руках, будто знания — единственное, что требуется для понимания жизни. Урсула почувствовала, что ей надо обязательно постараться сблизиться с Бэллой, они так похожи, с одинаковыми сильными и слабыми сторонами. Она могла бы кое-чему научить дочь. Тому, что знаний не всегда достаточно. Существуют вещи, которые нельзя вычитать, узнать из дискуссий или вывести логически. Одна из них — сближение с другими людьми. Это самое трудное. Без него ты предпочитаешь дистанцию. Место чуть поодаль от центра жизни, так хорошо знакомое Урсуле. Впрочем, возможно, ей уже поздно приближаться. Той же дистанции, в которой нуждалась Урсула, требовала и Бэлла. Урсула поняла это в последние годы, когда дочь жила дома. Урсула взяла аккуратно сложенную футболку и понюхала. Свежевыстиранная, но Урсуле все-таки показалось, что где-то она угадывает запах дочери. Ей пришли в голову слова, которые следовало говорить при каждом удобном случае, но которые она никогда не произносила:

«Знай, что я люблю тебя, только я не очень умею это показывать. Но я люблю тебя». Понюхав в последний раз, она положила футболку на место и пошла в ванную.

Она вымылась еще раз, хотя уже принимала душ у Торкеля, но это казалось естественным, и почистила зубы. Затем осторожно проскользнула в постель рядом с Микаэлем. Легла на бок и стала рассматривать его пышные волосы и затылок, поскольку муж лежал, повернувшись в другую сторону. Казалось, он крепко спит. Она расслабилась,

чувствуя себя не полностью исцеленной, но вполне удовлетворительно. Она знала, что все время берет от окружающих людей лишь кусочки.

Только кусочки, не целое.

И отдает только кусочки. На другое она не способна. Прямо как с футболкой в комнате Бэллы.

Она любит свою дочь, но сказала об этом ее футболке.

* * *

Ему приснилась Сабина. Он держал ее за руку. Как всегда.

Бушующая вода. Сила. Звук. Он отпустил. Потерял ее. Ее унесло волной.

Как всегда.

Он лишился ее.

Навсегда.

Себастиан резко проснулся. Как обычно, не понимая, где находится. Тут он увидел Аннетт. По-прежнему в черном платье. Темная губная помада размазалась, оставив следы на подушке. Она красива. Вчера он этого не заметил. Как цветок, раскрывающийся только ночью, когда никто не видит. «Вот если бы она могла быть хоть наполовину такой, когда выходит за дверь и общается с миром», — пронеслось в голове у Себастиана. Он отогнал эту мысль. Разбираться в ее проблемах или помогать ей не его дело. Ему хватает самого себя. Он осторожно выбрался из постели. Почувствовал, что он едва разгибается, кровать была слишком узкой и слишком мягкой. Кроме того, от этого сна он всегда напрягался всем телом, и у него болела правая рука. Рядом с его одеждой на полу лежал коричневый медвежонок с бантиком и надписью на животе. «Лучшей в мире маме». Его заинтересовало, не купила ли она медвежонок сама. Ему было трудно представить, что лежащая в постели женщина могла быть лучшей хоть в чем-то. Он поднял медвежонок и поставил его рядом с ней в качестве приветия. Затем посмотрел на нее в последний раз, быстро и беззвучно оделся и ушел.

Было жарко. По-настоящему. Жара обволокла его в ту же секунду, как он вышел на улицу, хотя было еще лишь пять утра. Из включенного где-то телевизора он услышал, что Стокгольм накрыла тропическая жара. Что требовалось для того, чтобы классифицировать жару как тропическую, он не знал, но сам просто считал, что, на хрен, слишком жарко. Все время. Не успел он отойти и ста метров от парадного Аннетт, как по спине потек пот. Толком не зная, где находится или как ему добраться до центра Лильехольмена, он пошел в основном наобум, пока не сориентировался.

Возле метро имелся магазинчик, торгующий газетами и журналами. Себастиан двинул туда, распахнул дверь, прошел прямо к кофейному автомату и налил себе большой стакан капучино.

— Если добавите шесть крон, сможете получить еще булочку, — сообщил молодой человек за прилавком, когда Себастиан поставил перед ним кофе.

— Мне не надо булочки.

Парень за кассой, пристально посмотрев на Себастиана, улыбнулся многозначительной понимающей улыбкой.

— Бурная ночь?

— Не твое дело.

Себастиан забрал кофе и вышел. Сразу свернул направо. Идти отсюда прилично. Через мост Лильехольмсбрун, Хурнsgатан, Шлюз, набережная Шеппсбрун, мост Стрёбрун, Сталлгатан и потом домой по Страндвэген. Придет весь мокрый от пота. Но ехать на метро не хотелось. Если почувствует, что с него хватит, всегда можно поймать такси.

На улице Хурнsgатан у него развязался шнурок. Поставив стаканчик с кофе на трехфазный щит, Себастиан наклонился и завязал шнурок. Когда он вновь выпрямился и забрал кофе, его взгляд задержался на собственном отражении в слегка покрытой сажей витрине магазина рубашек. Он увидел, что вопрос о бурной ночи был обоснованным. В это утро он выглядел старше своих пятидесяти с небольшим. Более изнуренным. Чуть длинноватые волосы прилипли к потному лбу. Небритый, усталый, с ввалившимися глазами. Один с картонным стаканчиком полуостывшего кофе в пять часов утра. На пути от еще одной ночи с женщиной. На пути куда? Да, куда он направляется? Домой. Но к чему? К гостиной в квартире на Грев-Магнигатан, единственной комнате в роскошных апартаментах, которой он пользуется, за исключением кухни и ванной. Еще четыре комнаты никак не задействуются. Там полная тишина, неподвижность и постоянный полумрак из-за опущенных жалюзи. Так куда он идет? Куда он идет, начиная со второго дня Рождества 2004 года? Ответ прост: никуда. Он убедил себя в том, что доволен этим. Что так ему и хотелось, что он сознательно позволяет жизни проходить мимо, точно она — одна из комнат его квартиры, в постоянном полумраке.

Себастиан знал, почему. Он боялся, что для возвращения ему придется отказаться от Сабины. И Лили. Чтобы жить дальше, ему требуется забыть дочку и жену. Этого он не хотел. Он знал, что множество людей, большинство, возвращается к жизни после потери когонибудь из близких. Идет дальше. Память о них уживается с современностью. Жизнь продолжается с нехваткой лишь одного осколка. Она не полностью разбита, как у него. Он знал об этом. Но был просто-напросто не в силах восстановить ее. Даже не пытался.

Однако Ванья вновь придала его существованию чуть-чуть смысла, и теперь он решил предпринять первые шаги к изменению. Если только Тролле сделает свое дело, он сможет вбить клин между Вальдемаром и его дочерью. Вопрос лишь в том, как действовать дальше? Если ему удастся перевернуть весь мир Ваньи и спровоцировать ее падение, не следует ли ему быть наготове и подхватить ее? Лучше всего было бы стать частью ее будней до катастрофы. Пусть неприятной ей частью, но все-таки кем-то, кто окажется достаточно близко, чтобы естественно сблизиться с ней, когда она будет в этом нуждаться.

Это могло бы оказать ему двойную услугу.

Стать частью ее будней. Ее будни — это Госкомиссия. А Госкомиссия — бывшее рабочее место Себастиана. Место, где он раньше ощущал себя сопричастным, где использовал свои знания. Приносил пользу. Работал. Имел жизнь.

Разделить с кем-то жизнь можно, только имея собственную.

В начале шестого утра у него, потного, усталого и опустошенного, все встало на свои места, и он принял решение.

Он должен быть поблизости от Ваньи и снова создать себе жизнь.

Все в одном месте.

Последний взгляд в темное окно витрины, и он все изменит.

Торкель заехал на свое парковочное место в гараже под зданием полиции, заглушил мотор и вылез из машины. Кондиционер «Ауди» держал в салоне приятные 17 градусов, и Торкель, невзирая на то, что проспал недолго, чувствовал себя отдохнувшим и бодрым, когда, заперев машину, направлялся к лифту. Он пытался не слишком много думать о прошлой ночи. Не строить иллюзий. Когда они после всего лежали в его постели, он чувствовал, как ему ее не хватало. Он подумал было пододвинуться поближе и просто обнять ее, но не решился. Знал, что ей этого не хочется. Однако прошлым вечером она была ближе к нему, чем когда-либо прежде. Это произошло у него дома. Она вернулась. Предпочла его. Не целиком и полностью. Но все-таки.

Урсула, вероятно, не могла предпочесть кого-нибудь целиком и полностью.

И он достаточно взрослый для того, чтобы суметь с этим жить.

Когда он утром проснулся, ее уже не было. Он не слышал, когда она выбралась из постели и ушла. Она не разбудила его и не попрощалась. А чего он ожидал? Ведь речь все-таки шла об Урсуле.

Торкель заглянул в канцелярию, кивнул сидевшему за стойкой полицейскому в форме, который протянул ему утренние газеты, и уже вытащил карточку-ключ для внутренней двери, но, не успев ею воспользоваться, услышал:

— Доброе утро.

Первой его мыслью, когда он обернулся, было: какой-то бездомный, но миллисекундой позже он узнал посетителя. Себастиан встал с одного из двух диванов вестибюля, где сидел в полусне, и двинулся по каменному полу в его сторону.

— Себастиан. Что ты тут делаешь?

Торкель пошел ему навстречу и, подавив импульс обнять посетителя, протянул ему руку. Себастиан коротко пожал ее.

— Поджидаю тебя. Я не записывался заранее, но, возможно, ты меня все-таки примешь?

«Как типично для Себастиана, — подумал Торкель. — Просто появиться. Удобное ему время должно подходить всем остальным». После того как они вместе раскрыли в апреле дело в Вестеросе, Себастиан опять просто пропал. Не выразил ни малейшего желания начать снова общаться, восстановить дружбу, ожидавшую своего часа лет двенадцать. Бог свидетель, Торкель предоставлял ему случаи, но Себастиан ловко уклонялся от всех попыток завязать с ним более глубокий контакт.

Несколько коротких секунд Торкель раздумывал, не взять ли и просто-напросто отказать ему. Сказать, что нет, на этот раз принять никак не могу. Нет времени. Так было бы, конечно, лучше всего. Правильнее. Опыт подсказывал, что внезапное появление Себастиана не может привести ни к чему хорошему. Тем не менее Торкель поймал себя на том, что кивком показывает Себастиану следовать за ним, проводит карточкой и впускает его в помещения Госкомиссии.

— У тебя усталый вид, — произнес Торкель, пока они стояли в лифте, поднимавшем их на четвертый этаж.

— Я действительно устал.

— Ты долго ждал?

— Где-то с час.

Торкель бросил взгляд на часы. Без десяти семь.

— Ты рано встал.

— Я, собственно, и не ложился.

— Хочешь рассказать, где ты был?

— Едва ли.

Они замолчали. Анонимный женский голос возвестил, что они попали на нужный этаж, и двери открылись. Себастиан вышел первым. Они двинулись по коридору.

— Чем ты теперь занимаешься? — нейтральным тоном спросил Торкель, пока они шли к его кабинету.

Себастиан не мог не отдать ему должное. Несмотря ни на что, всегда встречает корректно.

— Знаешь, как обычно.

— Значит, ничем.

Себастиан не ответил. Возле одной из дверей Торкель остановился, открыл ее и впустил Себастиана в кабинет. Оставив дверь открытой, он снял куртку и повесил ее на один из крючков висящей на стене вешалки. Себастиан опустился на двухместный диван, стоявший вдоль одной из стен.

— Кофе хочешь? — спросил Торкель, усаживаясь за письменный стол и легонько подталкивая мышку, чтобы пробудить к жизни компьютер из режима экономии энергии.

— Нет, я хочу работу. Или, вернее, мне нужна работа. Поэтому я здесь.

Торкель толком не знал, чего он ожидал. Где-то в глубине души он, пожалуй, понимал, что появление Себастиана ранним утром могло означать только одно: ему что-то нужно. Для себя. Но это? Уж не ослышался ли он?

— Ты хочешь работу. Здесь? Ни с того ни с сего?

— Да.

— Нет.

— Почему нет?

— Я не могу просто так принимать людей на работу.

— Можешь, если скажешь, что они тебе требуются.

— Вот именно...

Торкелю впервые было немного трудно смотреть Себастиану в глаза. Он чувствовал свое уязвимое место. Возможно, сейчас Себастиан им действительно нужен? Тогда почему же Торкель ему не позвонил? Из-за личного нежелания вновь принимать Себастиана? Он чувствовал себя преданным бывшим другом — не затмило ли это его профессиональную оценку? Он убедил себя в том, что даже при наличии третьей жертвы присутствие Себастиана принесет больше вреда, чем пользы.

Себастиан истолковал молчание Торкеля как то, что тот взвешивает предложение. Он склонился вперед.

— Брось, Торкель, ты же знаешь мои способности, знаешь, какую я могу принести пользу. Разве мы уже не обсуждали это в Вестеросе?

— Нет, не обсуждали. Насколько мне помнится, подключившись к нам в Вестеросе, ты обращался со мной и моей командой более или менее как с дерьмом, а потом опять исчез.

Себастиан кивнул, в словах Торкеля было, пожалуй, довольно много правды.

— Но ведь работа шла нормально.

— Для тебя, возможно, да.

О дверной косяк постучали, и в комнату вошла Ванья. Она бросила беглый взгляд на гостя на диване, и в ее отношении к посетителю невозможно было ошибиться:

— Какого черта он здесь делает?

Себастиан быстро поднялся. Сам не зная, зачем. Просто показалось правильным встать, когда вошла Ванья. Будто он жених из романа Джейн Остен. Неважно, что он видел ее меньше суток назад, казалось, будто это было слишком давно.

— Здравствуй, Ванья.

Ванья даже не удостоила его взглядом. Она продолжала требовательно смотреть на Торкеля.

— Он просто зашел навестить. Проходил мимо...

— Как твои дела? — вновь попытался Себастиан.

— Все в сборе. Ждем только тебя, — продолжила Ванья так, будто его вообще не было в комнате.

— Отлично. Я приду сразу, как смогу. У нас еще этим утром будет пресс-конференция.

— Пресс-конференция?

— Да. Обсудим позже. Две минуты.

Ванья кивнула и ушла, даже не взглянув на Себастиана. Торкель видел, как Себастиан проводил ее взглядом. Она вела себя необычно резко. Откровенно невежливо. Возможно, следует ей на это указать, но вместе с тем ее поведение укрепило его в правильности решения не позволять Себастиану вновь становиться частью группы. Торкель встал, и Себастиан опять переключил внимание на него.

— Пресс-конференция... Чем вы занимаетесь?

У Торкеля хватило ума не протягивать Себастиану мизинец. Обойдя вокруг письменного стола, он подошел к нему и положил руку на плечо.

— Думаю, тебе действительно было бы очень полезно найти работу.

— Я ведь это и говорю.

— Я правда был бы очень рад, если бы мог тебе помочь.

— Ты можешь.

— Нет, не могу.

Молчание. Торкелю показалось, что он видит, как у Себастиана в глазах что-то погасло.

— Брось, не заставляй меня просить...

— Мне надо идти. Дай знать, если захочешь когда-нибудь просто встретиться. Вне работы.

Быстро сжав плечо Себастиана, Торкель развернулся и вышел из кабинета.

Себастиан остался стоять. Результат его визита, пожалуй, оказался предсказуемым, но он все равно ощущал разочарование. Пустоту. Немного постояв, он взял себя в руки, покинул кабинет и отправился домой.

Разделить с кем-то жизнь можно, только имея собственную.

Как, черт возьми, ее создать, если никто не хочет дать ему шанс?

* * *

«Ему необходимо их помыть», — думал Себастиан, глядя через грязные стекла окон,

выходящих на Карлавэген. Прямо перед ним стоял припаркованный во втором ряду белый грузовик компании «Статойл». Два парня лет тридцати пытались вытащить оттуда слишком большое пианино. Себастиан с любопытством наблюдал за тем, что за несколько секунд определил как нереальный проект. Пианино слишком тяжелое. Парни слишком худые, и их слишком мало. Простая математика.

Стефан побежал в магазин «Севен-Элевен», чтобы купить молока к кофе, которым всегда настоятельно угощал, и оставил Себастиана в приемной одного. Себастиан отодвинул левую занавеску, чтобы та не закрывала ему обзор, и, усевшись поудобнее в большое кресло, еще немного понаблюдал за попытками парней достать пианино. Потом откинулся на спинку и закрыл глаза.

Он чувствовал, что чуть ли не с нетерпением ждет. Вероятно, в основном того, что должно вскоре произойти.

Возвращения.

Мгновения, когда снова обретет контроль и нанесет ответный удар. Сильный. Себастиан открыл глаза и бросил взгляд на приключение пианино снаружи. Дело там приостановилось, поскольку парни, похоже, обсуждали, как им действовать дальше. Себастиан потерял к ним интерес и взял со стола свежий номер газеты «Дагенс Нюхетер».

Что-то произошло за рубежом.

Что-то другое в стране.

Его это не волновало, просто надо было чем-то заняться.

Он увидел на столе срезанные цветы. Как все это типично для Стефана. Сегодняшняя газета и свежие цветы. Свежесваренный кофе с молоком. Стефан живет сегодняшним днем. Будто каждый день имеет значение.

Еще через несколько минут Себастиан услышал, как открывается наружная дверь, и секундой позже появился Стефан с пакетом молока средней жирности. Себастиан положил перед собой в принципе не прочтенную газету и приветственно кивнул ему.

— Кофе будешь? — спросил Стефан, направляясь к кофеварке.

— Поскольку ты сбегал за молоком, я просто не решаюсь отказаться.

— Ты всегда решаешься отказываться, — улыбнулся Стефан.

— Тогда я откажусь. — Себастиан улыбнулся в ответ.

Стефан кивнул и налил себе чашку. Открыл только что купленный пакет молока и добавил немного в кофе.

— В последний раз ты был здесь не очень давно, — сказал он, балансируя с полной чашкой в руках обратно к креслу.

— Знаю.

— У тебя довольный вид. Что-нибудь произошло?

— Нет, почему что-нибудь должно было произойти? — Себастиан улыбнулся самой обезоруживающей улыбкой, на какую был способен. Ему хотелось максимально растянуть удовольствие.

— Не знаю, мне просто так кажется.

Стефан поставил чашку на стол рядом с букетом цветов и уселся на свое место. После нескольких секунд молчания Себастиан почувствовал, что пора начинать.

— Я сегодня встретился с Ваньей.

Вид у Стефана сделался скорее усталый, нежели удивленный.

— Я полагал, мы договорились о том, что ты не будешь вступать с ней в контакт. Что она

сказала?

— «Какого черта он здесь делает?»

Стефан покачал головой.

— Ты же обещал.

— Дело было не так. Я искал работу.

— Где же?

— В Госкомиссии.

— Из всех мест...

— Брось, ты же сказал, что мне надо чем-то заняться, и я хочу начать работать, мне необходимо обрести... структуру. В этом ты прав. Но мне требуется что-то интересное. Увлекательное.

— А не просто сидеть и страдать целый вечер, как вчера?

Себастиан не ответил, а опять посмотрел в окно. Парни сидели и курили. Пианино стояло на том же месте.

— Групповая терапия действует гораздо лучше, если в ней участвуют, — продолжил Стефан. — Разговаривают, знаешь ли.

Себастиан посмотрел на Стефана честным взглядом.

— Это не мое, я же говорил. Господи, они без конца болтали о своих банальных проблемах. Как ты только выдерживаешь?

— Дело привычки. У меня есть пациенты, которые испытывают мое терпение куда больше, — многозначительно сказал Стефан.

Себастиан намеренно не стал отвечать на иронию, у него еще осталась в запасе тяжелая артиллерия.

— Сегодня вечером я все равно не приду.

— Я считаю, тебе надо попробовать еще раз.

— Не думаю. Знаешь... — Себастиан замолчал. Художественная пауза. По опыту лекций он знал, что внезапные сценические повороты часто оказываются более эффективными, если начать с паузы. Сейчас он стремился к максимальному эффекту. И, выждав, выдал:

— Вчера после встречи я переспал с этой Аннетт.

Стефан побледнел, не в силах скрыть возмущения.

— Какого черта ты это сделал?

Себастиан развел руками, словно извиняясь.

— По недоразумению. Неумышленно.

— Неумышленно? Это как? Как, черт возьми, такое возможно неумышленно?

Стефан попытался успокоиться, откинувшись на спинку кресла. Похоже, ему это не слишком удалось, с удовлетворением отметил Себастиан.

— Надо было... чем-то заняться. Ну, немного развеять мысли. Ты же меня знаешь. Я таков. — Он посмотрел на Стефана с притворным интересом. — Ты хорошо ее знаешь?

— Она моя пациентка уже давно. Она чувствует себя полностью брошенной сыном, бывшим мужем, всеми. У нее проблема с доверием и крайне низкая самооценка.

— Да, заметно. Она впитывала близость как губка. Но в постели она чистый дьявол.

Стефан встал с кресла так резко, что кофе выплеснулся на стол, все его мягкие понимающие стороны как ветром сдуло. Он расвирепел.

— Ты понимаешь, что ты натворил? Понимаешь, как она себя чувствовала, проснувшись в одиночестве? Я предполагаю, что на завтрак ты не остался.

— Да, у меня печальный опыт совместных завтраков.

— И теперь ты намерен просто избегать ее?

— Таков план. Обычно ничего страшного не происходит. — Себастиан сделал еще одну паузу и взглянул на Стефана с откровенно наигранным состраданием. — Мне жаль, Стефан, но я ведь предупреждал, что не подхожу для групповой терапии.

— Вопрос в том, существует ли вообще такое место, где ты подходишь. Уходи. — Стефан указал рукой на дверь. — Не желаю тебя больше видеть.

Себастиан кивнул и встал. Он покинул Стефана с его свежей газетой и букетом.

Стефан прав.

Каждый день имеет значение.

* * *

Домой высокий мужчина пришел почти ликуя. Он видел рекламные афиши и заголовки только что вышедших вечерних газет. Состоялась пресс-конференция. О нем. Ему ничего так не хотелось, как читать, но просто вбежать в квартиру и открыть купленные газеты было нельзя.

Ритуал.

Он обязан ему следовать.

Быстро и привычно он зажег лампу в прихожей и запер за собой дверь. Снял ботинки, поставил их на подставку для обуви, надел тапочки, снял тонкую куртку и повесил ее на единственную вешалку под шляпной полкой, на которой не лежало ничего, кроме большого фонаря. Сняв с себя все, что собирался — зимой на полку отправлялись также шарф, шапка и варежки, всегда в таком порядке, — он открыл дверь в туалет и зажег свет там тоже. Глядя в полную темноту помещения без окон, он, как всегда, на секунду испытал острую неприязнь, пока не замигала световая трубка. Зайдя в туалет, он, прежде чем расстегнуть ширинку и помочиться, проверил, что карманный фонарик, находящийся на полочке в пределах досягаемости, работает. Затем он взял фонарик с собой к раковине, вымыл руки, вернул фонарик на место и, оставив дверь в туалет открытой, прошел в гостиную. Зажег лампу на потолке, тут же свернул налево, вошел в кухню и включил свет там тоже — на потолке и над плитой. Здесь надо проверить два фонарика. Оба работают. Осталась только спальня. Лампа на потолке и одна прикроватная лампа, потом фонарик на ночном столике.

Зажжено повсюду. Необходимости в этом не было. В квартиру из всех окон струился солнечный свет. Его ничто не заслоняло и не затемняло. Никаких маркиз снаружи, никаких занавесок внутри. Переехав сюда, высокий мужчина первым делом снял все жалюзи. Нет, сегодня электрический свет не требуется. Но это ритуал. Если совершать его даже при отсутствии необходимости, не придется волноваться, что забудешь его, когда он окажется важен.

Однажды, много лет назад, в районе, где он жил, отключилось электричество. Стало темно, не только у него, а повсюду. Хоть глаз выколи. Он быстро нашел ближайший фонарик, но батарейка села или перегорела лампочка. Он давно не производил проверку. Это было до ритуала. От охвативших его паники и парализующего страха его вырвало, после чего, пока не дали электричество, ему пришлось несколько часов неподвижно пролежать на полу.

Вообще-то он очень любил лето. Не обязательно жару, но свет. Лучше всего было вокруг

праздника летнего солнцестояния, но нравился ему свет, а не праздник. Праздников он не любил. Никаких, но особенно день летнего солнцестояния.

Именно во время этого праздника он впервые заметил, что что-то не так.

Что она не такая, как все.

Ему было три года, возможно, четыре. Они уселись в машину и отправились на празднование на большом лугу около озера. Когда они приехали, майский шест^[17] уже стоял. Народу собралось много, и они со своими пледами и корзинкой для пикника оказались довольно далеко от самого места праздника. Ветер периодически доносил обрывки народной музыки туда, где они сидели с бутербродами и клубничным тортом, а мама с папой еще с белым вином. Танцы начались в три часа. Народу было много. Образовалось четыре или пять кругов. Он очень любил танцевать. Особенно ему нравились два танца. Там были такие забавные движения. Возможно, это началось раньше, вероятно, да, но таких воспоминаний у него не сохранилось. Впервые это произошло там. На празднике летнего солнцестояния. На солнце, в предпоследнем круге. Когда она танцевала с ним. Его ручка в ее руке. Он помнил, что был счастлив и смотрел на нее. Ее взгляд во время танца был прикован к чему-то вдаль. Казался отсутствующим. Она не пела. Не улыбалась. Ее тело двигалось в танце так, будто она спит. Без всякого чувства. Равнодушно. Он помнил, что испугался и дернул ее за руку. Она посмотрела на него и в ту секунду, когда их взгляды встретились, улыбнулась, но улыбка так и не достигла ее глаз. Была механической, заученной, нацеленной на то, чтобы убедить его, что все идет как надо. Но это было не так. Ни тогда, ни уж точно потом.

«Мама сейчас неважно себя чувствует». Она говорила это, когда ему не позволялось залезать к ней на колени или когда она посреди дня лежала в спальне с задернутыми занавесками. Когда она сидела на полу, прижав колени к подбородку, и только плакала, и отцу приходилось забирать его из детского сада, поскольку она просто-напросто не являлась. Так она говорила, когда оказывалась не в силах готовить еду в те дни, когда он бывал с ней дома, или прямо перед тем, как захлопнуть за собой дверь, оставив его на несколько часов в одиночестве.

«Мама сейчас неважно себя чувствует». Отец говорил это ему, когда, шикая, пытался объяснить, почему надо ходить дома в мягких тапочках, почему нельзя показывать, что он огорчен, взволнован или рассержен. В качестве причины того, почему ему приходилось часами сидеть неподвижно, почти незаметно, в те дни, когда она все-таки вставала с постели. Он приводил это в качестве причины того, что они никогда ничего не делают вместе, и почему он должен быть умницей и заботиться о ней, пока папа зарабатывает деньги.

Потом он говорил это сам, когда достаточно подрос, и его одноклассники стали спрашивать, почему он так редко посещает школу, почему им нельзя бывать у него дома, почему он никогда никуда вместе с ними не ходит, почему он не появляется на праздниках или не занимается спортом.

«Мама сейчас неважно себя чувствует».

Иногда, когда она чувствовала себя лучше, она жалела его, поскольку ему приходилось расти с такой плохой мамой.

Чаще она говорила ему, что в ее болезни виноват он. Не роди она его, все было бы хорошо. Он погубил ее.

Когда ему исполнилось десять, она больше не могла оставаться жить с ними. Она

исчезла. Куда, он не знал. Никогда ее не навещал. Как ни странно, отец стал бывать дома больше. Теперь, когда он действительно мог справляться сам. Отчасти поскольку уже достаточно повзрослел, а отчасти потому, что больше не требовалось заботиться о маме. Только много позже он понял, что отец все эти годы просто сбегал на работу. Держался подальше. Не мог справиться с болезнью и перекладывал ответственность на него. Он предполагал, что смог бы возненавидеть отца, но когда он до этого додумался, у него уже имелось очень много других объектов для куда более сильной ненависти.

Его мать умерла через полгода после того, как покинула их. На похоронах тихими голосами говорили о самоубийстве, но точно он так и не узнал.

Еще шесть месяцев спустя в его день рождения появилась незнакомая женщина. Звали ее София. Праздника у него не было. Кто мог бы прийти? После нескольких лет отсутствия социальных контактов и многочисленных пропусков занятий в школе у него не имелось друзей. София принесла подарок. Игровую приставку «Снес». Он мечтал о ней с тех самых пор, как она появилась год назад, но все время слышал, что она слишком дорогая и им не по средствам. Однако София, похоже, не сочла такой подарок особенно эксклюзивным. Помимо самой приставки, ему досталось еще четыре игры! Он сразу понял, что у нее, должно быть, больше денег, чем у них. Чем у них когда-либо было.

Она осталась ночевать.

Спала в спальне вместе с его отцом.

Позже отец рассказал, что они познакомились в аукционной фирме, где он работал. София проявила осведомленность и интерес. Она отдала кое-что на продажу, но и приобрела на аукционе множество красивых вещей. Дорогих вещей. София ему понравилась. Благодаря ей отец стал веселее, чем был очень долгое время.

В последующие месяцы он познакомился с Софией ближе. Намного ближе. Однажды отец с Софией уехали на выходные, а вернулись уже обручившись. Отец потом поговорил с ним. Серьезно. Он собирался жениться, и им предстоял переезд. Прочь от всего. К Софии. Которая жила в большой квартире в центре. Он вовсе не сомневался в том, что София отцу нравится, но понимал, что деньги тоже играют не последнюю роль. Отец часто возвращался к тому, что им повезло, что если они разыграют свои карты правильно, то никогда не будут ни в чем нуждаться, и что это шанс получить нечто большее.

Новый старт.

Новую жизнь.

Лучшую жизнь.

Он заслужил это. После всего происшедшего. На этот раз все будет хорошо. Ничто и никто не сможет помешать этому.

Через несколько недель после обручения он впервые встретился с семьей Софии. С ее мамой и папой, Леннартом и Свеа — парой лет шестидесяти, и с братом Карлом. Ужин в ресторане «Вилла Челльхаген»^[18]. Приятно. Он пролил свой напиток и весь сжался, опасаясь последствий, но никто не рассердился. Чем дольше продолжался ужин, тем свободнее он себя чувствовал. У Софии, похоже, была приятная семья, без всяких там психов. Когда они собрались уходить, отец Софии отвел его чуть в сторону.

— Меня, как ты знаешь, зовут Леннартом, но если хочешь, можешь называть меня дедушкой, мы ведь теперь родственники.

[Купить полную версию книги](#)

Пригород Стокгольма. — *Здесь и далее примеч. пер.*

«Лёвхага» — психиатрический стационар закрытого типа.

Имитатор (*англ.*).

Rigor, rigor mortis — трупное окоченение (*лат.*), autolys — аутолиз, саморастворение клеток (*лат.*), tache noire — трупные пятна (*фр.*).

Эстерлен — район на юго-востоке Швеции, популярное место для летнего отдыха.

Имеется в виду здание Полицейского управления, расположенное в Стокгольме на острове Кунгсхольмен.

Юсси Бьёрлинг (1911–1960) — шведский оперный певец, пользовавшийся всемирной известностью.

Вестерос — город, расположенный примерно в 100 км к северо-западу от Стокгольма.

Имеются в виду хлебобулочные изделия, заранее приготовленные для выпечки и хранящиеся в морозилке.

Ваксхольм — небольшой курортный городок в шхерах, неподалеку от Стокгольма.

Лунд — университетский город на юге Швеции.

Фрескати — район Стокгольма, где расположена бóльшая часть корпусов Стокгольмского университета.

Получается игра слов, поскольку «С» может означать третий номер, а кроме того, по-английски с этой буквы начинается слово «криминология». Кафедра в этом здании была создана позже его постройки — отсюда «провидец».

Бандхаген — район в пригороде Стокгольма.

Имеется в виду Карл-Антон Аксельссон (род. в 1933 г.) — известный шведский автор-исполнитель песен, использовавший артистическое имя Карл-Антон и с 1965 года начавший регулярно выступать с концертами в Витабергспаркен. С 1981 по 1995 год его выступления транслировались по телевидению.

Эстергётланд — провинция на юго-востоке Швеции.

Майский шест — главный атрибут праздника летнего солнцестояния, его украшают цветами, а затем поднимают и устраивают вокруг него танцы.

Дорогой ресторан в центре Стокгольма.